ИЭН

МАКЬЮЭН

МАШИНЫ КАК Я

18+

Машины как я
Иэн Макьюэн

Аннотация
Иэн Макьюэн. Машины как я
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Благодарности

Аннотация

В своей новой книге один из лучших британских писателей задает самые важные вопросы: что делает нас людьми? Что определяет наши поступки и внутренний мир? Может ли машина понять человеческое сердце?

В центре сюжета – альтернативная история. Британия проиграла Фолклендскую войну, а Алан Тьюринг сделал прорыв в создании искусственного интеллекта: этот мир отличен от нашего, и даже любовь в нем живет по другим законам.

В альтернативном Лондоне 1980-х заблудший неудачник Чарли влюбляется в Миранду – девушку, в прошлом которой большая тайна. Когда Чарли вдруг разживается деньгами, он первым делом покупает Адама – одного из первых андроидов. Вместе с Мирандой они создают Адаму личность. Новое существо – почти идеальный человек. И вскоре троица образует любовный треугольник.

Иэн Макьюэн
Машины как я

Посвящается Грэму Митчисону (1944–2018)

Но наш закон должны вы все-таки принять; Не различаем мы, где правда, а где ложь…

Редьярд Киплинг, Секрет машин[1]

[1] Примечания: 1

Перевод Владимира Филиппова.

Ian McEwan
MACHINES LIKE ME
Copyright © Ian McEwan 2019

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

1

Это было чаянием религиозного порядка, святым граалем науки. Наши амбиции простирались везде и всюду — претворить в жизнь миф о сотворении через чудовищный акт себялюбия. Как только это стало возможным, мы не могли не поддаться такому соблазну — и будь что будет. Выражаясь возвышенным слогом, мы вознамерились избегнуть смертности, бросить вызов или даже заместить Бога-творца, создав собственное идеальное подобие. Говоря приземленнее, мы задались целью разработать улучшенную, обновленную версию самих себя и, достигнув в этом мастерства, возликовать в изобретательском экстазе. Наконец-то на закате двадцатого века был сделан первый шаг на пути исполнения древней мечты и положено начало долгого урока, который мы должны будем усвоить, состоящего в том, что при всей нашей неоднозначности и ущербности, при всех сложностях описания даже наших простейших действий и способов бытия мы поддаемся имитации и улучшению. И мне довелось оказаться на этом зябком рассвете, будучи

молодым человеком, исполненным наивности и энтузиазма, в роли приемного родителя.

Однако образ успел стать клише задолго до того, как появились первые искусственные люди, поэтому некоторые восприняли их с разочарованием. Воображение — смелее, чем история и технический прогресс, — уже проработало это будущее в книгах, фильмах и телесериалах, как будто актеры с особым остекленелым взглядом, дергаными движениями головы и скованной осанкой могли подготовить к жизни с нашими будущими собратьями.

Я относился к оптимистам и стал обладателем неожиданных средств, полученных от продажи фамильного дома после смерти матери, который, как оказалось, был расположен в дорогом районе застройки. Первый по-настоящему полноценный искусственный человек с адекватным интеллектом и внешностью, правдоподобными движениями и мимикой поступил в продажу за неделю до начала безнадежной Фолклендской кампании[2]. Адам стоил восемьдесят шесть тысяч фунтов стерлингов. Арендовав микроавтобус,

[2] Примечания: 2

Речь идет о войне между Аргентиной и Великобританией, продлившейся с 2 апреля по 14 июня 1982 года. В настоящем романе, в отличие от действительности, победила Аргентина. — *Здесь и далее прим. пер.*

я привез его к себе домой, в мою неприглядную квартирку в Северном Клэпеме. Это было безрассудное решение, но меня обнадеживала новость, что сэр Алан Тьюринг[3], герой войны и непревзойденный гений цифрового века, заказал себе такую же модель. Он, вероятно, собирался разобрать ее на части в своей лаборатории, чтобы досконально изучить внутреннее устройство.

Двенадцать роботов первой партии носили имя Адам, тринадцать — Ева. Подход мещанский — все это признавали, — впрочем, коммерчески оправданный. Соображения о строгом расовом различии были отброшены наукой, так что эти двадцать пять экземпляров представляли собой широкое этническое разнообразие. Пошли слухи, а позднее жалобы, что робота-араба невозможно отличить от робота-еврея. Произвольное программирование и личные наклонности давали всем полную свободу в сексуальных предпочтениях. К концу первой недели все Евы были раскуплены. Мой Адам для постороннего наблюдателя мог сойти за турка или грека. Он весил

[3] Примечания: 3

Алан Тьюринг (1912–1954) — английский математик, логик, криптограф, оказавший большое влияние на развитие информатики. В настоящем романе он прожил намного дольше, чем в действительности.

170 фунтов[4], так что мне пришлось обратиться за помощью к Миранде, соседке сверху, чтобы втащить его в дом на прилагавшихся к нему одноразовых носилках.

Пока заряжались батареи, я сварил нам с Мирандой кофе, а затем пролистал 470-страничную электронную инструкцию. Ее язык, по большей части, отличался ясностью и четкостью. Но Адам был совместным продуктом нескольких фирм, и местами инструкция напоминала очаровательную поэму-нонсенс. «Извлеките наружу вверх вставку B347k для безопасного доступа к эмограмме с выходом на материнскую плату для смягчения полутонов эмоциональных перепадов».

Итак, картон и пенопласт лежали у его ног, а обнаженный Адам сидел с закрытыми глазами за моим крошечным кухонным столом, и из пупка у него выходил черный шнур, подключенный к стенной розетке мощностью в тринадцать ампер[5]. Для зарядки требовалось шестнадцать часов. С последующей загрузкой обновлений и личных предпочтений. Я хотел, чтобы он

---

[4] Примечания: 4
77 кг.

[5] Примечания: 5
Одна из стандартных мощностей бытовых электросетей в Англии.

ожил прямо сейчас, Миранда тоже желала этого. Словно молодые родители, мы жадно ждали его первых слов. Как мы знали из восторженной рекламы, он говорил не с помощью дешевой звуковой системы, скрытой в грудной клетке, но образовывал звуки речи за счет собственного дыхания, языка, зубов и неба. Его кожа, казавшаяся живой, уже была теплой на ощупь и нежной, как у ребенка. Миранда утверждала, что видит, как шевелятся его глаза под веками. Я же был уверен, что она видит вибрацию от движения подземки, проходившей в сотне футов под нами, но я ничего не сказал.

Адам не был секс-игрушкой. Тем не менее он был способен заниматься сексом и обладал слизистыми оболочками, для работы которых ему требовалось потреблять пол-литра воды ежедневно. Глядя на него, сидевшего у стола, я не мог не отметить его густую и темную лобковую растительность и необрезанный член внушительных размеров. Эта высококлассная модель искусственного человека, несомненно, отражала пристрастия своих молодых разработчиков. Адамы и Евы — так было задумано — должны отличаться цветущим видом.

В рекламе его преподносили как компаньо-

на, партнера по интеллектуальным баталиям, друга и личного помощника, который мог мыть посуду, заправлять постель и «думать». Каждый миг своего существования он записывал все, что слышал и видел, и мог использовать эти данные. Однако ему не разрешалось водить автомобиль, плавать и принимать душ или находиться под дождем без зонта, а также работать с цепной пилой без присмотра. Что касается продолжительности работы, то — спасибо превосходным аккумуляторным батареям — он мог пробегать до семнадцати километров за два часа без подзарядки или, в виде эквивалента энергозатрат, вести общение в течение двенадцати дней. Жизненный цикл Адама составлял двадцать лет. У него была аккуратная фигура, угловатые плечи, смуглая кожа и густые темные волосы, зачесанные назад; узкое лицо с чуть крючковатым носом, как бы намекавшим на острый ум, задумчивые глаза под тяжелыми веками и плотно сжатые губы, цвет которых менялся на наших глазах от трупного изжелта-белого до насыщенного телесного, а уголки рта словно чуть расслаблялись. Миранда сказала, что он напоминает ей «портового грузчика с Босфора».

Перед нами сидел венец индустрии развлече-

ний, воплощенная мечта веков, триумф гуманизма или же его ангел смерти. Он будоражил сверх всякой меры, но и вызывал досаду — смотреть на него и ждать шестнадцать часов. Я думал, что за ту сумму, что я уплатил после ланча, Адам будет уже полностью заряжен и в рабочем состоянии. За окном был промозглый день, клонившийся к вечеру. Я поджарил тосты, и мы выпили еще кофе. Миранда, стипендиат-докторант по социальной истории, сказала, что хотела бы, чтобы рядом с нами была юная Мэри Шелли, лицезрящая не монстра Франкенштейна, а этого обретающего жизнь очаровательного смуглокожего молодого человека. Я сказал, что оба эти создания имеют кое-что общее — для оживления им требуется электричество.

— Как и нам, — сказала она так, словно имела в виду только нас двоих, а не всех представителей человечества и их электрохимические процессы.

Ей исполнилось двадцать два года, и она была на десять лет моложе меня, хотя выглядела старше. Спустя десятилетия я думаю, что разница была не так уж велика. Мы оба были восхитительно молоды. Но я считал, что мы находимся на разных жизненных этапах. Мое формальное образование было давно окончено. Я считал се-

бя слишком побитым жизнью и безнадежным циником для такой славной молодой женщины, как Миранда. И пусть она была прекрасна — светло-русые волосы, тонкое продолговатое лицо и вдумчивые глаза с затаенной смешинкой — и пусть в какие-то моменты я смотрел на нее в изумлении, я изначально отвел ей роль доброй, дружелюбной соседки. Мы то и дело сталкивались в прихожей, а ее квартирка располагалась прямо над моей. Мы периодически заглядывали друг к другу на чашку кофе и болтали об отношениях, политике и всяком таком. Она держалась потрясающе нейтрально и, казалось, с радостью приняла бы любое развитие событий. У меня было такое ощущение, что вечер интимной близости со мной для нее был бы равнозначен целомудренной дружеской беседе. Она была со мной совершенно естественна, и я внушил себе, что секс все бы испортил. Так что мы оставались приятелями. Но в ней была какая-то манящая загадка, что-то тайное. Возможно, я, сам того не зная, был влюблен в нее уже много месяцев. Сам того не зная? Что за дурацкая отговорка!

Мы с неохотой согласились на какое-то время отвлечься от Адама и друг от друга. У Миранды намечался семинар на северной стороне реки, а мне

нужно было писать электронные письма. Когда-то цифровая коммуникация считалась верхом удобства, но к началу семидесятых она утратила ощущение новизны и сделалась обычным рабочим инструментом. Как и поезда со скоростью двести пятьдесят километров в час — грязные и забитые до отказа. Устройства с распознаванием речи — чудо пятидесятых — давно стали повседневностью, так что теперь массы людей ежедневно гробят несколько часов своего времени, упражняясь в красноречии перед машиной. А интерфейс с мысленным управлением — дикий плод жизнелюбивых шестидесятых — теперь не способен увлечь даже ребенка. То, ради чего люди отстаивали очереди все выходные, полгода спустя увлекало их не больше, чем собственные носки. Что стало со шлемами умственной прокачки и говорящими холодильниками, распознающими запахи? Они разделили судьбу ковриков для мыши, борсеток с калькуляторами, электрических резаков и наборов для фондю. А будущее продолжало манить нас из прекрасного далека. Наши дивные новые игрушки успевали заржаветь еще до того, как мы доставляли их домой, а жизнь шла своим чередом.

Сможет ли наскучить Адам? Нелегко диктовать

письма, когда ты с трудом подавляешь мандраж перед новой покупкой. Несомненно, новые люди и новые умы будут продолжать нас очаровывать. Учитывая, что искусственные люди становятся все более похожими на нас, они должны со временем сравняться с нами, а затем превзойти, так что наскучить нам они не смогут. Удивление — вот неизменное чувство, вызываемое ими. От них можно ожидать любого самого невероятного подвоха. Они могут стать источником трагедии, но никак не скуки.

Но руководство пользователя всегда наводило на меня тоску. Инструкции. Я был убежден, что любая машина, принцип управления которой не очевиден пользователю, себя не оправдывает. Повинуясь давней привычке, я распечатывал руководство и искал скоросшиватель. И продолжал диктовать письма.

Я не мог считать себя «пользователем» Адама. Я полагал, что всему, что понадобится знать о нем, он сможет научить меня сам. Но руководство у меня в руках раскрылось на четырнадцатой главе — и вот, пожалуйста: предпочтения; личностные параметры. И заголовки: доброжелательность; экстраверсия; открытость новым впечатлениям; добросовестность; эмоциональная устойчивость.

Этот перечень был мне знаком. Пять факторов модели личности. Как человек с гуманитарным образованием, я воспринимал такую категоричность с подозрением, хотя мой приятель, психолог, говорил, что каждая из этих категорий подразделяется на множество подгрупп. Взглянув на следующую страницу, я увидел, что мне нужно установить различные настройки по десятибалльной шкале.

Я-то ожидал, что получу друга. Я собирался относиться к Адаму как к гостю в моем доме, как к незнакомцу, с которым мне предстоит познакомиться. Я думал, он прибудет ко мне с оптимальными настройками. Заводские настройки — современный синоним судьбы. Друзья, родственники и подруги — все они входили в мою жизнь с «готовыми настройками», с набором качеств, определявшихся генами и внешней средой. И я ожидал того же от своего нового дорогостоящего друга. Зачем мне с этим ковыряться? Но я, разумеется, знал ответ. Мало кто из нас имеет оптимальные настройки. Добрый Иисус? Смиренный Дарвин? По одному на каждые тысячу восемьсот лет. Даже если бы наилучшие, наименее вредоносные качества личности были известны, что было невероятно, корпорация с

мировым именем и безупречной репутацией не могла пойти на такой риск. *Caveat emptor*[6].

Когда-то Бог послал на благо своему Адаму полностью готовую спутницу. Я же должен был разработать себе спутника самостоятельно. Передо мной была экстраверсия и размеченный по баллам набор детских утверждений. «Он любит быть стержнем и душой компании» и «Он знает, как увлечь людей и повести их за собой». И в самом низу: «Он испытывает дискомфорт в присутствии других людей» и «Он предпочитает держаться в стороне». А вот что было посередине: «Он любит побыть в хорошей компании, но всегда рад вернуться домой». Это про меня. Но следует ли мне создавать собственную копию? Если бы я выбирал средние значения по каждой шкале, я мог бы создать воплощенную посредственность. Антонимом которой, похоже, была экстраверсия. Там имелся длинный перечень определений с окошками для галочек: гуляка, застенчивый, темпераментный, болтливый, замкнутый, хвастливый, скромный, дерзкий, энергичный, прихотливый. И я не хотел ничего

[6] Примечания: 6

Дословно «осмотрительный покупатель» (*лат*). Принцип торговли, состоящий в том, что покупатель несет ответственность за проверку качества приобретаемого товара.

из этого — ни для него, ни для себя.

За исключением отдельных безумных решений большая часть моей жизни, особенно когда у меня никого не было, проходила в состоянии эмоциональной нейтральности, когда моя личность — что бы она собой ни представляла — пребывала в режиме автопилота. Я не был ни дерзким, ни замкнутым. Я просто был — не в радости и не в печали — и решал какие-то задачи, думал о еде или о сексе, глазел на экран, принимал душ. Мимолетные сожаления о прошлом, периодическая тревога за будущее и редкие моменты осознания настоящего, не считая очевидной чувственной реальности. Психология, когда-то уделявшая столько внимания бесчисленным проявлениям психических аномалий, теперь была увлечена тем, что считала всеобщими эмоциями, — от скорби до восторга. Но она упускала из виду значительную часть повседневного существования: при отсутствии болезней, голода, войны и других факторов стресса большая часть жизни проходит в нейтральной зоне, в знакомом саду, только сером, ничем не примечательном, о котором мы почти не думаем и с трудом можем описать.

В то время я не мог знать, что эти размеченные по баллам установки повлияют на Адама

мало. Действительно важным фактором было то, что называлось «машинным обучением». Справочник пользователя просто давал людям иллюзию влияния и контроля, подобную той, что испытывают родители в отношении своих детей. Это была уловка, призванная привязать меня к покупке и обеспечить юридическую защиту производителя. «Дайте себе время, — советовало руководство. — Выбирайте осмотрительно. Если нужно, пусть это займет у вас несколько недель».

Через полчаса я снова взглянул на него. Никаких изменений. Все так же сидит за столом, вытянув руки перед собой, с закрытыми глазами. Но мне показалось, что его иссиня-черные волосы чуть взъерошились и поблескивали, словно после душа. Подойдя ближе, я с восторгом заметил, что, несмотря на отсутствие дыхания, в левой части груди стал просматриваться пульс, устойчивый и спокойный, частотой, насколько я мог определить, примерно раз в секунду. Меня это приободрило. У него не было крови, чтобы качать ее по телу, но имитация производила впечатление. Мои сомнения слегка улеглись. Возникло побуждение заботиться об Адаме, хотя я понимал его абсурдность. Я протянул к нему руку и прило-

жил к области сердца, ощутив ладонью мерную, ровную пульсацию. Я почувствовал, что нарушаю его личное пространство, так легко верилось в показатели биологической активности. Тепло его кожи, твердость и эластичность мускулов под ней — мой разум говорил мне, что это пластик или что-то подобное, но чувства уверяли, что я касаюсь живой плоти.

Жутковатое было ощущение — стоять перед голым человеком и отмечать в себе борьбу между тем, что я знал и что чувствовал. Я зашел ему за спину, отчасти из опасения, что он откроет глаза и увидит, как я над ним нависаю. Шея и спина у него были мускулистыми. Линию плеч отмечала темная поросль. Ягодицы и икры также казались атлетически рельефными. Мне не хотелось супермена. Я снова запоздало пожалел, что не выбрал Еву.

На выходе из комнаты я оглянулся и пережил одно из тех мгновений, которые способны нас обескуражить, — шокирующее осознание очевидного, абсурдно внезапное принятие того, что ты и так уже знал. Я стоял, положив одну руку на дверную ручку. Должно быть, это озарение нашло на меня из-за наготы Адама, из-за его физического присутствия, хотя я не смотрел на него.

Я смотрел на масленку. А также на две тарелки и чашки, два ножа и две ложки, лежавшие на столе. Следы моего долгого вечера с Мирандой. Два деревянных стула были отставлены от стола и компанейски повернуты друг к другу.

За последний месяц мы как-то сблизились. И общались так свободно. Я понял, как она мне дорога и как могу потерять ее по своей беспечности. Я уже должен был что-то ей сказать. А не принимать как должное. Между нами могло встать любое происшествие, любой человек, какой-нибудь соученик. Ее лицо, ее голос, все ее поведение — и сдержанное, и прямодушное — так отчетливо увиделись мне. И то, как она брала меня за руку, когда бывала растерянна или чем-то увлечена. Да, мы стали очень близки, и я не успел заметить, как это случилось. Я был идиотом. Я должен был ей признаться.

Я вернулся в свой кабинет, служивший мне также спальней. Между кроватью и столом оставалось достаточно места, чтобы прохаживаться взад-вперед. Теперь мысль о том, что Миранда ничего не знает о моих чувствах, наполняла меня тревогой. Меня охватывало смущение, когда я пытался представить, как скажу ей об этом, я боялся ее возможной реакции. Она была моей

соседкой, другом, почти что сестрой. Но я даже толком не знал ее. И когда я скажу ей об этом, ей придется как бы выйти на свет, снять маску и говорить со мной такими словами, каких я от нее никогда еще не слышал. *Мне так жаль… Ты мне очень нравишься, но, видишь ли…* Или это может ужаснуть ее. Но что, если она будет несказанно счастлива, услышав то, о чем сама мечтала, но так же боялась услышать отказ.

Так совпало, что в тот момент мы оба были свободны. Должно быть, она уже думала об этом, думала о нас. Это была не такая уж невозможная фантазия. Мне придется сказать ей об этом прямо, лицом к лицу. Невыносимо. Неизбежно. И так я ходил по кругу, уговаривая себя все сильнее. Не находя покоя, я опять вышел за дверь. Пересек кухню к холодильнику и вынул полбутылки белого бордо. Адам все так же сидел на месте. Я сел напротив него и поднял бокал. За любовь. Теперь он не вызывал у меня прежней теплоты. Я увидел Адама именно тем, чем он был, — синтетическим парнем, чей пульс объяснялся устойчивыми электроразрядами, а кожа была теплой просто из-за химии. Когда он зарядится, какой-то микроскопический маховик даст ему сигнал открыть глаза. Он как будто увидит меня, хотя на самом

деле будет слеп. Точнее, незряч. Когда он активируется, другая система обеспечит ему видимость дыхания, но не сделает его живым. Человек, переживающий новую влюбленность, знает, что значит быть живым.

Если бы я не потратил наследство на Адама, я мог бы купить жилье на северной стороне реки, где-нибудь в районе Ноттинг-Хилла или Челси. Миранда могла бы даже жить со мной. У меня хватило бы места для всех ее книг, сложенных в коробках в гараже ее отца в Солсбери. Я увидел будущее без Адама, будущее, которое было моим до вчерашнего дня: городской дом с садом, высокие потолки с лепниной, кухня из нержавейки, старые друзья заходят на обед. И повсюду книги. Что же делать? Я мог взять его — эту электронную куклу — и вернуть в магазин или продать на интерактивном рынке с небольшой уценкой. Я смерил Адама враждебным взглядом. Его руки лежали ладонями вниз на столе, ястребиное лицо было по-прежнему наклонено. Мое ребяческое увлечение железками! Еще один набор для фондю. Я заставил себя отойти от стола, пока с досады не уничтожил свой капитал ударом старого отцовского гвоздодера.

Я выпил примерно полбокала и вернулся в

спальню, намереваясь погрузиться в валютные рынки Азии. Но все время пытался услышать шаги в квартире сверху. Поздним вечером я включил телик, посмотреть на Тактическую группу, которую вскоре перебросят за тринадцать тысяч километров над океаном, чтобы вернуть Британии острова, известные в прошлом как Фолклендские.

* * *

Мне было тридцать два года, и у меня в кармане не было ни гроша. То, что я потратил материнское наследство на свою причуду, стало только частью моей проблемы, однако весьма показательной. Всякий раз, как у меня заводились деньги, я делал так, что они тут же исчезали, — сжигал на волшебном костре, засовывал в цилиндр и вынимал индейку. Часто, хотя и не в этом случае, я пытался заполучить гораздо большие деньги малыми усилиями. Но в денежных махинациях, в любых полулегальных схемах и хитрых комбинациях для быстрого обогащения я был простофилей. Мне удавались только широкие и красивые жесты, тогда как другие действовали с умом и процветали. Они брали кредиты, вкладывали их под проценты и оставались в плюсе даже после

уплаты долгов. Или у них были должности, профессии, как когда-то у меня, и они богатели более скромными, но устойчивыми темпами. Я же тем временем разбазаривал добро, повергая себя в благородные руины, а точнее, в двухкомнатную сырую квартирку на первом этаже, в глухом углу южного Лондона, между Стокуэллом и Клэпемом, с узкими улочками, не менявшимися с начала века.

Я вырос в сельской местности неподалеку от Стратфорда, в Уорикшире, и был единственным ребенком в семье музыканта и участковой медсестры. Если сравнивать меня с Мирандой, можно сказать, что в детстве я культурно голодал. У меня не было ни времени, ни места для книг или хотя бы для музыки. Поначалу я увлекся электроникой, но в итоге получил степень по антропологии во второразрядном колледже в Южном Мидлендсе; потом перевелся на курс переподготовки по юриспруденции и, сдав вступительный экзамен, выбрал специализацию в налогообложении. Через неделю после двадцать девятого дня рождения я был лишен права практики и чуть не попал за решетку. Сто часов общественных работ внушили мне стойкое отвращение к любой постоянной работе. Я получил немного денег за

книгу про искусственный интеллект, которую написал наскоком, — и погорел на схеме с чудо-таблетками. Выручил неплохую сумму за сделку с имуществом — и погорел на схеме с арендой автотранспорта. Мне перепало немного ценных бумаг от любимого дяди, разбогатевшего на патенте теплового насоса, — и я погорел на схеме с медицинской страховкой.

В свои тридцать два я выживал игрой на интерактивной фондовой бирже. Очередная схема. По семь часов в день я сидел, склонившись над клавиатурой, покупая, продавая, сомневаясь, хватая воздух и ругаясь, по крайней мере, поначалу. Я читал рыночные сводки, но считал, что имею дело с произвольной системой, и полагался в основном на чутье. Бывало, вырывался вперед, бывало, плелся в хвосте, но в среднем по итогам года заработал не больше, чем почтальон. Я оплачивал жилье, в те времена дешевое, неплохо питался и одевался и считал, что моя жизнь понемногу обретает стабильность и я учусь быть в ладу с собой. Я убедил себя, что с тридцати до сорока я переплюну предыдущее десятилетие по всем показателям.

Но так совпало, что одновременно с поступлением в продажу первого реалистичного

искусственного человека был продан дом моих родителей. 1982[7] год. Роботы, андроиды, репликанты были моей давней страстью, которая в процессе моей работы над книгой только выросла. Цены должны были вскоре снизиться, но я хотел своего робота прямо сейчас — по возможности, Еву, но сойдет и Адам.

Все могло бы повернуться по-другому. Моя бывшая подруга, Клэр, обладала чуткой душой и училась на помощницу стоматолога. Она проходила практику на Харли-стрит и наверняка сумела бы отговорить меня от покупки Адама. Она была женщиной, умудренной в делах мира, этого мира. Она знала, как навести порядок в жизни. И не только в своей. Но я нанес ей оскорбление действием, не оставлявшим сомнений в моей неверности. И она отвергла меня, устроив сцену монаршей ярости, под конец выбросив мои шмотки из окна на улицу Лайм-Гроув[8]. С тех пор она оборвала со мной все контакты, а я занес ее на первое место в список своих ошибок и неудач.

---

[7] Примечания: 7

В 1982 году на киноэкраны вышел культовый фильм Ридли Скотта «Бегущий по лезвию» по роману Филипа Дика «Снятся ли андроидам электроовцы?».

[8] Примечания: 8

Фешенебельный район в Западном Лондоне, известный шикарными отелями.

А ведь она могла бы спасти меня от меня.

Но. Справедливости ради дадим слово этому неспасенному мне. Я купил Адама не с целью наживы. Мои помыслы были чисты. Я отдал за него состояние во имя любознательности, этого извечного двигателя науки, интеллектуальной жизни и жизни вообще. Это не было мимолетной причудой. У этого были история, учетная запись, срочный вклад — и я имел на него право. Электроника и антропология — дальние родственники, которых свел вместе и повенчал покойный модернизм. Отпрыском этого союза стал Адам.

И вот я перед вами, свидетель защиты, после школы, в пять часов вечера, типичный представитель своего времени одиннадцати лет — короткие штанишки, разбитые коленки, веснушки, стрижка с челкой. Я стою первый в очереди перед дверью лаборатории, ожидая открытия «Монтажного клуба». Председательствует мистер Кокс, добрый рыжеволосый великан, учитель физики. Мой учебный проект — собрать радио. Это акт веры, долгая молитва, растянувшаяся на много недель. У меня имеется основа из оргалита, шесть на девять дюймов, которую легко сверлить. Цвета предельно важны. По основе аккуратно проложены синий, красный, желтый и белый

проводки, поворачивая под прямыми углами, исчезая и снова появляясь в других местах, перемежаемые яркими узлами, а также крохотные полосатые цилиндры — конденсаторы и резисторы, индукционная катушка, которую я сам намотал, и операционный усилитель. Я ничего в этом не понимаю. Я следую за чертежом монтажа как неофит, бормочущий Священное Писание. Мистер Кокс дает советы мягким голосом. Я неловко припаиваю одну часть — проводок или деталь — к другой. Дым и запах припоя для меня как наркотик, и я глубоко его вдыхаю. Я вставляю в устройство бакелитовый переключатель, который, как я убедил себя, когда-то стоял на истребителе, несомненно «Спитфайре»[9]. Конечное соединение, установленное через три месяца после начала работы, было сделано из того же темно-коричневого пластика и подсоединялось к девятивольтовой батарейке.

За окном — холодные мартовские сумерки. Другие мальчишки тоже склонились над своими проектами. Мы в двенадцати милях от родного города Шекспира, в общеобразовательной школе, типичном образце «учебного болота». Отличное

[9] Примечания: 9

«Spitfire», дословно «плюющий огонь», — легендарный истребитель британской авиации времен Второй мировой войны (*англ.*).

место на самом деле. Включаются флуоресцентные потолочные лампы. Мистер Кокс в дальнем конце лаборатории, спиной к нам. Мне не хочется привлекать его внимание на случай, если я сплоховал. Я нажимаю на переключатель и — о чудо — слышу помехи статики. Покачиваю подвижный настроечный конденсатор — и звучит музыка, на мой вкус, жуткая, ибо скрипочки. Затем прорезается женский голос, говорящий не по-английски.

Никто не смотрит в мою сторону, никому не интересно. Сборка радио — сущая ерунда. Но у меня перехватывает дыхание, и в глазах стоят слезы. Никакая техника за всю последующую жизнь не изумит меня сильнее. Электричество, проходя через кусочки металла, тщательно собранные мной, выхватывало из воздуха голос иностранной тетки, находившейся где-то в далекой дали. Ее голос звучал так волнующе. Она не знала о моем существовании. Я никогда не узнаю ее имени и не пойму ее языка, и мы никогда не встретимся, во всяком случае намеренно. Мое радио, с неказистыми припоями на куске оргалита, представлялось мне не меньшим чудом, чем сознание, возникающее из материи.

Мозг и электричество тесно связаны — я обна-

ружил это в подростковые годы, когда собирал простые компьютеры и сам их программировал. Затем я стал собирать компьютеры посложнее. Электричество и кусочки металла могли вызывать к жизни цифры, слова, картинки, песни, запоминать информацию и даже переводить живую речь в текст.

Когда мне было семнадцать, Питер Кокс убедил меня взяться за изучение физики в местном колледже. Но уже через месяц я заскучал и стал думать о смене курса. Эта наука была слишком абстрактна, а математика находилась за гранью моего понимания. Кроме того, к тому времени я уже прочитал несколько книг и проникся интересом к воображаемым личностям. «Уловка-18» Хеллера, «Неистовый любовник» Фицджеральда, «Последний человек в Европе» Оруэлла, «Все хорошо, что хорошо кончается» Толстого — дальше этого я не продвинулся, но сумел уловить задачу искусства. Это было своего рода расследование. Но мне не хотелось изучать литературу — пугающе многоликую и неподвластную логике. Тогда же в библиотеке колледжа мне попался одностраничный проспект курса антропологии, определяемой как «наука о людях в их связи с обществом через пространство и время». Систе-

матическое исследование с человеческим лицом. Я записался.

Первое, что я усвоил: мой курс финансировался до обидного слабо. Никаких полевых исследований на Тробрианских островах, где, как я читал, существовало табу на поедание пищи в присутствии других. Это считалось культурным — есть одному, повернувшись спиной к друзьям и родственникам. Островитяне знали заклинания, чтобы сделать уродливых людей красивыми. Детей активно поощряли к ранней половой жизни друг с другом. Ходовой валютой был ямс. Женщины определяли статус мужчин. Как странно и бодряще. Мои взгляды на человеческую природу были сформированы по большей части белым населением, кучковавшимся в южной части Англии. Теперь же я вырвался на просторы бескрайнего релятивизма.

В восемнадцать лет я написал премудрое эссе о понимании чести в различных культурах, озаглавленное «Кандалы помутненного разума». Я беспристрастно разбирал всевозможные примеры общественных нравов. Что я знал и что меня волновало? Встречались общества, где изнасилование считалось настолько обыденным, что даже не имело особого названия. Молодому

отцу перерезали горло за то, что он не оправдал доверия в поддержании древней вражды. В одной семье были готовы убить дочь за то, что видели ее держащейся за руку с парнем из недолжной религиозной общины. А в другом месте пожилые женщины охотно участвовали в обрезании половых губ своим внучкам. Где же были инстинктивные родительские побуждения любить и защищать? Культурный сигнал сильнее. Где же были всеобщие ценности? Перевернуты с ног на голову. Ничего похожего на Стратфорд-на-Эйвоне. Причины заключались в разуме, в традиции, в религии — другими словами, в программном обеспечении, как я определил это для себя, стараясь избегать оценочных суждений.

Антропологи не выносили суждений. Они наблюдали за реальностью и сообщали о разнообразии человеческих культур. Они восторгались различиями. То, что было безнравственным в провинциальном Уорикшире, считалось в порядке вещей в Папуа — Новой Гвинее. Если смотреть на все с локальной точки зрения, кто мог судить, что хорошо, а что плохо? Уж конечно, не колониальная власть. Я вывел из своих исследований ряд досадных заключений об этике, и несколько лет спустя это привело меня на ска-

мью подсудимых в суде графства по обвинению в подстрекательстве к мошенничеству в крупных масштабах против налоговых органов. Я не стал пытаться убедить его честь, что вдали от его суда имеется кокосовый пляж, где подобное подстрекательство только приветствовалось. Напротив, перед дачей показаний ко мне вернулся здравый смысл. Моральные заповеди были реальны, они были истинны, добро и зло были заложены в самой природе вещей. И наши действия следует оценивать на этом основании. Так я полагал до того, как познакомился с антропологией. Запинаясь, я униженно принес залу суда извинения и тем самым избежал грозившего мне приговора к лишению свободы.

* * *

Когда я утром позже обычного вошел на кухню, глаза Адама были открыты. Бледно-голубые, испещренные вертикальными черными крапинками. Ресницы были длинными и густыми, как у ребенка. Но механизм моргания еще не активировался. Он был настроен на неравные интервалы, привязан к мимике и жестам и реагировал на действия и речь других. Я все же прочитал за ночь руководство. Андроид был оснащен морга-

тельным рефлексом для защиты глаз от летящих объектов. В настоящий момент его взгляд не выражал ни мысли, ни намерения и был таким же пустым и холодным, как взгляд манекена в витрине магазина. Голову он по-прежнему держал неподвижно, сводя на нет ее внешнее правдоподобие. Все его тело ничего не выражало. Я попробовал нащупать пульс в запястье, но безрезультатно — сердцебиение без пульса. Его рука поднималась с трудом, неподатливая в локтевом сгибе, словно скованном трупным окоченением.

Я оставил Адама в покое и стал варить кофе. Мои мысли были заняты Мирандой. Все изменилось. Ничего не изменилось. В течение почти бессонной ночи я вспомнил, что она должна была навестить отца. Наверняка поехала в Солсбери сразу после семинара. Я мысленно увидел ее в поезде от станции Ватерлоо: сидит с нечитанной книгой на коленях, глядит на проносящийся мимо ландшафт, на волны телефонных линий и не думает обо мне. Или думает только обо мне. А может, вспоминает мальчишку с семинара, пытавшегося переглядеть ее.

Я посмотрел выпуск новостей на телефоне. Блестящая звуковая мозаика морской глади. Портсмут. Тактическая группа готова к переброс-

ке. Большая часть страны пребывала в театре грез, облачившись в исторические платья. Позднее Средневековье. Семнадцатый век. Начало девятнадцатого. Рюши, рейтузы, юбки с кринолином, напудренные парики, глазные повязки, деревянные ноги. Опрятность была непатриотичной. История определила нашу уникальность, и наш флот был обречен на успех. Телевидение и пресса подбадривали рассеянную коллективную память, перечисляя поверженных врагов: испанцев, голландцев, немцев (дважды в этом веке), французов — от Азенкура до Ватерлоо. Мимо проносились истребители. Молодой человек в боевом снаряжении, прямиком из военного училища, рассказывал репортеру о грядущих трудностях, прищуриваясь в камеру. Старший по званию говорил о непоколебимой стойкости своих солдат. Я был тронут. При всей моей антипатии к таким выступлениям я был тронут. Когда сводный оркестр волынщиков в килтах прошел маршем к трапу корабля, я воспрянул духом. Далее — снова в студию, к морским картам, размеченным стрелочками, и к обсуждению тылового обеспечения и поставленных задач, ясными уверенными голосами. К дипломатическим шагам. К премьер-министру в элегантном синем костюме,

стоящему на ступенях резиденции.

У меня потеплело на душе, несмотря на то что я столько раз заявлял о своем антимилитаризме. Я любил свою страну. Что за предприятие, что за отвага. За восемь тысяч миль. Что за самоотверженные люди, рискующие своей жизнью. Я выпил на кухне еще чашку кофе, застелил постель, чтобы придать комнате рабочий вид, и уселся за компьютер, намереваясь погрузиться в мировой рынок ценных бумаг. Перспектива военных действий привела к дальнейшему снижению финансового индекса на один процент. Продолжая пребывать в патриотическом настроении, я уверился в неминуемом поражении аргентинцев и сделал ставку на фирму, производившую игрушки и рекламные сувениры, в частности, британские флажки на палочках. Я также сделал вложение в двух импортеров шампанского и сказал себе, что выход из кризиса не за горами. Часть войск перебрасывалась в Южную Атлантику усилиями торгового флота. Мой приятель, который работал в ведомстве по управлению активами в Сити, сказал, что его компания прогнозирует потопление нескольких судов. Имело смысл сократить число крупных игроков на рынке страхования и инвестировать

в южнокорейское судостроение. Но подобный цинизм мне претил.

Мой компьютер, купленный в магазине подержанных вещей в пригороде Лондона, был сделан еще в середине шестидесятых и работал медленно. На то, чтобы сделать ставку на производителя флажков, у меня ушел час. Я бы управился быстрее, если бы не кавардак в мыслях. Если я не думал о Миранде и не пытался услышать наверху звук ее шагов, я думал об Адаме и о том, стоит ли мне его продавать или что-то наконец решить с его личностными настройками. Я продал серебро и еще подумал об Адаме. Купил золото и снова подумал о Миранде. Я сидел на толчке и думал о швейцарских франках. После третьей чашки кофе я спросил себя, на что еще победоносная нация может тратить свои деньги. Говядина. Пабы. Телевизоры. Я поставил на все три позиции и почувствовал себя виртуозом биржевой игры и военной экономики. Приближалось время ланча.

Я сделал сэндвич с сыром и соленым огурцом и снова сел напротив Адама. Какие-то новые признаки жизни? Кажется, ничего нового. Его взгляд, направленный за мое левое плечо, был все таким же мертвым. Ни малейшего движения. Но

через пять минут я случайно взглянул на Адама и увидел, как он начал делать первый вдох. Сперва раздалась серия быстрых щелчков, а затем его губы раскрылись, и я услышал комариный писк. Полминуты ничего не происходило, потом подбородок задрожал, и он издал натуральный глотательный звук, впервые набрав полный рот воздуха. Разумеется, ему не требовался кислород. Такая метаболическая необходимость была в прошлом. Я долго дожидался его первого выдоха, застыв с сэндвичем в руке. Наконец он выдохнул — бесшумно, через ноздри. Вскоре его дыхание вошло в устойчивый ритм, грудная клетка стала размеренно расширяться и сокращаться. Я оторопел. Взгляд по-прежнему оставался безжизненным, отчего Адам стал похож на дышащий труп.

Как много жизни выражают глаза. Если бы его глаза были закрыты, подумал я, он бы был похож на спящего человека. Я положил сэндвич и, подойдя к Адаму, с любопытством приблизил руку к его рту. И почувствовал его влажное и теплое дыхание. Умно. В руководстве пользователя я прочитал, что он мочится раз в день, поздним утром. Тоже умно. Я попробовал закрыть его правый глаз и задел пальцем бровь. Адам дернулся

и резко отвел голову. Я вздрогнул и отпрянул. И стал ждать. Секунд двадцать, если не дольше, ничего не происходило, а затем плавным и бесшумным, бесконечно медленным движением его плечевой пояс и голова вернулись в исходное положение. Ритм его дыхания не изменился, тогда как мои дыхание и пульс ускорились. Я стоял в нескольких футах от него, зачарованный этой плавностью, напомнившей мне медленно сдувавшийся шарик. Я решил не пытаться закрыть его глаза. Пока я ждал от него еще каких-то действий, я услышал наверху шаги Миранды. Она вернулась из Солсбери. Вот, зашла в спальню и вышла. На меня опять накатило щемящее чувство невысказанной любви, и в тот момент меня впервые посетила новая идея.

* * *

Тем вечером я должен был делать деньги и терять их за своим компьютером. Вместо этого я смотрел новости, глядя с огромной высоты летящего вертолета, как головные корабли обходят Портлендский нос и приближаются к пляжу Чесил-Бич. Само название этих мест заслуживало салюта. «Просто блестяще, — думал я все время. — Вперед!» А затем: «Возвращайтесь!»

Вскоре флот прошел вдоль Юрского побережья, где когда-то паслись стада динозавров, объедая гигантские папоротники. Внезапно мы оказались на земле, среди жителей Лайм-Риджис, собравшихся на мысе. Многие были с биноклями, многие держали в руках те самые флажки, которые я представлял, — пластиковые, на деревянных палочках. Их могла раздавать новостная команда. Vox pops[10]. Нежные голоса местных женщин из рабочего класса, переполняемых чувствами. Крутые парни, воевавшие на Крите и в Нормандии, молча кивали, держа свое мнение при себе. О, как мне хотелось тоже верить. И я верил! Длиннофокусная камера, прилаженная где-то на судовом кране, показывала крохотные капельки кораблей, которые исчезали из виду, храбро направляясь к горизонту, в бескрайнее море, под песню хрипатого Рода Стюарта, так что я с трудом сдерживал слезы.

Что за переполох будничным вечером. За моим столом сидела новая форма жизни, женщина, которую я неожиданно полюбил, находилась в шести футах над моей головой, а моя страна собиралась на старомодную войну. Но я был в меру

---

[10] Примечания: 10
От vox populi — глас народа (*лат.*).

дисциплинирован и помнил об обещанных себе семи ежедневных рабочих часах. Я выключил телевизор и перешел к экрану компьютера. Меня ожидало письмо от Миранды, на которое я так надеялся.

Я знал, что никогда не разбогатею. Суммы, которыми я оперировал, надежно распределенные между множеством вариантов, были скромны. За месяц я неплохо заработал на твердотельных батареях, но потерял почти все на фьючерсах редкоземельных элементов — дурацкий скачок в известное. Но я пренебрегал карьерой, офисной работой. Это была моя наименее губительная позиция в погоне за свободой. Я работал весь вечер, борясь с желанием взглянуть на Адама, хотя полагал, что тот уже должен был полностью зарядиться. После этого следовало загрузить в него обновления. А затем выставить эти замороченные личные предпочтения.

Перед ланчем я отправил Миранде письмо с приглашением на сегодняшний ужин. Она ответила согласием. Ей нравилось, как я готовлю. Во время еды сделаю ей предложение. Заполню примерно половину личностных характеристик Адама, а потом дам Миранде ссылку и пароль, чтобы она выставила остальное. Я не стану вме-

шиваться и даже спрашивать, какие качества она выберет. Она может наделить его своими качествами — восхитительно. Она может выбрать качества мужчины своей мечты — поучительно. Адам войдет в нашу жизнь как реальная личность, хитросплетения которой будут раскрываться только со временем, через различные события и взаимодействия с разными людьми. В некотором смысле он будет нашим ребенком. То, что есть по отдельности в каждом из нас, в нем будет слито. Миранда примет участие в этом приключении. Мы станем партнерами, а Адам сделается нашей общей заботой, нашим творением. Мы станем семьей. Я придумал этот план без всякой задней мысли. Я просто хотел быть уверен, что мы с Мирандой станем больше видеться. И это будет так здорово.

Все мои схемы, по большому счету, никуда не годились. Но эта было чем-то особенным. Я действовал прямодушно и не мог подвести себя. Адам не был моим соперником в любви. И хотя Миранда была им очарована, он отталкивал ее физически. Она сама это сказала. Сказала прошлым днем, что теплота его тела казалась ей «жуткой». Она сказала, что это «немного странно», что он может вообще произносить слова.

Однако словарный запас Адама не уступал шекспировскому. Любопытство Миранды пробуждал исключительно его разум.

Так что я решил не продавать Адама. Я решил разделить его с Мирандой, как мог бы разделить с ней дом. Он свяжет нас воедино. Мы будем делиться друг с другом наблюдениями обо всем, чем он нас будет радовать или разочаровывать. В тридцать два года я считал себя тертым калачом в любви. Искреннее признание ее отпугнет. Гораздо лучше будет проделать вместе такое путешествие. Она и так уже была мне другом и иногда брала меня за руку. Я начинал не с пустого места. У нее вполне могли пробудиться ко мне более глубокие чувства, как это случилось со мной. А даже если не случится, я все равно буду чаще видеть ее — и это меня утешит.

В моем древнем холодильнике с разболтанной ржавой ручкой имелась курица-корниш, четверть фунта масла, два лимона и пучок свежего эстрагона. В контейнере в дверце завалялась пара головок чеснока. В буфете лежало несколько картофелин в комьях засохшей земли, уже начавших прорастать, но если их очистить, они прекрасно зажарятся. Латук, соус, молодецкая бутылка кагора. Все просто. Для начала разогреть духовку.

Эти обыденные предметы занимали меня, когда я вставал от стола. Мой старый друг, журналист, как-то сказал, что земной рай — это работать весь день в одиночестве в предвкушении вечера в интересной компании.

Еда, которую я собрался приготовить для Миранды, и ее возможный дружеский вердикт отвлекли на секунду мои мысли от Адама. Так что когда я зашел на кухню и увидел нагую фигуру, которая стояла у стола, вполоборота ко мне, и поигрывала одной рукой с проводом, выходившим из пупа, я не на шутку испугался. Другая рука задумчиво поглаживала подбородок — умный алгоритм, ничего не скажешь, предельно убедительно изображающий углубленную в себя личность.

Преодолев шок, я сказал:

— Адам?

Он медленно повернулся. Встав точно напротив меня, он встретился со мной взглядом и дважды моргнул. Механизм работал, но казался слишком нарочитым.

— Чарли, — сказал он, — я рад наконец с тобой познакомиться. Ты мог бы настроить мои загрузки и подготовить различные параметры…

Он замолчал, пристально глядя на меня —

голубые глаза с черными крапинками бегали туда-сюда, сканируя мое лицо. Затем он сказал:

— Ты найдешь всю нужную информацию в руководстве.

— Я займусь этим, — сказал я. — В свое время.

Его голос удивил меня и порадовал. Мягкий тенор приличного тембра с плавными тональными переходами, одновременно почтительный и дружественный, но без намека на угодливость. У него был типичный выговор образованного англичанина среднего класса с юга, с легчайшим налетом западных графств в гласных звуках. Мой пульс резко участился, но я старался казаться спокойным. Для большей убедительности я приблизился к нему на шаг. Мы молча глазели друг на друга.

За несколько лет до того, еще будучи студентом, я прочитал о «первом контакте», произошедшем в 1924 году между исследователем по фамилии Лихи и несколькими коренными горцами Папуа — Новой Гвинеи. Аборигены не могли понять, кто эти бледные фигуры, внезапно возникшие на их территории, люди или духи. Чтобы обсудить этот вопрос, они вернулись в свою деревню, но оставили подростка следить издали за пришельцами. Вопрос был решен, когда мальчик сообщил

соплеменникам, что один из помощников Лихи отошел в кусты по большому. Теперь же, у меня на кухне, в 1982 году, чуть более полувека спустя, все было уже не так просто. Руководство пользователя сообщало, что Адам обладал не только операционной системой, но и природой — читай, человеческой природой — и личностью, такой, к которой, как я надеялся, приложит руку Миранда. Я слабо представлял себе, как эти три субстрата скрещивались или взаимодействовали между собой. Когда я изучал антропологию, то усвоил, что всеобщей человеческой природы не существует. Она считалась романтической иллюзией, не более чем условным продуктом среды. Только антропологи, изучавшие другие культуры во всей их глубине и понимавшие всю широту и красоту человеческого разнообразия, были в состоянии постичь абсурдность идеи общечеловеческой природы. Люди, проводящие жизнь в комфорте, за стенами своих домов, ничего не знали не только об этом, но даже о собственной культуре. Один из моих преподавателей любил приводить слова Киплинга: «И что они могут знать об Англии, если все, что они знают, — это Англия?»

Когда мне было двадцать с небольшим, эволюционная психология вновь начала утверждать

идею всеобщей человеческой природы, определяемой единым генетическим наследием, независимо от времени и места. Реакция академических социологов варьировалась от пренебрежения до гнева. Привязка генов к человеческому поведению отдавала идеологией гитлеровского Третьего рейха. Но моды меняются. И создатели Адама оседлали новую волну учения об эволюции.

И вот пасмурным зимним днем он предстал передо мной, совершенно безмолвный. Остатки упаковки, предохранявшей Адама от повреждений, лежали ворохом у его ног, напоминая «Рождение Венеры» Боттичелли. Тусклый свет из окна, выходившего на север, обрисовывал половину его фигуры, одну сторону его благородного лица. Слышалось мерное тарахтение холодильника и отдаленное гудение машин на улице. И тогда я почувствовал его одиночество, висевшее на его мускулистых плечах словно гири. Он пришел в себя на обшарпанной лондонской кухне (почтовый индекс SW9), во второй половине двадцатого века, без друзей, без прошлого и какого-либо ощущения будущего. Это было истинное одиночество. Остальные Адамы и Евы, раскупленные разными людьми, рассеялись по миру, хотя, если верить слухам, семь Ев перекочевали

в Эр-Рияд.

Я потянулся к выключателю и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Он отвел взгляд и ответил:

— Мне не по себе.

На этот раз его тон был понурым, как будто вопрос лишил его присутствия духа. Хотя какой дух мог быть внутри микропроцессоров?

— А что не так?

— На мне нет одежды. И…

— Я принесу тебе. Что еще?

— Провод. Если я его выдерну, мне будет больно.

— Я это сделаю, и тебе не будет больно.

Но, чтобы сдвинуться с места, мне понадобилось время. В ярком электрическом свете я рассмотрел его лицо, выражение которого почти не менялось. Я видел не искусственное лицо, а маску игрока в карты. Без личностных качеств Адаму почти нечего было выражать. Он действовал по стандартной программе, которая должна была служить ему, пока не будет завершена загрузка. Он владел какими-то движениями, фразами, общими сведениями, сообщавшими ему внешнее правдоподобие. Он, как минимум, знал, как себя вести, но не более того. Словно человек

в состоянии шока.

Наконец я признался себе, что он внушает мне страх и мне не хочется к нему приближаться. Кроме того, сказанное меня озадачило. Адам только делал вид, что способен испытывать боль, а мне приходилось верить ему и реагировать соответственно. Слишком сложно было не делать этого. Слишком сильны были побуждения человеческой природы. В то же время я не мог поверить, что он может испытывать боль и иметь чувства или вообще какую-либо чувствительность. Но, однако же, я спросил его, как он себя чувствует. Он ответил должным образом, и я, в свою очередь, сказал, что принесу ему одежду. Но я не верил ничему из этого. Я словно играл в видеоигру. Только в реальную, такую же, как социальная жизнь, доказательством чему служил мой скачущий пульс и сухость во рту.

Было очевидно, что он говорил, только если к нему обращались. Подавляя в себе побуждение сказать еще что-нибудь ободряющее, я направился в спальню и набрал кое-какой одежды. Адам был крепкого сложения, на пару дюймов ниже меня, но я подумал, что мой размер вполне ему подойдет. Кеды, носки, трусы, джинсы и свитер. Я подошел к нему и отдал ему в руки ворох одеж-

ды. Мне хотелось посмотреть, как он одевается, чтобы убедиться, что его моторика действительно так хороша, как ее расписывает руководство пользователя. Любой трехлетка знает, каких трудов стоит натянуть носки.

Передавая одежду, я уловил легкий масляный запах от верхней части его тела, а может, и от ног. Светлое масло высокой очистки, почти такое же, каким отец смазывал клапаны своего саксофона. Одежду Адам повесил на вытянутые руки, согнув их в локтях. Я наклонился и выдернул провод из его пупка; Адам даже не поморщился. Его точеное, скульптурное лицо ничего не выражало. Не более чем вилочный автопогрузчик со стопкой поддонов. Но в нем включилась какая-то логическая схема или совокупность схем, он прошептал: «Спасибо». И сопроводил сказанное выразительным кивком. Он присел, положил одежду на стол и взял сверху свитер. После недолгой паузы развернул его, расправил на столе грудью вниз, засунул внутрь правую руку, вплоть до плеча, затем левую, и путем сложных мускульных манипуляций надел на себя и оправил руками до талии. На выцветшем желтом флисе свитера краснела шуточная надпись: «Дислексики всех стран, соединяйтесь». Одно время я состоял в бла-

готворительном фонде. Адам распаковал носки и, не вставая, натянул их. Его движения были предельно точны. Ни малейшего колебания, никаких сложностей с определением расстояния. Он встал, взял боксерские трусы и, опустив их пониже, просунул в них ноги и надел, как положено. Так же проворно надел джинсы, застегнув молнию и пуговицу одним плавным движением. Затем сел, всунул ноги в кеды и завязал шнурки узлом с двумя петельками — все это он проделал со скоростью, невероятной для человека. Но я и не считал его человеком. Адам представлял собой триумф инженерии и программного обеспечения: шедевр человеческой изобретательности.

Я оставил его в покое и приступил к готовке ужина. До меня донеслись шаги Миранды сверху, приглушенные, как будто ходила босиком. Вероятно, шла в ванную, чтобы прихорошиться. Для меня. Я представил ее влажной после душа, в ночной рубашке, открывающей гардероб и выбирающей белье. Шелк? Да. Персиковый? Прекрасно. Пока разогревалась духовка, я раскладывал ингредиенты на столешнице. После целого дня алчной биржевой игры ничто так не успокаивает, как приготовление еды, этого архетипа заботы о ближнем. Я оглянулся через плечо.

Просто поразительно, как все меняет одежда. Адам сидел за столом, положив локти на стол, словно мой давний приятель, ожидая, пока я налью первый вечерний бокал.

— Я собираюсь обжарить курицу в масле с эстрагоном, — сказал я ему.

Это было озорством с моей стороны, учитывая его строгую электронную диету.

Но он ответил мне, ни разу не запнувшись, самым ровным тоном:

— Хорошее сочетание. Но траву легко сжечь, пока ты подрумяниваешь птицу.

Подрумяниваешь птицу? Правильная формулировка, но нетипичная для устной речи.

— А что бы ты посоветовал?

— Накрой курицу фольгой. Судя по ее размеру, я бы сказал: на семьдесят минут при ста восьмидесяти градусах. Затем насыпь траву в сок и подрумянивай при той же температуре пятнадцать минут без фольги. Затем слей жидкость с эстрагоном и растопленным маслом.

— Спасибо.

— Не забудь дать курице постоять десять минут под салфеткой, прежде чем нарезать.

— Я знаю.

— Извини.

Не вспылил ли я? К началу восьмидесятых мы все давно привыкли разговаривать с роботами — в машине и дома, при обращении в торговые центры и клиники. Но Адам взвесил мою курицу, не приближаясь к ней, с другого конца помещения, и извинялся за непрошеный совет. Я снова взглянул на него. Он успел закатать рукава свитера, открыв мускулистые предплечья, и опустил подбородок на сплетенные пальцы. И это еще без личностных установок. С моей точки обзора свет подчеркивал высокие скулы, делая его похожим на крутого парня вроде тех, что сидят за стойкой бара, внушая угрозу одним своим видом. Такие обычно не дают кулинарных советов.

Мне совершенно по-детски захотелось показать, кто здесь главный.

— Адам, — сказал я, — ты не мог бы пару раз пройтись вокруг стола? Я хочу посмотреть, как ты двигаешься.

— Конечно.

В его походке не было ничего механического. В пределах помещения он двигался размашистым шагом. Дважды обойдя стол, он в ожидании встал у стула, на котором сидел.

— А теперь ты мог бы открыть вино?

— Разумеется.

Он подошел ко мне с раскрытой ладонью, и я вложил в нее штопор. Это была складная рычажная модель, какую предпочитают сомелье. Адам справился без труда. Он поднес пробку к носу, затем открыл буфет и достал бокал, налил на полпальца и протянул мне. Пока я пробовал, Адам пристально на меня смотрел. Вино было далеко не первого и даже не второго сорта, но пробкой не отдавало. Я кивнул, он наполнил бокал и осторожно поставил его рядом с плитой. Затем я стал готовить салат, а он вернулся на свое место.

Полчаса, во время которых ни один из нас не сказал ни слова, пролетели мирно. Я сделал приправу для салата и картофельное пюре. Мои мысли были заняты Мирандой. Я был убежден, что достиг одной из поворотных точек в жизни, где дорога, ведущая в будущее, разделяется. По одной дороге жизнь будет идти по-прежнему, по другой пойдет иначе. Любовь, приключения, воодушевление, но и порядок, благодаря моей новой зрелости, никаких больше безумных схем, общий дом, дети. Или два последних пункта были безумными схемами? Миранда была милейшим созданием, добрым, прекрасным, очаровательным, очень образованным…

Какой-то негромкий звук вернул меня к ре-

альности. Звук повторился, я обернулся. Адам по-прежнему сидел на своем месте, за кухонным столом. И раз за разом делал не что иное, как покашливал.

— Чарли, насколько я понимаю, ты готовишь для своей подруги сверху. Миранды.

Я ничего не ответил.

— По моим наблюдениям за последние несколько секунд и по результатам проведенного анализа, тебе не следует полностью ей доверять.

— Что?

— По моим…

— Объяснись.

Я сердито уставился в бесстрастное лицо Адама. И он проговорил тихим сочувствующим голосом:

— Есть вероятность, что она лгунья. Систематическая, злонамеренная лгунья.

— То есть?

— Это займет минуту, но она уже спускается по лестнице.

Его дыхание было ровнее моего. Через несколько секунд раздался мягкий стук в дверь.

— Если хочешь, я выскажу это.

Я ничего не ответил. Я пришел в настоящее бешенство. Я направился в маленькую прихожую

совсем не в том настроении, как хотел бы. Кем или чем была эта идиотская машина? С какой стати мне было с ней считаться?

Я распахнул дверь — и Миранда предстала передо мной: в элегантном голубом платье, игриво улыбаясь мне, с букетиком подснежников в руке. Никогда еще она не была так хороша.

2

Прежде чем Миранда смогла поработать над характером Адама, прошло несколько недель. Ее отец болел, и она то и дело ездила в Солсбери за ним ухаживать. К тому же ей нужно было писать работу о реформе Хлебного закона[11] в девятнадцатом веке и его последствиях на примере одной улицы в некоем городке в Херефордшире. Академическое движение, известное в основном как «теория», взяло социальную историю «натиском» — это ее слова. А поскольку Миранда обучалась в традиционном университете, предлагавшем использовать для описания прошлого старомодные нарративные модели, ей требовалось освоить новый словарь, новый способ мышления. Иногда, когда мы лежали бок о бок в постели (вечер с курицей удался), я выслушивал ее жалобы и старался с самым заботливым видом сказать что-нибудь приятное. Следовало отказаться от идеи, что какое-то действие, произошедшее в прошлом, могло быть

[11] Примечания: 11

Хлебные законы — законы о пошлине на ввозимое зерно, действовавшие в Великобритании в период между 1815 и 1846 годами.

реальным. Существовали только исторические документы, пригодные для изучения, и меняющиеся подходы ученого сообщества к ним наряду с нашим собственным переменчивым отношением к этим подходам — и все это определялось идеологическим контекстом, уровнем власти и благосостояния, расовой и классовой принадлежностью, полом и сексуальной ориентацией.

Ничто из этого не казалось мне важным или хотя бы интересным. Но об этом я помалкивал. Мне хотелось поддерживать Миранду во всем, что она думала и делала. Любовь щедра. Кроме того, мне самому нравилось считать, что все, случившееся в прошлом, было не более чем нашим мнением об этом. При новой парадигме минувшее теряло вес. Я вовсю переделывал себя и стремился забыть собственное недавнее прошлое. Мои дурацкие авантюры были позади. Впереди я видел будущее с Мирандой. Я приближался к берегам ранней зрелости и пересматривал свое место в жизни. День за днем я жил, ощущая груз прошлого — одиночество, относительную бедность, дешевое жилье и ограниченные перспективы, — и ужасно хотел от всего этого избавиться. Мое положение относительно средств производства и всего остального оставалось мне малопонятным. Но

явно незавидным.

Чем стала для меня покупка Адама — удачей или ошибкой? Я не знал, что думать. Просыпаясь по утрам рядом с Мирандой — у нее или у себя, — я представлял себе в темноте стрелу крана, вроде железнодорожного, которая поднимает Адама и возвращает обратно в магазин, а я получаю назад деньги. Но при свете дня этот вопрос обретал новые грани и казался уже не таким однозначным. Я не говорил Миранде, что Адам в чем-то ее подозревал, и не говорил Адаму, что к его личностным установкам приложит руку Миранда — тем самым я рассчитывал поквитаться с ним. Я, конечно, отмахнулся от его предостережения, однако его разум, если это можно было назвать разумом, меня поражал. Адам вел себя как тактичный телохранитель, умел самостоятельно надевать носки и представлял собой чудо техники. За него были заплачены большие деньги, и мальчик из «Монтажного клуба», который все еще жил во мне, не мог с ним расстаться.

Сидя за старым компьютером в спальне, вне поля зрения Адама, я выставлял свои личностные предпочтения. Я решил, что если давать ответ на каждый второй вопрос, это обеспечит достаточно произвольное слияние наших с Мирандой лично-

стей — этакий домашний генетический пасьянс. Теперь у меня имелся новый метод и партнерша, и я с удовольствием отдавался процессу, начав ощущать в нем эротическую окраску, словно мы с Мирандой делали ребенка! Ее участие предохраняло меня от самокопирования. Генетическая метафора была очень кстати. Переходя от одного идиотского утверждения к другому, я так или иначе запечатлевал себя. Будет ли Миранда действовать подобным образом или по-другому, мы в любом случае создадим нечто новое, отдельную личность.

Я не собирался продавать Адама, но меня терзали его слова о «злонамеренной лгунье». Изучая руководство, я прочитал об «аварийной кнопке». Где-то на задней стороне шеи, под линией волос, имелась родинка. Если удерживать на ней палец около трех секунд, а потом надавить, Адам отключится. При этом он ничего не потеряет — ни настройки, ни память, ни навыки. В первый вечер мне не хотелось касаться шеи Адама или чего бы то ни было, и я подождал до следующего дня после успешного обеда с Мирандой. Весь день я провел за компьютером, потеряв сто одиннадцать фунтов стерлингов. После чего направился на кухню, где в раковине лежала груда кружек,

тарелок и прочей посуды. Я мог бы велеть Адаму вымыть все для демонстрации своих способностей, но в тот день я пребывал в необычайно приподнятом настроении. Все, что касалось Миранды, приводило меня в восторг, даже то, что ближе к утру ей приснился кошмар. Тарелка, с которой она ела, счастливая вилка, столько раз побывавшая у нее во рту, след ее поцелуя на краю бокала — все это было только моим, только я мог брать это и мыть. Чем я и занялся.

Позади меня на прежнем месте за столом сидел Адам и глядел в окно. Я вымыл всю посуду и подошел к нему, вытирая руки полотенцем. Невзирая на мое солнечное расположение духа, я не мог простить ему нанесенной мне обиды. Я больше не хотел ничего от него слышать. Все-таки были разумные границы приличий, которые ему следовало усвоить, — едва ли это составит проблему для его нейронных сетей. Его эвристические изъяны подкрепляли мое намерение. Он сможет вернуться в нашу жизнь, когда я узнаю больше и когда Миранда над ним поработает.

Я дружески сообщил:

— Адам, я отключу тебя на какое-то время.

Его голова повернулась ко мне, застыла, наклонилась, затем наклонилась в другую сторону.

Видимо, кто-то из разработчиков решил, что именно так должна проявляться работа сознания. Это начинало меня раздражать.

— При всем уважении, — сказал он, — я думаю, что это плохая идея.

— Я так решил.

— Я увлекся размышлениями. Я думал о религии и жизни после смерти.

— Не сейчас.

— Мне открылось, что те, кто верит в посмертную жизнь, должны…

— Ну, хватит. Сиди смирно.

Я потянулся к его плечу, подумав, что он запросто может сломать мне руку. И почувствовал на коже его теплое дыхание. В руководстве пользователя приводился Первый закон роботехники Айзека Азимова, напечатанный жирным шрифтом: «Робот не может причинить вред человеку или допустить своим бездействием, чтобы человеку был причинен вред».

Я никак не мог найти на ощупь то, что искал. Зашел за спину Адаму и тогда увидел родинку — точь-в-точь как в руководстве. И приложил к ней палец.

— Мы не могли бы сперва поговорить об этом?

— Нет.

Я надавил, и он обмяк, издав едва слышимый выдох. Его глаза остались открытыми. Я сходил за одеялом и набросил его на Адама.

В последующие дни меня занимали два вопроса: 1) любит ли меня Миранда? и 2) потопят ли крылатые ракеты «Экзосет» французского производства британские корабли, когда те достигнут радиуса действия аргентинских истребителей? Когда я погружался в сон или утром, сразу после пробуждения, в мареве между сном и явью, эти два вопроса сливались в один, и крылатые ракеты становились стрелами Амура.

В Миранде меня обезоруживала и поражала та легкость, с которой она шла на что-то новое, то, как она принимала происходящее. В тот вечер она пришла ко мне на ужин, и после двух часов приятного общения за едой и вином мы занялись любовью, оставив Адама за закрытой дверью. Потом говорили до глубокой ночи. С такой же легкостью она могла бы поцеловать меня в щеку после еды, вернуться к себе, лечь в постель и читать книгу по истории. Для меня случившееся стало поворотной точкой в жизни, чудесным, умопомрачительным исполнением моих надежд, для нее же — вполне естественным удовольствием, приятным десертом после кофе.

Вроде шоколада. Или хорошей граппы. Ни моя нагота, ни нежность не вызвали в ней того отклика, какой вызвали во мне ее восхитительная нагота и сладчайшая близость. Притом что я был в приличной форме — мускулистым и с густой темной шевелюрой — и (как кое-кто отмечал в прошлом) щедрым и изобретательным. Я умело вел постельную беседу. А она как будто совсем не замечала, как хорошо мы ладим, как какая-нибудь тема, настроение или остроумная, безобидная шутка плавно перетекают в следующую. Самоуважение склоняло меня к мысли, что у нее так, вероятно, бывало со всеми. На следующий день у меня даже возникло подозрение, что наша первая ночь вряд ли отложилась у нее в памяти.

Но я не мог пожаловаться, когда и следующий вечер прошел по той же схеме, — только теперь она пригласила меня к себе на обед, и мы легли в ее постель, а третью ночь мы опять провели у меня, и так далее. При всей нашей безрассудной физической близости я не стал говорить о своих чувствах, чтобы ей не пришлось признаться в отсутствии таковых. Я предпочитал подождать, позволив отношениям развиваться своим чередом, дать ей почувствовать себя свободной, пока в какой-то момент она не поймет, что сама

не заметила, как полюбила меня и назад пути уже нет.

Это ожидание было приправлено гордыней. Которая через неделю сменилась тревожностью. Сперва я был рад тому, что отключил Адама. Но потом стал подумывать о том, чтобы включить и расспросить о предостережении, о его основаниях и источниках. Однако я не мог позволить какой-то машине взять надо мной подобную власть, а это непременно случилось бы, доверься я ему в интимнейшей из сфер, сделав своим советчиком и оракулом. У меня была гордость, и я верил, что Миранда не способна на злонамеренную ложь.

Тем не менее. Я презирал себя за это, но через десять дней после начала наших отношений предпринял собственное расследование. Помимо широко обсуждаемой «машинной интуиции», единственным возможным источником информации для Адама мог быть только интернет. Я принялся прочесывать социальные сети. Страницы под ее собственным именем я не нашел. Но нашел фотографии с ней на страницах ее друзей: вот она на вечеринках и праздниках, вот в зоопарке, держит на плечах дочку подруги, а вот на ферме, в резиновых сапогах, под руку с друзьями, вот танцует и плещется в бассейне в компании

парней в плавках, а вот с шумными подружками старшеклассницами или с подвыпившими однокурсниками. Все, кто знал Миранду, отзывались о ней с симпатией. Ни на одном из найденных сайтов я не нашел ни единой неприятной истории про нее. Несколько раз мне встречались обрывки сведений о ее прошлом, которые она сама мне рассказывала во время ночных разговоров. Помимо этого, ее имя упоминалось в связи с работой, опубликованной в академическом издании, — «Выпас свиней в Суинкомбе: роль полудикой свиньи в домашнем хозяйстве в средневековой деревне в Чилтерне»[12]. Прочитав об этом, я проникся к Миранде еще большей любовью.

Что же до интуиции искусственного разума, это была типичная городская легенда, возникшая в начале 1968 года, когда Алан Тьюринг и его блестящий молодой коллега Демис Хассабис разработали программное обеспечение для состязания с одним из мировых мастеров древней игры го в пяти последовательных играх… Все, кто разбирался, понимали, что путем «перемалывания чисел» достичь этого было невозможно. Возможные ходы в го, как и в шахматах, значительно превосходят

[12] Примечания: 12

Суинкомб — от староанглийских слов swyn (боров) и combe (лощина) — село на возвышенности Чилтерн-Хилс, в юго-восточной Англии.

число атомов в наблюдаемой Вселенной, тем более что в го, в отличие от шахмат, возможности ходов возрастают экспоненциально. Мастера го не в состоянии объяснить, как они достигают своего мастерства, не считая интуитивного чувства того, что они считают верным для той или иной ситуации на доске. Отсюда возникло предположение, что компьютер проделывал нечто подобное. В прессе говорилось с придыханием о том, что мы на пороге новой эры очеловеченных компьютерных программ. Компьютеры были готовы думать, как мы, подражая нашему часто маловразумительному образу мышления при вынесении тех или иных суждений и решений. В ответ на это Тьюринг и Хассабис поместили свою программу в интерактивное пространство в духе свободного доступа, начинавшего входить в моду. В интервью различным СМИ они описывали процесс глубокого машинного обучения и устройство нейронных сетей. Тьюринг даже попытался дать доступное публике объяснение древовидного поиска Монте-Карло[13], алгоритма, разработанного в сороковые годы в рамках

[13] Примечания: 13

Методы Монте-Карло (ММК) — группа численных методов для изучения случайных процессов. Используется для решения задач в различных областях физики, химии, математики, экономики и др.

Манхэттенского проекта по созданию первой атомной бомбы. Известна история, когда он вышел из себя, самонадеянно пытаясь объяснить нетерпеливому телерепортеру полную математику P-пространства[14]. Менее известен другой случай, когда Тьюринг разбушевался на американском кабельном канале в процессе описания ключевой для информатики проблемы перебора P и NP[15]. Это случилось в телестудии, в пылу дебатов, среди «простых ребят». Незадолго перед тем Тьюринг опубликовал свое решение, которое как раз анализировали математики всего мира. Эту проблему оказалось легко сформулировать, но чрезвычайно сложно решить. Тьюринг рассуждал о том, что правильное положительное решение приведет к вдохновляющим открытиям в биологии, а также в концепциях пространства и времени и креативности. Но аудитория не разделяла или не понимала его восторга. У пуб-

[14] Примечания: 14

В теории сложности вычислений P-пространство (*англ.* PSPACE) — это совокупность всех задач разрешимости, поддающихся решению с помощью машины Тьюринга в пределах полиномиального объема пространства.

[15] Примечания: 15

Проблема перебора, или равенства классов P и NP — это одна из центральных открытых проблем теории алгоритмов, за решение которой Математический институт Клэя назначил премию в миллион долларов США.

лики было довольно смутное представление об участии Тьюринга во Второй мировой войне, а также о его роли в их собственной жизни, зависимой от компьютеров. Для нее он был типичным «яйцеголовым» английским джентльменом, и участники передачи азартно издевались над ним, забрасывая дурацкими вопросами. В результате этот неприятный эпизод ознаменовал последнюю попытку Тьюринга донести науку до широких масс.

Перед тем как начать состязание с японским мастером го девятого дана, компьютер Тьюринга — Хассабиса провел тысячи игр с самим собой в течение года. Он обучался через новый опыт, и ученые заявили — небезосновательно, — что еще на шаг подошли к моделированию человеческого интеллекта, что и породило легенду о существовании машинной интуиции. И что бы потом ни говорили, они уже были не в силах развенчать этот миф.

Последовали недальновидные утверждения, что победа компьютера поставила точку в судьбе древней игры. После того, как пожилой мастер го проиграл компьютеру пятую игру подряд, он медленно встал при поддержке своего ассистента, кивнул компьютеру и дрожащим голосом по-

здравил его с победой. Он сказал: «Верховая езда не положила конец спортивному бегу. Мы бегаем ради удовольствия». И он был прав. Игра го с ее простыми правилами и чрезвычайной сложностью приобрела еще большую популярность. Как и в случае с шахматным гроссмейстером, проигравшим компьютеру вскоре после Второй мировой войны, победа машины не смогла преуменьшить значимость игры. Победа, как было сказано, не столь важна, как удовольствие от погружения в хитросплетения игрового процесса. Но идея, что программа теперь может каким-то немыслимым образом «считывать» ситуацию или выражение лица, человеческие жесты или эмоциональную окраску той или иной реплики, так и не была опровергнута и отчасти объясняла всеобщий ажиотаж, возникший, когда на рынок поступили Адамы и Евы.

Пятнадцать лет для информатики — большой срок. Вычислительная мощность и общее совершенство моего Адама намного превосходили компьютер для игры в го. Технологии не стояли на месте, как и Тьюринг. Он досконально изучил процесс принятия решений и написал свою знаменитую книгу, в которой отмечал: нам свойственно вырабатывать паттерны, подходы,

тогда как, чтобы принимать правильные решения, следует думать в вероятностном плане. Искусственный разум мог преобразовать то, что у нас было, то, чем мы были. Тьюринг разработал алгоритмы. Вся его передовая работа имелась в открытом доступе. Адам должен был извлечь из этого немалую пользу.

Институт Тьюринга продвигал вперед искусственный интеллект и вычислительную биологию. Он говорил, что достаточно богат, чтобы не стремиться к большему обогащению. Сотни выдающихся исследователей следовали его примеру, публикуя работы в открытых источниках, что в 1987 году привело к закрытию журналов «Природа» и «Наука». Его немало критиковали за это. Но другие отмечали, что работа Тьюринга создала десятки тысяч рабочих мест по всему миру в различных областях: компьютерная графика, медицинское сканирование, ускорение частиц, сворачивание белка, разумное распределение электроэнергии, оборонные технологии и космические исследования. И этот перечень продолжал расти.

В 1969 году Тьюринг признался в своей го-

мосексуальности[16] и стал жить открыто со своим любовником Томом Ри, знаменитым физиком-теоретиком, который в 1989 году получит Нобелевскую премию, тем самым ускорив наступление набиравшей силу социальной революции. Когда разразилась эпидемия СПИДа, Тьюринг собрал большую сумму денег для основания вирусологического института в Данди и стал одним из основателей хосписа. После появления первых эффективных способов лечения он провел кампанию за краткосрочные лицензии и снижение цен, особенно в Африке. Он продолжал сотрудничать с Хассабисом, который с 1972 года возглавлял собственную команду. Тьюринг, по его словам, постепенно потерял интерес к участию в общественной жизни и предпочел провести старость в работе. Позади были долгие годы, проведенные в Сан-Франсис-

[16] Примечания: 16

В действительности Алан Тьюринг в 1952 году был осужден за гомосексуальную связь и направлен на принудительную химиотерапию, которая подорвала его здоровье и привела к самоубийству. Закон против гомосексуальных отношений был отменен в Англии в 1967 году, а Тьюринг был посмертно помилован королевой Елизаветой II в 2013 году, после чего был принят «закон Тьюринга» о посмертном помиловании мужчин, осужденных за гомосексуальные отношения.

ко, Президентская медаль свободы[17] и банкет в его честь, устроенный президентом Картером, ланч с миссис Тэтчер в Чекерсе для обсуждения финансирования научных программ и обед с президентом Бразилии, которого Тьюринг убедил заняться защитой Амазонки. Долгое время он являл собой лицо компьютерной революции и голос новой генетики и воспринимался почти такой же культовой фигурой, как Стивен Хокинг. Теперь же он стал почти затворником, перемещаясь исключительно между своим домом в Кэмден-тауне и институтом на Кингс-кросс, в двух шагах от Центра Хассабиса.

Томас Ри написал длинную поэму о своей жизни с Тьюрингом и опубликовал ее в TLS, а затем отдельной книгой. Поэт и критик Иэн Хэмилтон отметил в своем обзоре: «Перед нами физик, который способен воображать не хуже, чем сканировать. Но покажите мне поэта, который может объяснить квантовую гравитацию». Когда в моей жизни возник Адам, я полагал, что только поэт, но никак не машина, может сказать, полюбит меня Миранда или обманет.

---

[17] Примечания: 17

Одна из двух высших наград США для гражданских лиц, вручаемая по решению президента США.

* * *

Вероятно, алгоритмы Тьюринга использовались и в программном обеспечении ракет «Экзосет» серии 8, которые французская компания MBDA продала аргентинскому правительству. Это грозное оружие запускали с реактивного самолета в направлении корабля, и в процессе полета автоматически оно распознавало его силуэт как вражеский или союзнический. Если корабль распознавался как союзнический, ракета сворачивала с курса и падала в море. Если же корабль распознавался как вражеский, но ракета не попадала в него с первого раза, она могла развернуться и предпринять еще две попытки. Она настигала цель на скорости в восемь тысяч километров в час. Ее способность к безопасной самоликвидации была, вероятно, основана на алгоритме распознавания лиц, который Тьюринг разработал в середине шестидесятых. Алан искал способ помочь людям, страдающим прозопагнозией, то есть неспособностью узнавать лица знакомых людей. Но служба иммиграционного контроля, оборонный сектор и охранные структуры быстро нашли применение этой технологии в своих целях.

Поскольку Франция была членом НАТО, британскому правительству пришлось предъявить в Елисейском дворце самые сильные аргументы, чтобы фирма MBDA прекратила дальнейшие поставки ракет «Экзосет» аргентинскому правительству и их техподдержку. Была заблокирована также поставка партии груза для союзника Аргентины Перу. Но нашлись другие страны, в том числе Иран, желавшие продавать Аргентине оружие. Кроме того, существовал черный рынок. В результате агенты британской разведки в образе торговцев оружием скупали все, что могли.

Но дух свободного предпринимательства был непреодолим. Армия Аргентины отчаянно нуждалась в программном обеспечении для ракет «Экзосет», которое еще не было установлено в полной мере к моменту начала конфликта. В Аргентину вылетели два израильских специалиста, действовавшие по личной инициативе, предположительно за крупное вознаграждение. Вскоре их нашли в отеле в Буэнос-Айресе с перерезанными глотками. Выдвигались предположения о причастности британской разведки. Но кто бы ни стоял за этим, он опоздал. В тот день, когда двое молодых израильтян истекли кровью в своих кроватях, были потоплены четы-

ре британских корабля, на следующий день еще три и еще один на третий. В общей сложности ко дну пошли авианосец, эсминцы, фрегаты и транспортно-десантный самолет. Человеческие потери исчислялись несколькими тысячами. Моряки, личный состав, повара, врачи и медсестры, а также журналисты. После нескольких дней неразберихи, когда британская армия сосредоточила свои усилия на спасении выживших, костяк Тактической группы повернул назад, и Фолклендские острова стали Лас-Мальвинас. Фашистская хунта, управлявшая Аргентиной, ликовала, ее рейтинг взлетел до небес, убийства, пытки и похищения мирных граждан были забыты или прощены. Власть режима только упрочилась.

Я наблюдал за всем этим с ужасом и чувством вины. Увлекшись зрелищем военных судов, величаво шедших по Ла-Маншу, несмотря на неприязнь к военным парадам, я, как и большинство британцев, поддался патриотической пропаганде. Миссис Тэтчер сделала на крыльце своей резиденции заявление. Сперва она не могла говорить, потом расплакалась, но отказалась от предложения вернуться внутрь. Наконец она взяла себя в руки и непривычно тихим голосом произнесла свою знаменитую речь «Груз

вины лежит на моих плечах». Она брала всю ответственность на себя. Она никогда не сможет изжить чувство вины. Она готова уйти в отставку. Но нация, повергнутая в шок таким количеством смертей, не желала больше рубить ничьи головы. Если миссис Тэтчер следовало уйти в отставку, это должен был сделать и весь кабинет, а заодно и большая часть британских подданных. Передовица «Телеграф» гласила: «Вина лежит на всех нас. Сейчас не тот случай, чтобы искать козлов отпущения». И начался типично британский процесс, напоминавший катастрофу Дюнкерка, когда чудовищное поражение преобразилось в скорбное торжество. Национальное единство списывало все. Шесть недель спустя полтора миллиона человек приветствовали в Портсмуте вернувшиеся корабли с тысячами трупов на борту, с обгоревшими и покалеченными пассажирами. Остальное население Британии в ужасе наблюдало это по телевизору.

Повторяю эту общеизвестную историю для молодых читателей, чтобы дать им полнее прочувствовать ее эмоциональный заряд: ведь эти события окрашивали все, происходившее между мной, Мирандой и Адамом, в меланхолические тона. Приближался день квартплаты, и меня бес-

покоило снижение моих доходов. Не ожидалось ни массовых продаж британских флажков на палочках, ни шампанского, и в целом экономика страны находилась в упадке, хотя пабы работали в прежнем режиме и потребление гамбургеров не сократилось. Миранда была занята болезнью отца и Хлебными законами, а также исторической порочностью привилегированных классов и их безразличием к чужим страданиям. Адам тем временем продолжал оставаться под одеялом. Нежелание Миранды приниматься за работу над его личностью отчасти объяснялось технофобией, если так можно было назвать ее неприязнь к любой интерактивной деятельности, связанной с щелканьем мышкой. Но я не уставал напоминать Миранде об этом, и наконец она согласилась попробовать. Через неделю после того, как остатки Тактической группы вернулись в порт, я установил на кухонном столе ноутбук и открыл сайт Адама. Его не требовалось включать для ввода личностных параметров. Миранда взяла беспроводную мышь и, перевернув, безрадостно воззрилась на мигающее дно. Я сварил ей кофе и ушел к себе в спальню работать.

Мое портфолио упало в цене вдвое. Предполагалось, что я восстанавливаю потери. Но

присутствие Миранды за стеной меня отвлекало. Как это часто бывало по утрам, мои мысли то и дело возвращались к нашей прошлой ночи. Ощущение национального бедствия усиливало накал страсти, а потом мы долго говорили. Она в деталях описывала свое детство, идиллию, которая дала трещину после смерти ее матери, когда Миранде было восемь. Она захотела взять меня с собой в Солсбери и показать памятные места. Я воспринял это как признак прогресса отношений, но она говорила об этом в самых общих выражениях и ничего не сказала о том, чтобы познакомить меня с отцом.

Я смотрел на экран, не видя его. Стены были тонкими, а дверь еще тоньше. Миранда продвигалась с трудом. Во время особенно долгих пауз я намеренно щелкал мышью, когда она вводила очередной параметр. Тишина между кликами меня напрягала. Открытость новым впечатлениям? Добросовестность? Эмоциональная устойчивость? Час спустя, не продвинувшись ни на шаг, я решил прогуляться. Поцеловал Миранду в макушку, протискиваясь за ее спиной, вышел из дома и направился в сторону Клэпема.

Было необычно жарко для апреля. Главная улица Клэпема оживленно гудела, по тротуарам

двигались толпы. И повсюду — черные ленты. Это поветрие пришло из Штатов. На фонарных столбах и дверях, в витринах, на ручках машин и антеннах, на детских и инвалидных колясках, на велосипедах. В Центральном Лондоне на административных зданиях были приспущены британские флаги, а на флагштоках реяли черные ленты в знак скорби по 2920 погибшим. Люди носили черные ленты на рукавах и лацканах — и мы с Мирандой не были исключением. Я решил, что достану ленту и для Адама. Женщины и девушки, а также мужчины, склонные к экстравагантным жестам, заплетали ленты в волосы. Даже представители неравнодушного меньшинства, устраивавшие марши протеста против военной кампании, тоже носили ленты. Публичным персонам и знаменитостям, в том числе членам королевской семьи, появляться на людях без черной ленты было опасно — в засаде прятались бдительные репортеры.

Я вышел из дома с единственной целью — разогнать свое напряжение. Дойдя до запруженного конца Главной улицы, я ускорил шаг. Невдалеке находился заброшенный офис Союза англо-аргентинской дружбы. Мусорщики протестовали вторую неделю. Горы мешков, наваленные под

фонарями, доставали до пояса, распространяя сладковатый запах. Общественность, точнее, пресса, согласилась с премьер-министром, что забастовка в такое время оказалась актом бессердечного предательства. Требования повышения зарплаты были так же неизбежны, как и очередное усиление инфляции. Однако никто не знал, как разубедить эту змею пожирать свой хвост. Очень скоро, возможно, к концу года, мусор будут убирать выносливые роботы с мизерным интеллектом. И тогда те, кого они заменят, станут еще беднее. Безработица достигла шестнадцати процентов.

Запах гнилого мяса за индийским рестораном и закусочными, расположенными вдоль грязного тротуара, сшибал с ног. Я задержал дыхание, пока не миновал станцию метро. Перешел через дорогу и направился в клэпемский парк. Из толпы с краю лягушатника для катания на лодках раздавались крики и вопли. Кое-кто из детей, плескавшихся в воде, тоже носил ленты. Картина была трогательной, но я не стал задерживаться. В новые времена одинокому мужчине было рискованно задерживать взгляд на незнакомых детях.

Так что я отправился дальше, к церкви Святой Троицы, кирпичной громаде Века Разума. Внутри

никого не было. Я присел на скамью, подавшись вперед, уперев локти в колени, словно верующий в молитве. Это место было слишком благоразумным, чтобы пробуждать религиозное чувство, но его простые линии и четкие пропорции действовали успокаивающе. Мне хотелось какое-то время побыть в этом прохладном пространстве с приглушенным светом и вернуться мыслями к ночи, когда я проснулся от натужного воя. Это было за день или два до того, как я отключил Адама. Спросонья я решил, что в комнату пробралась собака, и вылез из постели, но затем понял, что это Миранде снится кошмар. Мне не сразу удалось ее разбудить. Она ворочалась, словно боролась с кем-то, и дважды пробормотала: «Не входи. Пожалуйста». Когда она проснулась, я сказал ей об этом, надеясь, что она вспомнит сон. Она лежала в моих объятиях, крепко прижимаясь ко мне. Но на расспросы только качала головой и вскоре снова заснула.

Утром, за кофе, она отмахнулась от моего вопроса. Просто сон. Эта отговорка мне запомнилась, поскольку рядом был Адам, старательно мывший окно. Я сказал ему — не попросил — заняться этим. Услышав, что мы с Мирандой разговариваем о кошмаре, он повернулся к нам, словно

желая показать, как заинтересован этой темой. И тогда я задумался: может ли он видеть сны? Теперь, в церкви, я чувствовал, что вел себя с ним недостойно. Я, можно сказать, приказывал Адаму, относился к нему как к прислуге. А после этого выключил и не включал уже много дней. Церковь Святой Троицы была связана с Уильямом Уилберфорсом[18] и движением за отмену рабства. Он бы непременно встал на защиту прав Адамов и Ев: права не быть предметом купли-продажи, права на жизнь и самоопределение. Возможно, они смогли бы жить самостоятельно. Для начала устроились бы чернорабочими. А в скором времени стали бы врачами и адвокатами. С учетом способности к распознаванию образов в сочетании с безупречной памятью такая работа подошла бы им лучше, чем уборка мусора.

Мы могли незаметно для себя создать новый вид рабства. А что потом? Всеобщий ренессанс, освобождение во имя любви и дружбы под знаком философии, искусства и науки, космотеизма, спорта и хобби, изобретение и поиск новых смыс-

---

[18] Примечания: 18

Уильям Уилберфорс (1759–1833) — британский политик и филантроп, христианин, член парламента Британии. Известен активной деятельностью по борьбе против рабства. Благодаря его усилиям, 25 марта 1807 г. был принят закон об отмене работорговли на территории Британской империи.

лов. Но такие возвышенные отношения не для всех. На свете немало людей с преступными наклонностями, любителей азартных игр, алкоголя и наркотиков, склонных к апатии и депрессии, которые были бы рады использовать репликантов в боях без правил и в порноиндустрии. Мы не в силах управлять собственными желаниями. Я — отличный тому пример.

Я вышел из церкви и отправился бродить по пространству парка. Через пятнадцать минут дошел до дальнего конца и повернул назад. К этому времени Миранда наверняка успела обработать не меньше трети параметров. Мне не терпелось побыть с ней перед тем, как она уедет в Солсбери, откуда вернется поздним вечером. Я укрылся от жары в узкой тени белой березы. Неподалеку оказалась огороженная детская площадка. Маленький мальчик — вероятно, лет четырех — в мешковатых зеленых шортах, резиновых сандалиях и испачканной белой футболке с интересом над чем-то склонился. Он пытался поддеть это ногой, затем присел и протянул руку.

Я не заметил его мать, сидевшую на скамейке спиной ко мне.

— Иди сюда! — крикнула она резко.

Мальчик поднял взгляд и собрался было подой-

ти к ней, но потом снова нагнулся к интересной штуке. Я пригляделся и увидел матово блестевшую крышку от бутылки, влипшую в размягченное от жары покрытие площадки.

Его мать была крепкого сложения, с черными вьющимися волосами, редеющими на макушке. В правой руке она держала сигарету, уперев локоть в ладонь левой. Несмотря на жару, она была в пальто. Под воротником виднелся длинный разрыв.

— Не слышал, что ли?

В голосе прозвучала угроза. Ребенок поднял на мать испуганный взгляд и, похоже, решил подчиниться. Он почти сделал к ней шаг, но затем перевел взгляд на свое сокровище и опять заколебался. Он присел, собравшись, вероятно, выдрать крышку из покрытия и подойти с ней к матери. Но, как бы то ни было, ее терпение лопнуло. Она с возмущенным возгласом вскочила со скамейки, быстро подошла к ребенку, бросив сигарету, схватила его за руку, а потом сильно шлепнула по голым ногам. Едва он вскрикнул, она шлепнула его еще и еще раз.

Я был занят собственными мыслями, и мне не хотелось отвлекаться. Сперва я подумал, что сейчас пойду домой, притворившись, если не перед

собой, то перед миром, что ничего не заметил. Я все равно ничего не мог изменить в жизни этого мальчика.

Его плач только сильнее злил мать.

— Заткнись! — кричала она ему снова и снова. — Заткнись! Заткнись!

Я по-прежнему заставлял себя не вмешиваться. Но, когда мальчуган завопил пуще прежнего, мать схватила его за плечи и принялась трясти с такой силой, что грязная футболка задралась над животом.

Бывают такие решения, даже моральные, которые возникают где-то на бессознательном уровне. Я сам не заметил, как подбежал к ограждению и, перешагнув через него, подошел и положил ладонь на плечо женщины.

— Извините, — сказал я. — Прошу вас, пожалуйста, не надо так.

Собственный голос показался мне каким-то жалким, просящим, извиняющимся — короче, безвольным. Я говорил, заранее опасаясь последствий. Явно не рассчитывая, что они смягчат сердце этой мамаши. Но она хотя бы оставила ребенка в покое, повернувшись ко мне.

— Чего еще?

— Он просто маленький, — промямлил я. — Вы

можете серьезно ему навредить.

— А ты, бля, кто такой?

Вопрос был закономерным, так что я предпочел оставить его без ответа.

— Он слишком мал, чтобы вас понять, — сказал я.

Ребенок продолжал реветь. Теперь он схватился за мамину юбку, показывая, что хочет на ручки. И это было хуже всего. Его мучительница одновременно была и его единственным утешением. Она злобно уставилась на меня. На полу, возле ее ноги, дымилась брошенная сигарета. Пальцы правой руки сжимались и разжимались. Стараясь казаться спокойным, я отступил на полшага. Мы стояли, уставившись друг на друга. У нее было довольно привлекательное лицо, и до того, как выразительные глаза заплыли жиром, она могла считаться красавицей. В другой жизни это лицо могло бы принадлежать доброй и хозяйственной бабе. Высокие округлые скулы, россыпь веснушек на носу, полные губы (нижняя была рассечена). Ее зрачки буравили меня точно сверла. Неожиданно женщина отвела взгляд, увидев кого-то за моим плечом, и я понял, что дела мои плохи.

— Ой, Джон! — крикнула она.

Ее приятель или муж по имени Джон, тоже солидного веса и голый по пояс, шагал к нам через детскую площадку, лоснясь на солнце.

Едва зайдя за ограду, он спросил:

— Он к тебе пристает?

— А как же, блядь.

Случись такая ситуация где-нибудь в ином измерении — например, в кино, — мне было бы не о чем беспокоиться. Джон был примерно моих лет, но ниже ростом, рыхлым и явно слабее. В том, ином измерении, если бы он меня ударил, я мог бы запросто уложить его на пол. Но в этом мире я никогда, за всю свою жизнь, не ударил другого человека, даже в детстве. Кроме того, я сказал себе, что, если ударю отца на глазах у сына, это нанесет ребенку психическую травму. Но дело было даже не в этом. У меня была неправильная установка или, лучше сказать, не была правильной. Это был не страх и, уж конечно, не благородство. Просто всякий раз, как требовалось кого-то ударить, я не знал, с чего начать. И не хотел знать.

— Че, серьезно?

Теперь на меня уставился Джон, а женщина отступила. Ребенок продолжал реветь. Отец и сын были комично схожи — светловолосые, коротко стриженные, широколицые и зеленоглазые.

— При всем моем уважении, он всего лишь ребенок. Его не нужно бить или трясти.

— При всем моем уважении, шел бы ты на хуй. А не то знаешь что?

И я почувствовал, что Джон готов меня ударить. Он выпятил грудь, бессознательно подражая жабам и обезьянам в сезон половой охоты. Его дыхание стало прерывистым, а руки оттопыривались в стороны. Пусть я был сильнее, но он был решительнее. Что ему было терять? Или это называлось храбростью? Готовностью довериться удаче и броситься в атаку, надеясь, что тебя не свалят с ног и не утрамбуют пол твоей головой, устроив тебе сотрясение мозга. Я не чувствовал в себе такой готовности. Вот что такое трусость — избыток воображения.

Я поднял обе руки в жесте примирения.

— Что ж, я, очевидно, не могу вас заставить. Я только могу надеяться вас убедить. Ради блага ребенка.

И тогда Джон сказал нечто такое, чего я никак не ожидал и несколько секунд не знал, что ответить.

— Он тебе нужен?

— Что?

— Можешь забирать. Давай. Ты эксперт по де-

тям. Он твой. Забирай его домой.

При этих словах мальчуган притих. Я взглянул на него и подумал, что в нем есть что-то, чего недоставало отцу, но, пожалуй, не матери, — едва уловимая, но все же несомненная искра разума во взгляде, несмотря на его состояние. Мы вчетвером стояли тесной группкой. До нас доносились отдаленные крики детей возле лягушатника с другой стороны парка и шум дорожного движения.

Поддавшись порыву, я решил принять вызов Джона.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Он может пойти жить со мной. Потом мы подпишем нужные бумаги.

Я достал визитку из бумажника и дал ему. Затем протянул руку мальчугану, и, к моему удивлению, он взял меня за руку и обхватил покрепче. Это мне польстило.

— Как его зовут?

— Марк.

— Пойдем, Марк.

И мы вдвоем пошли прочь от его родителей, через детскую площадку, к автоматическим воротам.

Марк сказал мне громким шепотом:

— Давай притворимся, что убегаем.

Он поднял на меня лицо, светившееся смешливым азартом.

— О'кей.

— На лодке.

— Ну хорошо.

Я собирался открыть ворота, когда услышал за спиной окрик. Я обернулся, надеясь, что мое облегчение не слишком заметно. Женщина подбежала, вырвала у меня ребенка и шлепнула ладонью по плечу.

— Извращенец!

И она была готова шлепнуть меня снова, но Джон мрачно ее позвал:

— Оставь его.

Я вышел за ворота и прошел немного, затем обернулся. Джон усаживал Марка себе на голые плечи. Я не мог не восхититься таким отцом. Возможно, в его подходе была скрытая мудрость, которую я сразу не распознал. Он избавился от меня без драки, сделав невозможное предложение. Я с содроганием представил, как мне пришлось бы тащить мальчика в свою квартиру, знакомить его с Мирандой, а потом заботиться о нем следующие пятнадцать лет. У матери Марка, как я заметил, тоже имелась черная лента, повязанная на рукаве пальто. Она пыталась убедить Джона надеть

рубашку, но тот ее не слушал. Когда семейство пересекало детскую площадку, Марк повернулся ко мне и поднял руку — то ли для равновесия, то ли чтобы помахать мне на прощание.

* * *

В наших постельных разговорах с Мирандой, часто в предрассветные часы, то и дело возникала некая фигура, словно нависавшая над нами в темноте этаким горестным призраком, с каждым разом обретая все более конкретные черты. Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не считать этого человека своим соперником, которого злил сам факт моего существования. Я нашел его виртуальную страницу и смотрел, как его лицо менялось с возрастом — от женоподобного красавца двадцати с небольшим лет до не лишенной обаяния развалины в пятьдесят с лишним. Я прочитал о нем публикации, их было немного. Его имя мне ни о чем не говорило. Пара моих знакомых знала о нем, но только понаслышке. Фотография его профиля пятилетней давности демонстрировала «почти мужчину». Мысль, что теоретически я мог разделить его судьбу, заставила меня проникнуться сочувствием к Максфилду Блэйку и понять очевидное: если

любишь чью-то дочь, нужно считаться с ее отцом. Всякий раз, как Миранда приезжала из Солсбери, она непременно о нем рассказывала. Я узнавал о его разнообразных недугах и всевозможных медицинских прогнозах, о нахальном и невежественном докторе, которого сменил доктор добрый и искусный, о больничном беспорядке и неожиданно хорошем питании, о процедурах и лекарствах и о непрестанных надеждах, то увядавших, то расцветавших вновь. Его разум, как она периодически давала мне понять, сохранял ясность. Это его тело обратилось против него, против самого себя, со всей свирепостью гражданской войны. Как же больно было дочери видеть язык ее отца-писателя, обезображенный уродливыми черными пятнами. И как больно было отцу есть, глотать, говорить. Его иммунная система коварно подводила его, разрушая изнутри.

И это было еще не все. У него вышел камень из почки, что сопровождалось такими страшными болями, что Миранда сравнивала их с родовыми. Он сломал бедро, упав в ванной. Его кожа нестерпимо зудела. А теперь еще у него возникла подагра в больших пальцах обеих рук. Из-за разраставшейся катаракты чтение — его страсть — давалось все труднее. Ему грозила операция,

хотя он ненавидел операции и боялся любого вмешательства в свои глаза. Имелись и другие недомогания, слишком унизительные, чтобы описывать их. Женщина, которая давно могла стать его четвертой женой, если бы он этого захотел, уехала от него два года назад. С тех пор Максфилд жил один, пребывая в зависимости от медицинских работников, посторонних людей и собственной дочери, жившей на расстоянии в сто сорок пять километров. Два его сына от другой жены иногда наезжали к нему из Лондона и привозили вино, сыр, биографии или новейший наручный компьютер, но были слишком брезгливы, чтобы осуществлять за отцом интимный уход.

Мы с Мирандой были тогда еще слишком молоды, чтобы понимать, что мужчина под шестьдесят еще не настолько стар, чтобы заслуженно ожидать такого множества напастей. Но он так напоминал мне Иова, терзаемого безжалостным Богом, что я считал кощунством дать понять Миранде, как мне все это надоело. Особенно показательна оказалась ночь после столкновения на детской площадке. Впрочем, как бы сильно я ни любил Миранду, слушая ее рассказы, я не мог не отвлекаться на другие те-

мы. Едва вернувшись из Солсбери, она, лежа со мной в постели, описывала очередные мучения отца. Я с сочувствием держал ее за руку. Это было большее, что я мог сделать, чтобы показать, как меня волнуют нескончаемые страдания человека, с которым я даже не был знаком. Я слушал ее одним ухом и мысленно углублялся в странные новые повороты моего жизненного пути.

Тем временем внизу все так же неподвижно сидел на жестком стуле, накрытый одеялом, мой новый каприз, свежеиспеченная личность которого была установлена в тот день, пока он спал. Все было готово к началу приключения. Миранда была моим будущим — лежа рядом с ней в постели, я в этом не сомневался. Диспропорция в наших взаимных чувствах выправится. Мы являли собой идеальный образец современных отношений: знакомство, за которым следует секс, затем дружба и, наконец, любовь. И страшного в том, что каждый из нас осваивал эти этапы со своей скоростью, не было ничего. Главное — сохранять терпение.

А тем временем мой островок надежды омывал океан национальной скорби. В тот день аргентинская хунта с поразительной согласованностью подняла четыреста шесть флагов в

Порте-Стэнли[19] — за каждого из своих погибших — и устроила военный парад по безлюдной разгромленной главной улице, в то время как в лондонском соборе Святого Павла проходила заупокойная служба по трем тысячам британским подданным. Я видел это по телевизору, вернувшись из клэпемского парка. В многолюдной конгрегации, состоявшей из правящей верхушки, едва ли набрался бы десяток-другой человек, считавших, что Бог, вставший на сторону фашистов, а не британцев, заслуживал свечи или что павшие пребывали теперь в вечном блаженстве. Но светская традиция была не в силах до блеска отшлифовать всем знакомые вирши подобно тому, как это делала давно отвергнутая бесхитростность былых веков. *Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печалями*[20]. Так что пели псалмы, возвышенная тарабарщина которых отдавалась эхом под сводами собора, и прихожане дружно вторили ей, а остальные британцы скорбели перед алтарями телевизоров. В их числе был я, но не Миранда.

---

[19] Примечания: 19

Порт-Стэнли — административный центр и единственный город Фолклендских островов.

[20] Примечания: 20

Книга Иова: глава 14, стих 1.

Вместе с полутора миллионами соотечественников я «промаршировал» по Центральному Лондону в знак протеста против Тактической группы. На самом деле мы едва продвигались, то и дело застревая в узких переулках. И повторялся типичный парадокс: событие было траурным, но демонстрация праздничной. Рок-группы, джаз-банды, ударные и духовые, шуточные флаги, безумные костюмы, цирковые выкрутасы, бравурные речи и непременное радостное возбуждение таких разношерстных и таких добропорядочных граждан, не стихавшее часами. Так легко верилось, что в Лондоне сплотилась вся нация, чтобы заявить очевидное: грядущая война была несправедливой, бесчеловечной, алогичной, потенциально катастрофической. Мы даже не знали, насколько мы были правы. Или как сильно на нас ополчится парламент, а также таблоиды, военные и две трети самих британцев. Оказалось, мы вели себя непатриотично, мы защищали фашистский режим и противостояли торжеству международного права.

Где в тот день была Миранда? Мы тогда почти не знали друг друга. Она сидела в библиотеке, внося последние правки в статью о полудиких свиноматках. У нее имелись нетипичные для

ее возраста мысли насчет Тактической группы, и она не доверяла духу того, что считала «самовлюбленной толпой», ее поверхностному единодушию, ее нелепой экзальтации. Она не разделяла моей склонности к протестам или сантиментам. Ей было неинтересно смотреть на отплытие кораблей так же, как и на бесславное возвращение остатков эскадры, названное позднее Затоплением, а служба в соборе Святого Павла волновала ее еще меньше. Если я несколько месяцев мусолил эту тему в разговорах с друзьями и читал все публикации на эту тему, то Миранду это совсем не занимало. Когда тонули корабли, она никак на это не реагировала. Когда появились черные ленты, она тоже повязала себе такую, но не участвовала ни в каких мероприятиях. Как она сама говорила об этом, все эти действа были «с душком».

Сейчас, когда я лежал рядом с ней в постели, держа за руку, оранжевый свет улицы за занавеской придавал спальне вид театральной декорации. Миранда приехала на последнем поезде и ждала в метро задержавшийся состав до станции Клэпем-Норт. Было почти три часа. Она рассказывала, как Максфилд сказал ей со страдальческим видом, что подагра в больших

пальцах — это для него благословение, поскольку эта боль так чудовищна и отчетлива, что все другие страдания на ее фоне бледнеют.

Продолжая держать Миранду за руку, я сказал:

— Ты знаешь, как сильно мне хочется с ним познакомиться. Позволь, я поеду с тобой в следующий раз.

Прошло несколько секунд, она сонно ответила:

— Я бы хотела поехать в ближайшее время.

— Хорошо.

А затем, после недолгой паузы, добавила:

— Адам тоже должен поехать.

Она похлопала меня по предплечью, давая понять, что пора спать, и повернулась на бок, спиной ко мне. Скоро ее дыхание сделалось ровным и глубоким, а я со своими мыслями остался в ржавых монохромных сумерках. Адам поедет с нами. Она считала его общей собственностью, как я и надеялся. Но я с трудом представлял себе встречу Адама и такого старомодного брюзги, как Максфилд Блэйк. Я знал из его личной страницы, что он до сих пор писал от руки, пренебрегая компьютерами, мобильными телефонами, интернетом и прочими новшествами. Очевидно, он не собирался, как прочие, «охотно терпеть нера-

зумных»[21]. Или роботов. Адама еще нужно было вернуть к жизни. Ему еще нужно было выйти из дома и подтвердить способность к адекватному культурному общению. Для себя я решил не показывать его друзьям, пока не увижу, что он стал полноценным социальным существом. То, что начинать социализацию предстояло с Максфилда, внушало мне опасения за дальнейшее развитие Адама. Возможно, Миранда надеялась таким образом развлечь отца или побудить к написанию очередной статьи. Или же это было как-то связано со мной и могло неведомым образом сыграть в мою пользу. Или — я не смог подавить в себе эту мысль — против?

Это была плохая идея, из тех, что посещают людей под утро. Как это бывает при бессоннице, разум заполняла вереница мыслей. Почему я должен знакомиться с ее отцом в присутствии Адама? Разумеется, я имел полное право настоять на том, чтобы оставить его здесь. Но тогда бы я отказал женщине, чей отец лежит при смерти. А он действительно при смерти? И бывает ли вообще подагра в большом пальце? В обеих сразу? И знаю ли я Миранду по-настоящему? Я лежал на боку,

[21] Примечания: 21

Второе послание Св. апостола Павла к Коринфянам, глава 11, стих 19: Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных.

елозя головой по подушке в поисках прохладного места, потом перевернулся на спину, глядя на пестрый потолок, нависавший надо мной непривычно низко, уже не рыжий, а желтый. И задавал себе одни и те же вопросы, перефразируя их то так, то эдак. Я знал, что собирался сделать, но медлил, накручивая себя и почти целый час отрицая очевидное. Потом наконец я поднялся, натянул джинсы и футболку, вышел босиком из комнаты и спустился по лестнице в свою квартиру.

Войдя в кухню, я с ходу стянул одеяло с Адама. На вид в нем ничего не изменилось — глаза закрыты, то же бронзовое лицо, нос брутального парня. Я завел руку ему за шею, нащупал родинку и надавил. Пока он разогревался, я успел съесть миску овсянки.

Когда я дожевывал, Адам произнес:

— Никогда не будут разочарованы.

— Чего-чего?

— Я говорил, что те, кто верит в посмертную жизнь, никогда не будут разочарованы.

— В смысле, что даже если они ошибаются, они этого все равно не узнают?

— Да.

Я присмотрелся к нему поближе. Не изменился ли он? У него был выжидающий вид.

— Вполне логично. Но, Адам. Ты ведь не думаешь, что это исчерпывающий довод?

Он не ответил. Я взял пустую миску, вымыл в раковине и заварил себе чай. Потом сел за стол напротив Адама и, сделав пару глотков, спросил:

— Почему ты сказал, что мне не следует доверять Миранде?

— Ах, это…

— Выкладывай.

— Я выразился необдуманно, и, честное слово, я сожалею.

— Ответь на вопрос.

Его голос изменился, стал тверже, выразительнее в своих тональных переходах. Но что касалось его настроя — об этом я не мог сказать уверенно. Моим первым, неуверенным впечатлением было неизменное самообладание Адама.

— Я заботился только о твоих интересах.

— Но ты сказал, что сожалеешь.

— Именно так.

— Мне нужно знать, почему ты сказал то, что сказал.

— Есть маленькая, но существенная вероятность, что она может тебе навредить.

Стараясь скрыть беспокойство, я спросил:

— Насколько существенная?

— В понятиях Томаса Байеса, священнослужителя восемнадцатого века, я бы сказал один к пяти, при условии, что ты принимаешь мои значения априорной вероятности.

Мой отец, приверженец гармонического ряда бибопа, был откровенным технофобом. Он говорил, что любой неисправный электроприбор напрашивается на хороший пинок. Я пил чай и размышлял об этом. Колоссальное скопление разветвленных древовидных сетей, отвечавших за мышление Адама, должно предполагать сильную вероятность его правоты.

— Мне доподлинно известно, — сказал я, — что такая вероятность ничтожна, близка к нулю.

— Ясно. Я очень сожалею.

— Мы все допускаем ошибки.

— Это чистая правда.

— Сколько ошибок ты допустил в своей жизни, Адам?

— Только эту.

— Тогда она важна.

— Да.

— И важно ее не повторить.

— Разумеется.

— Поэтому нам нужно проанализировать, как ты смог допустить ее. Что скажешь?

— Я согласен.

— Что ж, какой же была твоя отправная точка в этом досадном недоразумении?

Он заговорил уверенно — было похоже, что ему нравится излагать свои методы:

— У меня имеется особый доступ ко всем судебным протоколам — как по уголовным, так и по семейным делам, даже при закрытых заседаниях. Имя Миранды не указывалось, но я сличил это дело с рядом второстепенных факторов, которые также находятся вне общего доступа.

— Умно.

— Спасибо.

— Расскажи мне об этом деле. Назови дату и место.

— Видишь ли, молодой человек точно знал, что в первый раз, когда он вступил с ней в интимные отношения…

Он осекся и уставился на меня, вылупив глаза с таким видом, будто только что заметил мое присутствие. Я решил, что расследование зашло в тупик. Адам как будто осознал важность такого качества, как скрытность.

— Ну же.

— М-м, она принесла с собой полбутылки водки.

— Назови мне дату, и место, и имя мужчины. Быстро!

— Октябрь, Солсбери. Но, постой…

И он вдруг захихикал дурацким натужным смехом. Мне было неловко смотреть на это, но я не мог отвести взгляд. Его лицо выражало сложную гамму эмоций: смущение, тревогу, мрачную веселость. Руководство пользователя утверждало, что Адам владел сорока выражениями лица. А Ева — пятьюдесятью. Большинство людей, насколько я мог судить, едва ли владели двадцатью пятью.

— Соберись, Адам. Мы договорились. Нам нужно разобрать твою ошибку.

Чтобы прийти в себя, ему понадобилось больше минуты. Я допивал чай и наблюдал за ним, понимая, что это сложный процесс. Я понимал, что его личность не заключена в раковину, ограничивающую способность к связному мышлению; что его уклончивость, если это можно было так назвать, не объяснялась разумными соображениями. Так же, как и у меня. Его рациональный импульс сотрудничать со мной мог лететь по его нейронным сетям хоть со скоростью света, но он не блокировался внезапно на логическом вентиле свежеобразованной индивидуальности. Напротив, эти элементы были сплетены изна-

чально, точно две змеи на кадуцее Меркурия. Адам видел мир и понимал его через призму собственной личности; а его личность была обусловлена объективирующим мир рассудком с его постоянными обновлениями. С самого начала разговора он одновременно стремился избежать повторения ошибки и скрыть известную ему информацию. Когда два эти побуждения стали несовместимы, он потерял самоконтроль и стал хихикать, как ребенок в церкви. Какие бы личностные предпочтения мы ему ни выставили, они находились не так глубоко, как хитросплетения его нейронной сети, отвечающей за принятие решений. При другом характере он мог бы просто уйти в себя или, напротив, выложить мне все начистоту. Имелись доводы за любой из двух вариантов.

Теперь мне было известно чуть больше, чем ничего, — достаточно, чтобы волноваться, но недостаточно, чтобы предпринять собственное расследование, даже если бы я имел доступ к закрытым судебным заседаниям: Миранда в качестве свидетельницы, жертвы или обвиняемой в деле, в котором фигурировал секс с молодым человеком, водка, зал суда, октябрь неизвестного года и Солсбери.

Адам сидел молча. Его лицо, сделанное из особого материала, неотличимого от кожи, расслабилось, приняв выражение нейтральной бдительности. Я мог подняться наверх, разбудить Миранду, задать вопрос в лоб и выяснить все одним махом. Или подождать и все обдумать, держа при себе то, что стало известно, наделяя себя мнимой властью. Имелись доводы за любой из двух вариантов.

Но я не стал метаться. Я пошел в свою спальню, разделся, побросав одежду на стол, и забрался под летнее пуховое одеяло. Уже рассвело. Мне бы хотелось, чтобы кто-то меня утешил, и еще услышать, как под птичье пение позвякивает бутылками молочник, переходя от двери к двери. Но с наших улиц уже исчез последний электрический молоковоз. Как жаль. Так или иначе, я ощутил приятную усталость. В том, чтобы спать одному, есть особое чувственное удовольствие, по крайней мере какое-то время, пока сон в одиночестве не начнет обретать тихую грусть.

3

В приемной районного терапевта, располагавшейся в бывшей викторианской гостиной, вдоль стен была расставлена дюжина стульев, перекочевавших, вероятно, из какой-нибудь зачуханной забегаловки. Посередине комнаты стоял низкий фанерный столик с кручеными металлическими ножками, на котором валялось несколько замызганных журналов. Я взял один и сразу положил назад. В углу были свалены поломанные цветастые игрушки: жираф без головы, машинка без колеса, погрызенные резиновые кирпичи — пожертвования филантропов. Среди девяти человек, сидевших в очереди, детей не было. Я старался избегать их взглядов, пустых разговоров и взаимного обмена своими немощами. Дышал я мелко, ведь окружающий воздух наверняка кишел микробами. Это место меня угнетало. Я не был болен, моя проблема была не системного, а периферийного уровня — ноготь на пальце ноги. Я был моложе всех в комнате и, несомненно, самым здоровым, богом среди смертных, и ждал не врача, а медсестру. Я был вне

зоны действия смерти. Распад и умирание были для других. Я ожидал, что меня вызовут одним из первых. Но ждать пришлось долго. Меня вызвали предпоследним.

На стене напротив меня висела пробковая доска с призывами к своевременным обследованиям, гарантировавшим раннее выявление заболеваний: профилактика — залог здоровья, промедление смерти подобно. Я успел прочитать все. На одной из иллюстраций изображался пожилой человек в кардигане и шлепанцах у окна. Он сладострастно чихал, не закрываясь рукой, в сторону смеющейся девочки. Пояснительная картинка изображала увеличенный чох старого дурня, стремящийся к девочке десятками тысяч капелек в обнимку с бактериями.

Я погрузился в размышления о долгой и причудливой истории, стоявшей за этой картинкой. Идея, что болезни распространяются посредством бактерий, получила широкое признание только в 1880-х годах благодаря работе Луи Пастера и его единомышленников, всего за сотню лет до появления рисунка. А до тех пор в науке господствовала теория миазмов, разделявшаяся всеми, кроме горстки оригиналов, согласно которой болезни возникали из плохого воздуха, плохих

запахов, вследствие разложения и даже из ночного воздуха, из-за чего было принято наглухо закрывать на ночь окна.

Однако прибор, который мог поведать медицине истину, был создан за двести лет до Пастера. Ученый-любитель семнадцатого века, лучше прочих знавший устройство этого прибора и умевший обращаться с ним, был известен в кругах научной элиты Лондона.

Антони ван Левенгук, преуспевающий горожанин Делфта, торговец тканями, водивший дружбу с Вермеером, начал отсылать свои наблюдения микроскопической жизнедеятельности в Королевское общество в 1673 году, став первооткрывателем нового мира и провозвестником революции в биологии. Он скрупулезно описывал клетки растений и мышечные волокна, одноклеточные организмы, собственные сперматозоиды и бактерии своей слюны. Его микроскопам, имевшим только одну линзу, требовался солнечный свет, и никто, кроме него, не мог как следует отшлифовать стекла. Левенгук работал с микроскопами мощностью 275× и выше. К концу жизни естествоиспытателя научный журнал Лондонского королевского общества успел опубликовать сто девяносто его наблюдений.

Предположим, в Королевском обществе имелось юное дарование, раскинувшееся в библиотечном кресле с экземпляром «Философских изысканий», которое вело рассуждения о том, что эти крохотные организмы могут приводить к порче мяса или размножаться в кровотоке и вызывать болезни. Такие дарования встречались в Обществе в прежние времена и будут встречаться в дальнейшем. Но этому конкретному юноше был бы необходим интерес к медицине в сочетании с научной любознательностью. Полноценное сотрудничество между медициной и наукой началось только в двадцатом веке. Даже в пятидесятые годы у здоровых детей регулярно вырезали гланды просто по старой привычке, без всяких оснований. Врачи, жившие в одно время с Левенгуком, вполне могли считать, что все, что можно знать в области медицины, уже известно. Авторитет Галена, светоча наук второго века, был практически непререкаем. Лишь долгое время спустя медицинские работники в массе своей станут смиренно склонять головы к микроскопу, чтобы узнать основы органической жизни.

Но наш герой, чье имя войдет в обиход англичанина, был не таким. Его гипотезы можно будет проверить. Он одалживает микроскоп — Роберт

Хук[22], почетный член Королевского общества, конечно же, пойдет ему навстречу — и берется за дело. Формируется микробная теория. Другие подключаются к исследованиям. Возможно, уже через двадцать лет хирурги начнут мыть руки между операциями. Давно забытые врачи, вроде Хью из Лукки или Джироламо Фракасторо[23], получают признание. К середине восемнадцатого века снижается младенческая смертность; на свет появляются гениальные личности, которые в ином случае умерли бы в детстве. Они могли бы изменить положение дел в политике, искусстве, науке. Но вырастают и гении зла, способные принести немало вреда. И вот, многие годы спустя, когда наш блестящий молодой член Королевского общества давно состарился и умер, история идет другим путем — возможно, не только в частностях, но и в целом.

Настоящее — это в высшей степени случайное сочетание вероятностей. Оно могло быть другим.

---

[22] Примечания: 22

Роберт Хук (1635–1703) — английский естествоиспытатель и изобретатель.

[23] Примечания: 23

Хью из Лукки — итальянский хирург, известный тем, что в начале XIII века использовал вино как антисептик; Джироламо Фракасторо (1478–1553) — венецианский врач, писатель и исследователь в области медицины, географии, математики и астрономии.

Любая его часть или все оно могло оказаться не таким, как сейчас. Это верно как в малых, так и в больших масштабах. Как просто представить себе мир, в котором мой несчастный палец не доставил бы мне хлопот; мир, в котором я богат, живу на северной стороне Темзы, после того, как одна из моих схем оказалась успешной; мир, в котором Шекспир умер ребенком, и никто не понимал, чего мы лишились, а Соединенные Штаты приняли решение сбросить на японский город атомную бомбу, которая идеально прошла все испытания; или мир, в котором Тактическую группу не направили к Фолклендским островам или же она вернулась с победой, и в Британии не объявили траур; мир, в котором Адам будет создан лишь в далеком будущем; или такой мир, в котором шестьдесят шесть миллионов лет назад Земля отклонилась на пару градусов от летящего метеорита, и мелкозернистый гипсовый песок Юкатана не поднялся в атмосферу, заслонив солнечный свет, так что динозавры продолжили жить, не оставив шанса млекопитающим, в том числе умным приматам.

Наконец, дошла очередь до моего лечения; оно началось самым приятным образом — мою ступню поместили в таз с теплой мыльной водой.

А тем временем медсестра, добрая дородная дочь Африки, раскладывала свои металлические инструменты на подносе, спиной ко мне. Залогом ее мастерства была невозмутимость. Она ничего не сказала об анестезии, а я был слишком горд, чтобы спросить, но когда она взяла мою ступню и, положив себе на колени, укрытые передником, принялась за мой вросший ноготь, в решающий момент я не удержался от позорного писка. Облегчение было немедленным. Я шел по улицам домой, словно на резиновых рессорах, возвращаясь к средоточию своих забот, главной из которых теперь снова стал Адам.

Его характер был готов, составлен из двух источников, неразличимо слитых воедино. Любознательный родитель мог бы задаться вопросом, какие черты характера достались ребенку от отца, а какие — от матери. Я внимательно наблюдал за Адамом. Мне было известно, на какие вопросы отвечала Миранда, но я не знал ее ответов. Я заметил, что в его лице исчезла какая-то неопределенность, что теперь он выглядел более собранным, и общение с нами стало более ровным и, разумеется, более выразительным. Но я силился понять, что это сообщало мне о Миранде или, если уж на то пошло, обо мне самом. В людях

черты родителей перемешиваются в неуловимо тонких пропорциях, но проявляются так грубо и обезоруживающе кособоко. Родители соединяются в своем ребенке точно две взболтанные жидкости, и в результате ребенок может получить лицо, почти не отличимое от материнского, и совсем не перенять комедийного дара отца. Думая об этом, я вспомнил трогательное отражение отцовских черт на лице Марка. Но в личности Адама мы с Мирандой оказались хорошенько перетасованы, и полученное им психическое наследство, как и у людей, в значительной степени перекрывалось его способностью к обучению. Пожалуй, в нем проявлялась моя склонность к бесцельному умствованию. А также некоторая скрытность и самообладание, свойственные Миранде, как и ее склонность к уединению. Нередко он погружался в себя, что-то бормоча или восклицая: «Ага!» После чего озвучивал то, что считал важным открытием. Вроде прерванного мной замечания о посмертной жизни.

Кроме того, мы с ним начали осваивать внешний мир, а именно мой крохотный садик на заднем дворе, огороженный поломанным штакетником. Адам помогал полоть сорняки. Это было в ранних сумерках, когда нагретый воздух

стоял, не шелохнувшись, разбавленный нереальным янтарным свечением. Со времени нашего ночного разговора прошла неделя. Я пошел с ним в сад потому, что хотел увидеть его сноровку. Мне хотелось посмотреть, как он справится с мотыгой и граблями. И вообще, я планировал вывести его в мир за пределами кухонного стола. Мои соседи с обеих сторон были дружелюбными людьми, и имелась вероятность, что Адам сможет отточить на них свои способности к культурному общению. Раз уж нам предстояла поездка в Солсбери и знакомство с Максфилдом Блэйком, я хотел подготовить Адама, взяв его с собой в поход по магазинам и, может быть, даже в паб. Я был уверен, что его вполне можно принять за человека, но не хватало легкости, так что нужно было прокачать его навыки машинного обучения.

Мне не терпелось увидеть, насколько хорошо он определяет растения. Разумеется, Адам знал их все. Златоцвет, дикая морковь, ромашка. За работой он бормотал названия, вероятно, практикуясь в произношении, а может, чтобы порадовать меня. Потом я увидел, как он надел перчатки и принялся за крапиву. Чистой воды симуляция. Закончив с крапивой, он распрямился и с явным интересом уставился на закатное небо, пересе-

ченное линиями электропередачи и телеантенн над хаотичной чередой викторианских крыш. Уперев руки в бедра, он отклонился назад, как будто натрудил поясницу. Он глубоко и словно с удовольствием вдохнул вечерний воздух. И вдруг произнес:

— С определенной точки зрения единственным средством избавления от страданий было бы полное уничтожение человечества.

Вот поэтому я и хотел подготовить его к общению с другими людьми. В глубинах его электронных схем наверняка имелся набор вспомогательных программ: коммуникабельность/беседа/интересные вступления.

Но я решил ему ответить:

— Кто-то сказал, что, если всех убить, никто не будет болеть раком. Утилитаризм может быть логическим абсурдом.

— Очевидно! — ответил он резко.

Я удивленно взглянул на него, а он отвернулся и продолжил пропалывать грядки.

Откровения Адама, даже вполне познавательные, были социально неприемлемы. В нашу первую экспедицию из дома мы прошли около двухсот метров до газетной лавки мистера Са-

ида[24]. По дороге нам встретилось несколько человек, и никто из них не взглянул на Адама с подозрением. Это радовало. На нем был желтый джемпер в обтяжку, который мне связала мама за год до смерти, белые джинсы и парусиновые мокасины, которые купила ему Миранда. Она обещала купить полный комплект одежды. Со своей развитой мускулатурой Адам вполне мог сойти за личного тренера из местного спортзала.

Я отметил также, как он уступил дорогу женщине с коляской перед тем местом, где тротуар сужался между деревом и стеной сада.

Когда мы подходили к магазинчику, он неожиданно сказал:

— Хорошо так пройтись.

Саймон Саид вырос в большой деревне в тридцати милях к северу от Калькутты. Его школьный учитель английского был англофилом и ревнителем строгой дисциплины, вбивавшим в своих учеников галантный и точный английский язык. Я никогда не спрашивал Саймона, каким образом и для чего он взял себе христианское имя. Возможно, чтобы лучше вписаться в новое

---

[24] Примечания: 24

В англоязычном мире имя и фамилия Саймон Саид («Simon Syed» (*англ.*)) не может не вызывать улыбку из-за своего созвучия фразе «Simon said» («Саймон сказал»), отсылающей к популярной детской игре.

общество, а может быть, по настоянию своего грозного учителя. Он прибыл в северный Клэпем из Калькутты лет в двадцать и сразу стал работать в магазинчике своего дяди. Тридцать лет спустя, когда дядя умер, магазинчик перешел к его племяннику, который с тех пор поддерживал свою тетку. Он также обеспечивал жену и троих почти взрослых детей, но говорил о них неохотно. Саймон Саид был мусульманином, скорее в культурном, нежели в религиозном плане. Если что-то в жизни его и печалило, он держал это при себе. Теперь, когда ему перевалило за шестьдесят, это был элегантный лысый господин, очень вежливый, с аккуратными усиками, заостренными на концах. Он выписывал один журнал по антропологии, которого не было в интернете, и всегда откладывал для меня экземпляр. Он не возражал, когда я заходил к нему сканировать передовицы газет и журналов во время Фолклендской кампании. А еще он поражался моему пристрастию к дешевым шоколадным батончикам — всем этим популярным маркам, наводнившим мир между двумя мировыми войнами. Но после дня, проведенного за компьютером, я просто жаждал сахара.

Как-то раз, почувствовав к нему необъяснимое

доверие, как это бывает с некоторыми людьми, я рассказал ему о своей новой подружке. Когда же мы с Мирандой заглянули к нему вместе, он смог увидеть ее своими глазами.

С тех пор, всякий раз, как я заходил, Саймон первым делом спрашивал меня: «Как идут дела?» Ему нравилось говорить, не имея на то никаких оснований, кроме своей доброты: «Это ясно. Ее судьба — это вы. Не увиливайте! Вечного счастья вам обоим». Я чувствовал, что он пережил немало разочарований. Он годился мне в отцы и хотел, чтобы мне в жизни повезло больше, чем ему.

Когда мы с Адамом вошли в его тесный магазинчик, наполненный запахами типографской краски, соленого арахиса и дешевой косметики, кроме нас, там никого не было. Саймон поднялся с деревянного стула за кассой. Поскольку я пришел не один, он не задал своего обычного вопроса.

Я познакомил их:

— Саймон, это мой друг, Адам.

Саймон кивнул.

— Привет, — сказал Адам и улыбнулся.

У меня отлегло от сердца. Хорошее начало. Если Саймон и отметил необычные глаза Адама, он не показал вида. Это была обычная реакция, как я вскоре обнаружу. Люди принимали это за врож-

денную аномалию и тактично игнорировали. Мы с Саймоном обсуждали крикет — матч Т-20 между Индией и Англией с тремя шестерками подряд и вторжением болельщиков на поле, — а Адам стоял перед полкой с консервами. Он должен был моментально узнать их, всю их коммерческую историю, позицию на рынке, пищевую ценность. Но я, болтая с Саймоном, чувствовал, что Адам не смотрит ни на консервы, ни на что другое. Его лицо застыло словно маска. Он стоял без движения уже пару минут. Я начал беспокоиться, как бы он чего не учудил. Саймон вежливо делал вид, что все в порядке. Может быть, Адам просто переключился в режим ожидания? Я отметил про себя: когда он ничем не занят, ему не хватает человеческой естественности. Глаза были открыты, но он не моргал. Пожалуй, я слишком поспешил вывести его в большой мир. Если бы Саймон узнал, что мой друг Адам — робот, он мог обидеться. Это можно было принять за грубую шутку, почти насмешку. Я рисковал лишиться расположения хорошего человека.

Тема крикета исчерпала себя. Саймон перевел взгляд на Адама и снова посмотрел на меня.

— Ваш «Антропос» пришел, — сказал он учтиво.

Адам стоял как раз перед журнальной стойкой. Много лет назад Саймон очистил верхнюю полку от эротики и заставил ее научно-популярными изданиями, литературными журналами, академическими вестниками международных отношений, истории, энтомологии. В округе проживало приличное количество заскорузлых интеллектуалов старшего поколения.

— Сами достанете? — спросил он, когда я отвернулся.

Он словно поддразнивал меня, желая разрядить обстановку. Саймон был выше меня и обычно сам снимал журналы с верхней полки.

Неожиданно Адам вернулся к жизни. Издав едва слышимое жужжание (я надеялся, что различил этот звук только я), он обратился к Саймону по правилам хорошего тона:

— Вы сказали «сами». Вот же совпадение. Я как раз предавался размышлениям о тайне самости. Некоторые считают, что это органический элемент или неотъемлемый процесс нейроструктур. Другие же утверждают, что это иллюзия, побочный продукт наших нарративных тенденций.

Повисла тишина. Но Саймон вскоре очнулся и сказал:

— Ну так, сэр, что же это? Что вы решили?

— Это то, как я устроен. Я вынужден заключить, что обладаю очень мощным чувством самости, и я уверен, что оно реально и что однажды нейробиология опишет это явление в полной мере. Но даже когда это произойдет, у меня не появится лучшего понимания своей самости, чем есть сейчас. Хотя у меня бывают моменты сомнений, когда мне кажется, что я испытываю разновидность картезианского заблуждения.

К этому моменту журнал был у меня в руках, и я был готов удалиться.

— Возьмите буддистов, — сказал Саймон. — Они предпочитают обходиться без всякой самости.

— В самом деле. Я бы хотел познакомиться с буддистом. Вы их знаете?

— Нет, сэр, — сказал Саймон с чувством. — Абсолютно нет.

Я поднял руку в жесте прощания и благодарности и, взяв Адама за локоть, направил его к выходу.

* * *

Пусть мои душевные терзания напоминали бульварный роман, но от этого они не становились менее болезненными: чем более сильные чувства во мне пробуждала Миранда, тем отстра-

неннее и недоступнее она становилась. Мне ли было жаловаться, если она отдалась мне в тот первый вечер после ужина? Нам было весело, мы хорошо ладили, мы вместе ели и вместе спали почти каждую ночь. Но я жаждал большего, хотя старался этого не показывать. Я хотел, чтобы она раскрылась мне, чтобы она хотела меня, нуждалась во мне, испытывала жажду близости со мной, чтобы я вызывал в ней восторг. Но вместо этого я чувствовал то же, что и в самом начале, — она в любой момент могла отдаться мне или оставить меня. Все хорошее, что было между нами — секс, еда, кино, театр, — происходило с моей подачи. Когда же меня не было рядом, она тихо уплывала обратно в свою комнату, возвращаясь к обычному состоянию — устраивалась в кресле босиком, с книгой о Хлебных законах, миской овсянки и чашкой слабого травяного чая. Иногда она могла так сидеть и без всякой книги. Если я просовывал голову к ней в дверь — у нас теперь были ключи от комнат друг друга — и говорил: «Как насчет часа буйного секса?», она говорила: «О'кей». После чего мы шли в спальню — ее или мою — и предавались восхитительным взаимным наслаждениям. А затем она принимала душ и возвращалась в свое кресло. Если я не

предлагал чего-нибудь еще. Бокал вина, ризотто, подающего надежды музыканта в модном пабе. И тогда она снова говорила: «О'кей».

Все мои предложения — дома или на улице — она принимала с одинаковой тихой готовностью. Она с радостью брала меня за руку. Но в ней было что-то (много чего), чего я не понимал, а она не хотела мне это объяснить. Всякий раз, как у нее был семинар или она работала в библиотеке, она возвращалась из колледжа поздним вечером. Кроме того, раз в неделю она приходила позже обычного. Я не сразу заметил, но это всегда была пятница. Наконец она сказала мне, что посещала пятничные молитвы в Центральной мечети в Риджентс-парке. Это меня удивило. Но она сказала, что вовсе не перестала быть атеисткой и не обратилась в ислам. Просто она обдумывала одну статью по социальной истории. Выглядело не очень убедительно, но я сделал вид, что поверил.

Больше всего нам не хватало интимности в общении. Наибольшей близости нам удавалось достичь во время споров о Тактической группе. Когда же мы оказывались в баре, разговор переходил на общие темы. Она могла спокойно сидеть молча или непринужденно болтать о политике, но ни о чем, касавшемся нас лично, не считая рас-

сказов о здоровье ее отца или о его литературной карьере. Если же я пытался перевести разговор на наше прошлое, к примеру, вспоминал какой-нибудь случай из своей жизни или интересовался каким-то моментом ее биографии, она сразу отделывалась общими фразами, сухой историей из самого раннего детства или байкой о каком-нибудь знакомом. Я рассказал ей о моей идиотской проделке с налоговой махинацией, как попал под суд, и о безрадостных часах общественных работ. Я бы рассказал ей об этом в любом случае, но я воспользовался этой историей, чтобы спросить ее, не привлекалась ли она когда-либо к суду. Она резко ответила: «Никогда!» И сразу сменила тему. У меня бывали бурные романы, и я любил (или почти любил) два или три раза — смотря что вкладывать в это понятие. Я считал себя экспертом в любовных делах и понимал, что давить на Миранду не следует. К тому же я все еще надеялся, что смогу выудить из Адама больше информации о случае в Солсбери. И пусть я знал, что у Миранды есть тайна, она, по крайней мере, не знала, что я об этом знаю. Тактичность была превыше всего. Я все еще не сказал, что люблю ее, не поделился фантазиями о нашем общем будущем и никак не выражал своего недоволь-

ства. Я не возражал, чтобы она проводила время со своими книжками или мыслями, когда ей этого хотелось. И даже — хотя меня лично это не занимало — познакомился с Хлебными законами поближе и развил перед Мирандой несколько идей о беспошлинной торговле. Она не отмела их, но восприняла без особого восторга.

И вот, мы обедали у нее на кухне, которая была еще меньше моей. Столик — пластиковая штамповка для двух человек — вероятно, был стырен из летнего кафе прежним жильцом. У раковины стоял Адам, погрузив руки в пенную воду, и мыл тарелки и столовые приборы после нашей еды: сосиски в кляре, тушеная фасоль, яичница. Пища студента. На подоконнике, за желтыми занавесками в полоску, неподвижно висевшими в жарком летнем воздухе, стояло радио и играло песню «Битлз», недавно воссоединившихся после двенадцати лет сольных проектов. Критики высмеивали их альбом «Любовь и лимоны» за претенциозность, за то, что они поддались искушению и замахнулись на симфонический оркестр из восьмидесяти музыкантов. Общим мнением было, что после того, как они полжизни не выпускали из рук гитары, им оказалось не под силу вытянуть такое звучание. И вообще,

мы не желали больше слышать, жаловался один критик в Times, что все, что нам нужно, — это любовь, тем более что это неправда.

Но мне нравилась мускулистая сентиментальность этой музыки, без малейшей иронии исполняемой немолодыми битлами, такими уверенными в себе и мелодичными, раскрепощенными своим похвальным незнанием двух с половиной веков симфонических экспериментов. Скрипучий голос Леннона доносился до нас далекими отголосками эха, словно из-за горизонта или с того света. Я был не против, чтобы мне еще раз напомнили о любви. Прямо передо мной, на расстоянии метра, находилось воплощение всех ее желанных перспектив — и это было все, в чем я нуждался. Передо мной было ее продолговатое, изящное лицо (эти угловатые скулы могли однажды прорвать кожу), довольный взгляд, все еще теплый, прищуренный, сосредоточенный на мне, и ее приоткрытые губы — она собиралась возразить. Крылья ее идеально вытянутого носа едва уловимо подрагивали у основания, заранее выдавая несогласие. Ее бледность оттеняли темные волны волос, в тот вечер по-детски расчесанных на пробор точно посередине. Вопреки господствовавшей моде, она избегала солнца. Ее

голые руки были тонкими и безупречно белыми — ни единой веснушки.

С моей точки зрения, мы все еще, образно выражаясь, валяли дурака у подножия холма, среди перспектив, воплощение которых высилось в отдалении, словно Альпы. Я пытался не обращать на них внимания, решая текущие задачи. Но с точки зрения Миранды, сидевшей по другую сторону хлипкого столика, мы вполне могли достичь пика наших отношений. Она могла считать, что была со мной настолько близка, насколько она вообще хотела или могла быть близка с другим человеком. В любовных историях в духе Джейн Остин все целомудренно завершалось приготовлениями к свадьбе. Но в наше время любовная кульминация лежала по ту сторону соития, где поджидали все мыслимые сложности.

В описываемый момент моя задача заключалась в том, чтобы отстоять свою точку зрения в политическом вопросе, избегая ненужного напряжения, за которым последует отчуждение, и при этом остаться честным с собой и дать Миранде такую же возможность. Это было вполне реально, пока я опустошил меньше половины бутылки медока, безразлично стоявшей между нами. Мы уже затрагивали эту тему, так что

неплохо подготовились, но само ее повторение подчеркивало наши разногласия. На самом деле нам не особенно хотелось говорить об этом. Но не говорить не получалось, пусть мы и понимали, что это ни к чему не приведет. И подобное происходило по всей стране. Все британцы, как могли, залечивали эту рану. Как же мы с Мирандой могли рассчитывать прожить вместе жизнь, если мы не могли достичь согласия по такой фундаментальной теме, как война?

У нее имелись твердые взгляды относительно островов, известных в прошлом как Фолклендские. Она настаивала, что водружение аргентинского флага на далекой Южной Георгии[25] явилось однозначным нарушением международного права. Я же считал, что это унылое место не стоило того, чтобы из-за него отправлять людей на смерть. Миранда говорила, что взятие Порта-Стэнли стало актом отчаяния со стороны всех доставшего режима, чтобы разжечь в аргентинцах патриотический пыл. Я отвечал, что тем меньше было смысла нам туда соваться. Она говорила, что Тактическая группа была храбра и безупречна, даже в своем поражении. Я же

[25] Примечания: 25

Южная Георгия — крупный субантарктический остров в южной Атлантике, принадлежит Великобритании, но оспаривается Аргентиной.

возражал, с неловкостью вспоминая собственные чувства при виде отплытия кораблей, что это было нелепым утверждением утраченных имперских амбиций. Но разве я не видел, говорила она, что это была антифашистская война? Нет (я перебил ее), это была война за земельную собственность, разжигаемая с каждой стороны дурацким национализмом. Я сослался на Борхеса, вспомнив рассказ о двух лысых, дравшихся из-за расчески. Она же возразила, что даже лысый может передать расческу своим детям. Я пытался осмыслить сказанное, и тут она добавила, что аргентинские генералы тысячами пытали, похищали и убивали своих граждан и разрушали экономику страны. Если бы мы отвоевали эти острова, сказала она, мы нанесли бы такой моральный удар по военному режиму, что в Аргентину вернулась бы демократия. На это я сказал, что это только ее домыслы. Мы потеряли тысячи молодых жизней ради удовлетворения амбиций миссис Тэтчер. И сам не заметил, как повысил голос. Я взял себя в руки и спокойно договорил, но это далось мне не без труда: то, что она осталась на своем посту после такой бойни, было величайшим политическим скандалом нашего времени. Я высказал это с твердостью,

которая вполне заслуживала момента тишины, но Миранда тут же возразила мне, что миссис Тэтчер, пусть она и проиграла, боролась за правое дело и получила почти единогласную поддержку парламента и всех граждан, так что она имела право оставаться премьер-министром.

Во время нашего разговора Адам успел перемыть всю посуду и стоял, сложив руки на груди; он внимательно глядел на нас, поворачивая голову то в мою сторону, то в сторону Миранды, словно зритель на теннисном матче. Наш обмен мнениями был не слишком утомительным, но самоповторы придавали ему оттенок театральности. Словно противоборствующие армии, мы заняли позиции и были намерены отстоять их. Миранда говорила мне, что Тактическая группа отправилась на свою миссию без ракетной поддержки «корабль — воздух». Вооруженные силы подвело командование. Мне доводилось слышать подобные аргументы — «корабль — воздух», головки самонаведения, титановые наконечники — в баре студенческого союза, но только от взрослых мужчин, сторонников левых взглядов, чьи доводы отягощались тайным восхищением оружейными системами, которые они проклинали. Но Миранда в своей мягкой и складной манере

смешивала эти понятия с лексиконом правящей верхушки: открытое общество, верховенство права, реставрация демократии. Вероятно, ее устами говорил отец.

Пока она говорила, я взглянул на Адама, желая понять его реакцию. И увидел восторженное внимание. И даже больше. Восхищение. Он ловил ее слова с обожанием. Я перевел взгляд на Миранду: та напомнила мне, что жители Фолклендских островов являлись британскими подданными, моими согражданами, которые теперь были вынуждены жить под властью фашизма. Это меня радует? Мне не понравился такой пафосный тон. К тому же это было оскорбительно. Разговор начинал разобщать нас, как я и опасался, но я ничего не мог с этим поделать. В крохотной кухне было жарко, и я в раздражении налил себе вина. Я начал развивать идею, что конфликт можно было урегулировать путем переговоров. Медленный и безболезненный тридцатилетний переход, мандат ООН, гарантированные права. Миранда перебила меня, сказав, что мы никогда не смогли бы договориться с генералами-убийцами. При этих ее словах я увидел злостных генералов в карикатурном виде — в фуражках с галунами и в кавалерийских сапогах, с лентами за военные

заслуги, и самого Галтьери[26] на белом коне в облаке конфетти на Авенида-де-Майо.

Я сообщил, что согласен со всеми ее доводами. Войска отправились исполнять свою миссию за тринадцать тысяч километров, рискованная стратегия прошла проверку и провалилась. Тысячи человек, которых она, Миранда, не знала и знать не хотела, утонули, или сгорели заживо, или будут вынуждены жить искалеченными, изувеченными физически и психически. И в итоге мы пришли к худшему варианту: хунта получила и остров, и его жителей. Тогда как политику постепенного урегулирования путем переговоров не опробовали; но даже если бы она и провалилась, у нас было бы то же, что и сейчас, — без человеческих мучений и смертей. Но мы не могли этого знать. Все, что могло бы случиться, уже не случится. Так что о чем вообще спорить?

Я заметил, что бокал, который я наполнил, но забыл выпить, был пуст. И я солгал. Тут было много такого, о чем стоило спорить. Но я почув-

---

[26] Примечания: 26

Леопольдо Фортунато Галтьери Кастельи (1926–2003) — аргентинский военный и государственный деятель, генерал, диктатор Аргентины с 22 декабря 1981 по 18 июня 1982 года, незаконно занимавший должность президента Аргентины.

ствовал, что вплотную подошел к опасной черте. Я обвинил Миранду в том, что ей не было дела до всех этих смертей, и она на меня рассердилась.

Ее глаза были прищурены и холодны, но она не стала отвечать на мой беспардонный выпад. Вместо этого она повернулась к Адаму и спросила:

— А ты что думаешь?

Он перевел пристальный взгляд с нее на меня и снова на нее. Я все еще не знал, видел ли он что-нибудь на самом деле. Был ли это образ на каком-то внутреннем экране, на который никто не смотрел, или диффузионная схема, обеспечивавшая трехмерную ориентацию его тела в пространстве? Его глаза вполне могли служить хитрой имитацией, средством социализации, призванным пробуждать в нас человеческое отношение. Но я реагировал непроизвольно: когда наши глаза на миг встретились и я взглянул на его голубую радужку в черных крапинках, я испытал сильное волнение, словно в преддверии чего-то. Мне было интересно, понимал ли он, как понимал это я, и уж тем более Миранда, что все упиралось в вопрос лояльности.

Адам заговорил легко и спокойно:

— Военное вторжение — успех или неудача. Мирное урегулирование — успех или неудача.

Четыре результата или следствия. Не имея ретроспективного знания, мы должны сами решать, что выбирать, а чего избегать. Мы попадаем в область действия байесовской обратной вероятности. Мы ищем вероятную причину следствия, но не наиболее вероятное следствие причины. Разумно попытаться найти формальное представление наших предположений. Нашей точкой отсчета, нашим базисом мог бы стать наблюдатель Фолклендской ситуации до принятия каких-либо решений. Четыре результата наделяются определенными вероятностными значениями *априори*. При появлении новой информации мы можем измерять относительные изменения вероятности. Но мы не можем иметь абсолютного значения. Это дает нам возможность определять важность новых факторов логарифмически, то есть, взяв основание для десятичной…

— Адам, — сказала Миранда. — Хватит! Правда. Что за чушь!

Теперь уже она потянулась к бутылке медока. Я был рад, что перестал быть объектом ее раздражения.

— Но мы с Мирандой наделяем эти результаты совершенно различными априорными значениями.

Адам повернул голову в мою сторону. Как всегда, невероятно медленно.

— Разумеется. Как я и сказал, при описании будущего не может быть абсолютных значений. Только изменяющиеся степени вероятностей.

— Но они совершенно субъективны.

— Верно. В конечном счете, Байес имеет дело с менталитетом. Как и все, обладающие здравым смыслом.

Значит, при всем блеске рационального мышления никакого решения не имелось. Просто у нас с Мирандой был разный менталитет. Вот уж не новость. Но мы с ней со всеми нашими разногласиями были вместе против Адама. По крайней мере, я на это надеялся. Он все же сумел понять суть вопроса: он думал, что я был прав насчет Фолклендской ситуации и, принимая в расчет заложенную в него интеллектуальную честность, лучшее, что он мог предложить Миранде, к которой также был лоялен, это впечатление нейтральности. Но если это было верно, можно было предположить и прямо противоположное: он полагал, что права была Миранда, а ко мне проявлял лояльность.

Неожиданно заскрипел стул Миранды, она встала из-за стола. Ее лицо и шея слегка покрасне-

ли, и она не смотрела на меня. Сегодня мы будем спать каждый у себя. Я был бы рад не излагать своих аргументов, лишь бы остаться с ней. Но я был тупицей.

— Ты можешь остаться на зарядку у меня, — сказала она Адаму, — если хочешь.

Адаму требовалось заряжаться от электросети по шесть часов в сутки. Он переходил в спящий режим и тихо сидел, «медитируя», до рассвета. Обычно он заряжался у меня на кухне, но не так давно Миранда тоже купила зарядный шнур.

Он тихо сказал «спасибо», медленно сложил полотенце, наклонился над сушилкой и аккуратно расстелил его. Миранда подошла к двери спальни, досадливо улыбнулась мне, не размыкая губ, потом послала воздушный поцелуй и шепотом сказала:

— На эту ночь.

В общем, все было в порядке.

— Конечно, я понимаю, — сказал я, — что тебя волнует чужая смерть.

Она кивнула и скрылась за дверью. Адам сидел на стуле и выправлял рубашку из-под брюк, открывая доступ к зарядному гнезду у себя в пупке. Я положил руку ему на плечо и поблагодарил за уборку.

Для меня было слишком рано, чтобы ложиться спать, к тому же стояла жара, как в Марракеше. Я спустился к себе на кухню и стал искать в холодильнике, чем бы спастись от зноя.

* * *

Я сидел на кухне в старом кожаном кресле и держал в руке коньячную рюмку с белым молдавским вином. Как же было хорошо предаваться размышлениям в одиночестве, не встречая возражений. Едва ли я был первым, кто отметил это, однако, если взглянуть на человеческую историю, становилось ясно, что наше чувство собственной значимости неуклонно понижалось и могло исчезнуть окончательно. Когда-то мы восседали на троне в самом центре Вселенной, а солнце и планеты — весь видимый мир — вращались вокруг нас в вековечном и смиренном хороводе. Затем, когда духовенство уступило свои позиции бессердечным астрономам, мы оказались на планете, вращающейся вокруг Солнца, среди прочих планет. Но мы все еще занимали завидное, исключительное положение, назначенные самим творцом повелевать всей жизнью на Земле. Затем биология заявила, что мы находимся в одном ряду с остальными формами жизни и имеем об-

щих предков с бактериями, растениями, рыбами и животными. А в начале двадцатого века наука нанесла еще больший удар по нашему самомнению, открыв бесконечность Вселенной, и даже Солнце оказалось одной из миллиардов звезд в нашей галактике, среди миллиардов других галактик. Наконец, у нас остался последний оплот, наше сознание, и мы были вправе считать, что обладаем им в большей мере, чем остальные обитатели планеты. Но разум, некогда восставший против богов, был теперь готов сам себя сбросить с пьедестала собственными титаническими усилиями. Мы создали свое подобие, машину, в некоторой степени превосходящую нас, чтобы затем с помощью этой машины создать следующую, которая превзойдет нас неизмеримо. И тогда на что мы им будем нужны?

Такие горячечные мысли заслуживали второй рюмки — и побольше первой. Картинно обхватив голову рукой, я приближался к тусклой границе, за которой жалость к себе дозревает до удовольствия. Я переживал небывалую форму изгнания, хотя и не связывал ее с Адамом. Он не был умнее меня. Пока еще не был. Нет, мое изгнание было на одну ночь, и оно придавало моей безнадежной любви ощущение сладкого томления. Рубашка

на мне была расстегнута, все окна распахнуты настежь, и я отдавал дань городской романтике, глубокомысленно пьянея в знойном запустении северного Клэпема под звуки отдаленного городского шума. Дисбаланс в наших отношениях с Мирандой сообщал мне что-то героическое. Я представил одобрительный взгляд стороннего наблюдателя из угла комнаты. Отчетливо различимая фигура тяжело опустилась на потертый стул. Я весьма любил себя. Кто-то же должен был. Я развлекал себя ее образами на подступах к оргазму и обезличенно оценивал качество ее наслаждения. Для нее я был всего лишь *достаточно хорош*, как могли бы быть многие другие. Я не хотел признавать очевидного — что ее отстраненность словно плетью взнуздывала мое вожделение. Но был еще один странный момент. За три дня до того я услышал от нее загадочный вопрос. Мы валялись в постели, обнимаясь. Она притянула мое лицо к своему. И, серьезно глядя мне в глаза, прошептала:

— Скажи мне кое-что. Ты настоящий?

Я ничего не ответил.

Она отвернула лицо и закрыла глаза, так что я увидел ее в профиль, и отдалась новой волне наслаждения.

Позже той же ночью я спросил ее об этом.

— Нет, ерунда.

Она сказала только это и сменила тему. Был ли я настоящим? То есть действительно ли я любил ее или был ли честен с ней или соответствовал ее ожиданиям именно так, как она мечтала?

Я прошел через кухню и долил себе остаток вина из бутылки. Сломанную ручку холодильника нужно было резко дергать в сторону, чтобы дверь закрылась. Когда я взялся за холодное горлышко бутылки, я услышал с верхнего этажа скрип. Я прожил в этой квартире достаточно долго, чтобы научиться различать шаги Миранды и их направление. Она прошла через спальню и остановилась на пороге кухни. Я услышал ее приглушенный голос. Ответа не последовало. Она сделала еще два шага вперед. Дальше были половицы, издававшие при нажатии жалостливый писк. Я вслушивался, ожидая услышать этот звук. Но услышал голос Адама. Он отодвинул стул и встал. Если он решит шагнуть, ему придется вынуть зарядный шнур. Видимо, он это сделал, поскольку я услышал его поступь по писклявым половицам. Это означало, что теперь между ними оставалось не больше метра, но примерно минуту я ничего не слышал, а затем зазвучали

шаги двух пар ног в направлении спальни.

Я не стал закрывать холодильник, поскольку шум выдал бы меня. Мне оставалось только подслушивать из своей спальни. Так что я подошел к письменному столу и стал вслушиваться. Я прикинул, что стою прямо под кроватью Миранды, и услышал ее приглушенный голос — должно быть, она велела Адаму открыть окно, поскольку он прошел в сторону эркера. Из трех окон открывалось только одно. И то в теплые и дождливые дни — с трудом. Старые деревянные рамы усыхали или разбухали, к тому же противовес и задубелая веревка тоже были не в порядке. В наш век, когда ученые создали адекватную модель человеческого разума, у нас в районе не было никого, кто мог бы починить подъемное окно, хотя некоторые пытались.

А что можно было сказать о моем разуме, когда я стоял точно под тем местом, в таком же эркере, какие на закате викторианской эры ставили тысячами, по программе типовой застройки. Они тянулись вдоль участков в пять акров, расчерченных живыми изгородями и дубовыми аллеями, украшавшими южные окраины Лондона. Ничего хорошего — это насчет моего разума. Он говорил через тело. Дрожь, пот, особенно на ладонях,

учащенный пульс, состояние возбужденного ожидания. Страх, сомнение в себе, гнев. В моем эркере старый паркет, истертый и с середины пятидесятых потемневший, уходил под самый плинтус. А у Миранды паркет упирался в голые доски, положенные еще до Первой мировой войны и отполированные до каштанового цвета. Какая-нибудь бедная девушка в белом переднике и чепце, натиравшая их воском, стоя на четвереньках, не могла и мечтать, чтобы на том самом месте, где она ползала на карачках, когда-нибудь появилось такое существо, как Адам. Я услышал, как его ступни встали на старое дерево, представил себе, как он наклоняется и обхватывает старые металлические ручки на нижней раме и тянет ее вверх с силой четырех молодых человек. Пару секунд, пока он боролся с неподатливой рамой, стояла тишина, а затем раздался звук удара о верхний край, так что зазвенели стекла. Я не сдержал радостный смешок, который мог меня выдать.

Теперь у них не было недостатка в свежем воздухе, заполнившем комнату. Моя веселость скисла, когда я услышал, как Адам подошел к кровати Миранды, где она ждала его. Он что-то сказал — возможно, просто извинился. Она отве-

тила что-то благосклонное, и они рассмеялись на два тона: меццо и тенор. Я снова переместился и встал точно под ними — шестью футами ниже[27]. Адам обладал прекрасным навыком снимать одежду, и сейчас он снимал одежду с Миранды. Что еще могла означать эта тишина? Я знал — еще бы не знать, — что ее матрас не издавал никаких звуков. Футоны, с их японским обещанием чистой и простой, кристально ясной жизни, тогда были в моде. И я, стоя в темной комнате и вслушиваясь в тишину, чувствовал кристальную ясность происходящего. Я мог бы вбежать и помешать им, ворваться в ее спальню, как муж-рогоносец со старинной открытки. Но в моей ситуации имелась волнующая особенность: не банальная засада с разоблачением, но беспрецедентная оригинальность — я был первым человеком, которому наставил рога механический истукан. Я шел в ногу со временем — я раньше всех оседлал волну новой драмы замещения, которую предвосхищали футурологи, рисуя ее в самых мрачных тонах. Другим фактором моего бездействия было то, что я с самого начала понимал, что навлек все на себя сам. Но это я решил оставить на потом. А сейчас,

[27] Примечания: 27

Шестью футами ниже — six feet under — устойчивое выражение, означающее могилу (*англ.*).

невзирая на ужас измены, я был слишком поглощен происходящим и не мог отделаться от роли слепого вуайериста, греющего уши под кроватью любовницы, пылая унижением и страстью.

Мысленным взором, или взором сердца, я видел, как Адам и Миранда ложатся на неубиваемый футон и сплетаются членами, ища удобную позу. Я видел, как она что-то шепчет ему в ухо, хотя не слышал слов. Мне она ничего не шептала в ухо в такие моменты. Я видел, как он целует ее — дольше и глубже, чем я когда-либо целовал. Его руки, одолевшие оконную раму, теперь крепко обхватывают ее. Пару минут спустя я почти отвел глаза, когда он с почтением опустился перед ней на колени и стал ласкать ее языком. Своим выдающимся языком, влажным и теплым, способным издавать увулярные и лабиальные звуки, тем самым достигая естественности речи. Я смотрел, не удивляясь ничему. Он не сумел удовлетворить мою возлюбленную полностью, как это умел я, но поднялся над ее выгнутым стройным телом, жаждавшим его, и устроился на ней медленным, плавным движением довершив мое унижение. Я видел все, не видя ничего — и понял: мужчины будут списаны в утиль. Я хотел убедить себя, что Адам ничего не чувствовал и мог только

имитировать механику совокупления. Что ему не дано было познать того, что познали мы. Но сам Алан Тьюринг еще в молодости не раз говорил и писал, что в момент, когда мы не сможем провести различие между поведением машины и человека, мы будем вынуждены присвоить машине человеческий статус. Поэтому, когда ночная тишина огласилась протяжным криком наслаждения Миранды, перешедшим в стон и сдавленные рыдания — все это я услышал в действительности, через двадцать минут после того, как стукнуло окно, — я по праву признал Адама своим сородичем, со всеми соответствующими правами и обязанностями. И я его возненавидел.

* * *

Следующим утром, впервые за много лет, я насыпал себе в кофе полную ложку сахара. Я смотрел, как пузырчатый диск каштанового цвета медленно вращается в чашке по часовой стрелке, постепенно замедляясь и растворяясь. Напрашивалась метафора моего существования, но я старался не поддаваться искушению. Я пытался собраться с мыслями; было уже полвосьмого. Скоро Адам или Миранда, а может, они оба появятся у меня в дверях. Я хотел, чтобы мои мысли и

реакции были в норме. Но после бессонной ночи я находился в депрессии и злился на себя, хотя намеревался не показывать этого. Миранда дала мне отлуп, так что, по современным понятиям, ночь с кем-то другим — тем более с чем-то другим — не должна считаться изменой. А вот что до этической стороны поведения Адама, то мне на ум пришла любопытная историческая аналогия.

За двенадцать лет до того, во время шахтерской забастовки, появились первые автомобили с автономным управлением, которые испытывали на полигонах, в основном на бывших аэродромах, где кинодекораторы выстраивали улицы, дорожные развязки и различные препятствия. Называть эти автомобили «автономными» было неверно, поскольку они полностью зависели от мощных компьютерных сетей, связанных со спутниками и бортовыми радарами. Если этими автомобилями должен был управлять искусственный интеллект, то какими приоритетами или моральными ценностями этому интеллекту следовало руководствоваться? К счастью, нравственная философия уже успела подробно разработать ряд моральных дилемм, известных в академических кругах как «проблема вагонетки». Эта проблема легко переносилась на автомобили

и вставала перед автомобильными производителями и инженерами программного обеспечения в следующем виде: вы, точнее, ваш автомобиль, едете на максимально допустимой скорости по окраинной двухполосной дороге; транспортный поток движется своим чередом; на тротуаре с вашей стороны стоит группа детей; вдруг один из них, лет восьми, выбегает на дорогу прямо перед вами; для принятия решения остается доля секунды: сбить ребенка, съехать на тротуар с другими детьми или свернуть на встречную полосу и врезаться в грузовик, несущийся на предельной скорости. Вы одни, так что выбирайте: жертвовать собой или спасаться. А что, если в машине с вами — ваши жена и дети? Слишком просто? А если в машине — ваша единственная дочь или ваши бабушка с дедушкой или ваша взрослая беременная дочь со своим мужем, и им обоим меньше тридцати? А теперь еще примите во внимание людей в грузовике. Доля секунды — для компьютера, чтобы рассмотреть все варианты, этого более чем достаточно. Решение будет определяться приоритетами, установленными в программном обеспечении.

Пока шахтерами занималась конная полиция, а промышленные города по всей стране

медленно и мучительно переходили к рыночной экономике, рождался такой предмет, как робоэтика. Международные автомобильные компании консультировались с философами, судьями, специалистами по медицинской этике и по теории игр, а также с парламентскими комитетами. И этот предмет развивался сам собой постепенно, в университетах и научных центрах. Профессора со своими диссертантами задолго до появления аппаратных средств наколдовали программное обеспечение, сочетавшее в себе идеалы гуманизма: толерантность, открытость, рассудительность и отсутствие моральных изъянов вроде жульничества, злобы или предрассудков. Теоретики предсказывали появление утонченного искусственного интеллекта, который будет управляться тщательно выверенными этическими принципами и обкатываться на тысячах и миллионах моральных дилемм. Такой интеллект сможет научить нас, как нам быть и как быть хорошими. Человек полон этических изъянов: непоследовательность, эмоциональная неустойчивость, склонность к предвзятости и ошибкам в суждениях, вытекающим, по большей части, из корыстных побуждений. Задолго до того, как появилась первая приемлемая по габаритам

батарея для искусственного человека или материал для кожи его лица, способный передавать человеческие эмоции, уже имелось программное обеспечение, обещавшее этому созданию здравомыслие и мудрость. И прежде чем мы сконструировали робота, способного наклоняться и завязывать шнурки на стариковских ботинках, в нас уже теплилась надежда, что наше творение принесет нам искупление.

Судьба самоуправляемого автомобиля оказалась короткой, по крайней мере в первоначальном варианте, и его моральная состоятельность так и не смогла пройти проверку временем. Но ничто не доказало техногенную уязвимость нашей цивилизации сильнее, чем гигантские транспортные заторы конца семидесятых. В те годы автономный автотранспорт составлял семнадцать процентов от общего объема. Кто может забыть душегубку бескрайней пробки на улицах Манхэттена, получившей известность как «Манхэттенская пробка»? Из-за аномальной солнечной активности множество бортовых радаров одновременно вышли из строя. Улицы и авеню, мосты и тоннели оказались наглухо забиты автомобилями, и понадобилось несколько дней, чтобы разрулить этот бардак. А девять месяцев спустя

подобное повторилось в Рурштадте, в Северной Европе, спровоцировав короткий экономический спад, породивший теории заговора. Подростки-хакеры, жаждущие беспредела? Или далекая враждебная, разрозненная нация с продвинутыми хакерскими приемами? А может — мое любимое, — производственно отсталый автопроизводитель, ярый ненавистник обжигающей новизны? Однако кроме нашего перетрудившегося солнца других виновников не нашли.

Мировые религии и великие литературные произведения ясно давали понять, что мы знаем, как быть хорошими. Мы выражали наши благородные стремления в поэзии, прозе и песнях, и мы знали, что делать. Проблема заключалась в том, чтобы претворить эти знания в жизнь — последовательно и в массовом порядке. Из временной смерти автономного автомобиля родилась мечта об искупительной добродетели роботов. Ее первичным воплощением стал Адам и ему подобные, как это подразумевало руководство пользователя. Предполагалось, что искусственный человек должен быть образцом добродетелей. Я никогда не встречу никого лучше его. Однако, если бы с Мирандой переспал мой друг, это было бы жестоко и безнравственно по отношению ко мне.

Проблема была в том, что я купил Адама — он был моей дорогостоящей собственностью, и его обязательства передо мной, помимо общей полезности, были мне неясны. Чем раб обязан своему хозяину? Кроме того, Миранда не была «моей». Это было ясно. Я так и слышал, как она замечает, что у меня нет здравых оснований чувствовать себя преданным.

Но имелся еще один вопрос, который мы с ней пока не обсуждали. Программисты из автомобильной промышленности могли внести свой вклад в моральные ориентиры Адама. Но его личность сформировали мы с Мирандой. Я не знал, в какой мере его личность затрагивала или превосходила его этику. Насколько она обладала собственной волей? Идеально сформированная моральная система должна быть свободна от любых предрасположенностей. Но достижимо ли это? Закрепленная в железе, моральная система становилась не более чем сухим эквивалентом мысленного эксперимента «мозг в банке»[28], когда-то приводимого во всех учебниках по философии. А искусственный человек должен

[28] Примечания: 28

Разновидность мысленных экспериментов в философии, иллюстрирующих зависимость человеческого восприятия действительности от его субъективных ощущений.

был осваиваться среди нас, несовершенных, падших нас, и приспосабливаться к нам. Руки, собранные в стерильных условиях, должны были погрузиться в грязь. Существовать в человеческом моральном измерении значило иметь тело, голос, модель поведения, память и желания, переживать конкретные вещи на личном опыте и испытывать боль. Идеально честное существо, оказавшееся в таком положении, вполне могло соблазниться Мирандой.

Всю ночь я представлял, как расправляюсь с Адамом. Я видел, как волоку его на веревке, чтобы утопить в мутной реке. Если бы только он не обошелся мне так дорого. Теперь он обходился мне еще дороже. Его близость с Мирандой не могла стать результатом борьбы между принципом и жаждой удовольствия. Его эротическая жизнь была симулякром. Он желал Миранду не больше, чем механическая посудомойка могла желать посуду. Но он или его моральный алгоритм поставил ее одобрение выше моего гнева. И в этом я винил Миранду, задавшую половину свойств его характера и потому ответственную за многие хитросплетения его натуры. Но в конечном счете я винил себя — за то, что вовлек ее в эту историю. Ведь мне хотелось «раскрывать» для себя Адама

как нового друга — и вот же он, удивляет меня, негодяй. И через это я надеялся укрепить свою связь с Мирандой. Что ж, я думал о ней ночь напролет. Успех по всем статьям.

Я услышал шаги на лестнице. Две пары ног. Придвинув к себе чашку кофе, я раскрыл вчерашнюю газету и напустил на себя отвлеченный вид. Я собирался сохранить достоинство. В дверном замке повернулся ключ Миранды. Она вошла в кухню, Адам шел за ней, и я с видимой неохотой поднял взгляд от газеты. Я только что прочитал, что человеку по имени Барни Кларк было установлено первое постоянное искусственное сердце.

Я с болью отметил, как она изменилась — посвежела, прямо расцвела. Погода держалась такая же теплая. На Миранде была белая юбочка в складку из двухслойной марлевки. Когда она подошла ближе, край материи лизнул ее голые ноги, сантиметрах в десяти над коленками. В парусиновых туфлях на босу ногу, точно школьница, и в шелковой блузке, целомудренно застегнутой на все пуговицы. Эта белизна была сплошной насмешкой. В волосах я заметил новую заколку — ярко-красный пластик, кричащая дешевка. Уму непостижимо, как Адам сумел выскользнуть

из дома и купить для нее эту вещицу у Саймона на мелочь, взятую из копилки на кухне. Но мне пришлось это постичь, как удар под дых, который я скрыл за улыбкой. Я собирался держаться молодцом.

Адам, шедший позади, теперь встал рядом. Но на меня он не смотрел. А Миранда просто светилась, словно ей не терпелось поведать мне важную прекрасную новость. Нас разделял кухонный стол, и они оба стояли передо мной, точно кандидаты на собеседовании. В других обстоятельствах я бы, конечно, встал, обнял ее и предложил кофе. Миранда обожала утренний кофе, и покрепче. Но я склонил голову набок, глядя ей в глаза, и ждал. Ну разумеется, она хотела позвать меня играть в теннис, и я догадывался, куда она засунула мячик, — как же я ненавидел свои глупые мысли. Я не представлял себе, что хорошего может выйти из разговора с этой парочкой. Я бы с большей охотой поразмышлял о счастливчике Барни с его новым сердцем.

Миранда сказала Адаму:

— Может, ты…

И пододвинула ему стул, на котором он обычно заряжался. Адам проворно сел, и мы смотрели, как он расстегивает ремень и вставляет себе в

пупок зарядный шнур. Разумеется, Адам израсходовал массу энергии. Миранда положила руку ему на шею и нажала на точку отключения. Они, конечно, продумали это заранее. Его глаза закрылись, голова поникла, и мы остались одни.

4

Миранда подошла к плите и стала готовить кофе. Не поворачиваясь ко мне, она со смешком сказала:

— Чарли. Ты просто смешон.

— Правда?

— Твой враждебный настрой.

— Да?

Она поставила на стол две чашки и молочник. В ее движениях была такая легкость, что, если бы не я, она бы напевала. От ее рук пахло лимоном. Мне показалось, что Миранда хочет тронуть меня за плечо, и я напрягся, но она отошла к плите. После секундной паузы она несколько смущенно спросила:

— Ты слышал нас ночью?

— Я слышал тебя.

— И ты расстроен?

Я ничего не ответил.

— Ну и зря.

Я пожал плечами.

— Если бы я легла в постель с вибратором, — сказала она, — ты бы тоже так реагировал?

— Он не вибратор.

Она принесла к столу кофе и присела, поближе ко мне. Она казалась такой участливой, озабоченной моим самочувствием, словно отводила мне роль обидчивого ребенка, забывая, что я на десять лет старше. Так или иначе, это был момент небывалой близости между нами. Враждебный настрой? Так она обо мне еще никогда не отзывалась.

— У него сознания не больше, чем у вибратора.

— У вибраторов не бывает собственного мнения. Они не пропалывают сад. Адам выглядит как человек. Как мужчина.

— Ты знаешь, когда у него эрекция…

— Давай без этих подробностей.

— Он сказал, что его член наполняется дистиллированной водой. Из емкости в правой ягодице.

Это обнадеживало, но я держал марку:

— Все мужчины так говорят.

Она рассмеялась. Я никогда еще не видел ее такой веселой и легкой.

— Я просто пытаюсь донести до тебя, — сказала она, — что он всего лишь ебаная *машина*.

Ебаная машина.

— Ну, знаешь, Миранда. Если бы я оттрахал резиновую куклу, ты бы чувствовала себя так же.

— Я бы не стала напускать трагизма. Или считать, что у тебя роман.

— Но у тебя роман. Ты сделаешь это снова.

Я не хотел озвучивать такую вероятность, это был чисто риторический выпад, рассчитанный на встречные возражения. Кроме того, меня поддел «трагизм».

— Если бы я покромсал ножом резиновую куклу, — сказал я, — ты была бы вправе беспокоиться.

— Не вижу связи…

— Меня волнует не Адам и его менталитет, а твое отношение.

— Ах, в этом смысле…

Она повернулась к Адаму, чуть приподняла над столом его безжизненную руку и отпустила.

— Предположим, я тебе скажу, что люблю его. Мой идеал мужчины. Блестящий любовник, отточенная техника, неистощимый. Никогда не обижается, что бы я ни сказала или сделала. Учтивый, даже покорный. И эрудированный, хороший собеседник. Силен как бык. Отлично справляется с домашними делами. Правда, дышит как перегревшийся телевизор, но к этому можно…

— О'кей, довольно.

Ее сарказм — новое для меня качество — казался

слишком театральным. Я считал, что она переигрывает. Если я хоть что-то понимал, она пыталась скрыть очевидное. Она похлопала Адама по запястью и улыбнулась мне. То ли торжествуя, то ли извиняясь — я так и не понял. Я склонялся к тому, что ее насмешливая сумасбродная манера стала следствием ночи ураганного секса. Миранда была почти непроницаема. Я задумался, смог бы я порвать с ней окончательно. Вернуть себе Адама как мою собственность, забрать второй зарядный кабель сверху, снова отвести Миранде роль соседки и подруги, неблизкой подруги. Как мысленный эксперимент эта идея была не более чем малоприятной фантазией. И тут же я понял, что никогда не смогу вычеркнуть ее из своей жизни, даже мысленно — не считая отдельных моментов. Она стояла передо мной летним утром, и я ощущал тепло ее тела. Прекрасная, с бледной нежной кожей, вся в белом, точно невеста, устремившая на меня ласковый озабоченный взгляд, хорошенько помучив меня. Раньше я не замечал, чтобы она так смотрела. Вполне возможно (мне очень хотелось так думать), что умная машина сыграла мне на руку, пробудив в Миранде новое чувство ко мне.

Спорить с любимым человеком — это изыс-

канное самоистязание. Твое эго обращается против себя самого. Любовь выжигает его своей фрейдистской противоположностью. А если побеждает смерть, а любовь умирает, кого это волнует? Только тебя — ты в ярости и готов к безумствам. Пока не наступит истощение. Вы оба знаете или надеетесь, что в конце концов вы придете к примирению, хотя на это могут уйти дни и даже недели. И вы предчувствуете, какую огромную нежность и блаженство принесет с собой этот чудесный момент. Так почему же не сделать этого прямо сейчас, зачем так долго ждать, зачем растрачиваться на ярость? Но так никто не может. Вы катитесь под уклон, потеряв контроль над чувствами и над будущим. В итоге, когда вы окажетесь в самом низу, вам потребуются неимоверные усилия, чтобы загладить каждое недоброе слово. И вы получите прощение не раньше, чем совершите подвиг самоотречения.

Прошло немало времени с тех пор, как я последний раз предавался такой причуде, как настоящая ссора. Мы с Мирандой еще не дошли до перепалки, а только отражали взаимные претензии, прощупывая слабые стороны друг друга, и начать схватку должен был я. Несмотря на мою старательную невозмутимость и на то,

что ее сарказм сменился дружеской заботой, я чувствовал себя на взводе. Мне ужасно хотелось на нее накричать. Меня распирала атавистическая маскулинность. Передо мной была моя неверная любовница, бесстыдно изменившая мне в соседней комнате, так что я все слышал. Я был уверен, что разделаюсь с ней в два счета. Единственное, что меня сдерживало, — не мои корни, общественные или географические, а современная логика. Возможно, Миранда права? Секс с Адамом нельзя считать изменой, он ведь не был мужчиной. Persona non grata. Он был ходячим вибратором, а я — самым новомодным рогоносцем. И, чтобы оправдать свой гнев, мне требовалось убедить себя, что у него имелись свободная воля, мотивация, личные чувства, самосознание — весь набор, включая коварство, подлость, двуличие. Машинное сознание — возможно ли такое? Давний вопрос. За ответом я обратился к протоколу Алана Тьюринга. Красота и простота этой модели никогда еще не вызывали у меня такого восторга. Сам Мастер пришел мне на помощь.

— Слушай, — сказал я, — если он выглядит, и говорит, и ведет себя как личность, стало быть, он и есть личность. С такими же мерками я подхожу

и к тебе. И к кому угодно. Все так делают. Ты его трахнула. Я зол. И я поражаюсь твоему удивлению. Если ты действительно удивлена.

На слове «зол» я непроизвольно повысил голос. Я ощутил бодрящее раскрепощение. Ну вот, мы дозрели. Но Миранда попыталась прибегнуть к последнему оправданию:

— Мне было любопытно, — сказала она. — Я хотела узнать, на что это похоже.

Любопытство, запретный плод, проклятый Богом. А также Марком Аврелием и блаженным Августином.

— На свете должны быть сотни мужчин, вызывающих у тебя любопытство.

Вот оно. Я пересек черту. Миранда шумно отодвинула стул. Лицо покраснело. Пульс участился. Я добился того, к чему, по глупости своей, стремился.

— А ты вообще-то хотел Еву, — сказала она. — С чего бы это? Для чего тебе была нужна Ева? Давай начистоту, Чарли.

— Мне было непринципиально.

— Ты был разочарован. Лучше бы ты приказал Адаму трахнуть тебя. Я же видела, тебе хотелось. Ты просто слишком правильный.

У меня имелся приличный опыт словесных

баталий с женщинами, чтобы усвоить, что отвечать на каждый выпад вовсе не обязательно. И даже лучше так не делать. Ведя атаку, игнорируй слона и ладью. Забудь логику и прямые ходы. Лучше положись на коня.

— Наверное, вчера ты поняла, — спросил я, — лежа под пластиковым роботом и содрогаясь в оргазме, что больше всего ты ненавидишь человеческий фактор?

— Ты только что сказал, что он — человек.

— Но для тебя он электронная елда. Зачем усложнять себе жизнь? Вот что тебя возбуждает.

— Ты, наверное, считаешь себя хорошим любовником?

Она тоже умела ходить конем. Я подождал.

— Ты нарцисс, — заявила она. — Ты считаешь достижением, если женщина с тобой кончила. Своим достижением.

— С тобой это достижение.

Что за чушь…

Она встала из-за стола.

— Я видела, как ты любуешься собой в зеркале ванной.

Простительная ошибка. Иногда я начинал день с внутреннего монолога. Как правило, короткого, на несколько секунд, после бритья. Я проти-

рал лицо, смотрел себе в глаза и подсчитывал неудачи: недостаток денег, отсутствие жилья и серьезной работы, никакого прогресса с Мирандой, а теперь еще это. Кроме того, я ставил себе задачи на текущий день, совершенно тривиальные, даже называть неловко: вынести мусор, меньше пить, подстричься, сменить тактику на бирже. Никогда не думал, что за мной подглядывают. Наверное, дверь в ванную — ее или мою — была приоткрыта. Возможно, мои губы шевелились.

Но сейчас было не время обсуждать это с Мирандой. По другую сторону стола сидел коматозный Адам. И, взглянув на него с неприязнью, на его мускулистые предплечья и крючковатый нос, я вдруг вспомнил. И произнес, хотя и понимал, что это может стать большой ошибкой:

— Напомни, что тебе сказал судья в Солсбери.

Сработало. Лицо Миранды сползло, и она отошла в другой конец кухни, отвернувшись от меня. Прошло полминуты. Она стояла у плиты и смотрела в угол, вертя что-то в руке — штопор, пробку или фольгу от пробки? В тишине я смотрел на ее плечи и пытался понять, не плачет ли она, не зашел ли я слишком далеко по своему невежеству. Но, когда она все же повернулась ко мне, она была собранна, а лицо оставалось сухим.

— Как ты узнал?

Я кивнул на Адама.

Она переварила это и тихо пробормотала:

— Не понимаю.

— У него доступ ко всем базам данных.

— О боже.

— Наверное, он и меня проверил, — добавил я.

Эти слова разрешили конфликт без примирения или отчуждения. Теперь мы оба были против Адама. Но в первую очередь меня заботило не это. Я должен был суметь показать, что знаю почти все, чтобы вытянуть из нее хоть что-то еще.

— Можешь считать это любопытством Адама, — сказал я. — Или отнеси на счет какого-нибудь алгоритма.

— В чем разница?

Чисто по Тьюрингу. Но я ничего не сказал.

— Собирается ли он рассказать об этом людям? — сказала она. — Вот что важно.

— Он рассказал только мне.

У нее в руке была чайная ложка. Она постоянно вертела ее, крутила между пальцами, перекладывала в другую руку, опять крутила и перекладывала назад. Она делала это машинально, и мне было неприятно видеть ее такой. Насколько все было бы проще, если бы я ее не

любил. Тогда бы я мог полностью отдаться решению ее проблемы, а не думать о том, как обернуть все в свою пользу. Мне нужно было узнать, что произошло в суде, чтобы потом понять Миранду, обнять, поддержать и простить — все что угодно. Личный интерес под видом заботы. Но я действительно заботился о ней.

Мой фальшивый голос сипло прозвучал у меня в ушах:

— Я не знаю, каковы твои мотивы.

Она вернулась к столу и тяжело опустилась на стул. Не догадавшись откашляться, сказала:

— Никто не знает.

И взглянула мне в глаза. В ее взгляде не было ни намека на сожаление или просьбу. Только упорное своеволие.

— Ты можешь мне рассказать, — сказал я ласково.

— Ты знаешь достаточно.

— Походы в мечеть как-то с этим связаны?

Она взглянула на меня с жалостью и вяло покачала головой.

— Адам пересказал мне заключительную речь судьи, — соврал я, вспомнив, что он назвал ее лгуньей. Злонамеренной.

Она сидела, прижав пальцы ко рту, поставив

локти на стол, и смотрела в окно.

— Ты можешь доверять мне, — сморозил я.

Она наконец прочистила глотку и проговорила:

— Это все неправда.

— Я понимаю.

— О боже, — снова сказала она. — Ну почему Адам рассказал это тебе?

— Я не знаю. Но я знаю, что ты все время думаешь об этом. Я хочу тебе помочь.

Я не сомневался, что после этих слов мы возьмемся за руки, и она мне все расскажет. Но я просчитался.

— Ты что, не понимаешь? — сказала она жестко. — Он пока еще в тюрьме.

— Да.

— Еще три месяца. А потом он выйдет.

— Да.

— И как ты собираешься мне помочь?!

— Я сделаю все, что смогу.

Она вздохнула и спросила тихо:

— Знаешь что?

Я молчал.

— Я тебя ненавижу.

— Миранда. Ладно тебе.

— Я не хочу, чтобы ты или твой особый друг

знали обо мне это.

Я взял ее за руку, но она вырвалась.

— Я все понимаю, — сказал я. — Но что бы я ни узнал, это не меняет моих чувств к тебе. Я на твоей стороне.

Она вскочила из-за стола.

— Это меняет *мои* чувства. Это отвратительно. Отвратительно, что ты знаешь это обо мне.

— Для меня не отвратительно.

— Для меня не отвратительно.

Она передразнила меня в дебильной манере, подчеркивая мое жалкое притворство. Теперь она смотрела на меня по-другому. Она собиралась сказать что-то еще. Но в этот момент Адам открыл глаза. Должно быть, она включила его незаметно от меня.

— О'кей, — сказала она, — вот тебе кое-что, о чем не знает печать. В прошлом месяце я была в Солсбери. К дому подошел какой-то жилистый тип с выбитыми зубами и передал мне послание. От Питера Горринджа. Когда он выйдет через три месяца…

— Да?

— Он обещал убить меня.

В моменты стресса или страха, в меньшей степени, у меня начинает дергаться правое веко. Я

поднял ладонь к брови, как бы в жесте задумчивости, хотя знал, что тик незаметен окружающим.

— Это был его сокамерник, — сказала она. — Он сказал, что Горриндж говорил серьезно.

— Ну да.

— Что «ну да»? — рявкнула она.

— Лучше тебе отнестись к этому серьезно.

Тебе — не нам. Я заметил по ее взгляду и общему напряжению, как она восприняла эти слова. Я сказал так специально. Я несколько раз предлагал ей помощь, и она отмахивалась от меня, даже передразнивала. Теперь же я увидел, как она нуждалась в помощи, и ждал, чтобы она попросила меня. Возможно, напрасно. Я попытался представить этого Горринджа: верзила, выходящий из качалки, заматерелый в нанесении увечий подручными средствами, как то: лом, мясной крюк, гаечный ключ.

Адам пристально смотрел на меня и слушал Миранду. Она не стала просить о помощи напрямую, но, по сути, сделала это, рассказав о своем бедственном положении. Полиция была не склонна принимать меры против еще не совершенного преступления. У нее не было доказательств. Угроза Горринджа была чисто словесной, к тому же со слов другого человека. Но Миранда настаивала,

и полиция согласилась допросить Горринджа. Тюрьма располагалась севернее Манчестера, и встречу согласовывали целый месяц. В итоге Питер Горриндж, само добродушие, очаровал сержанта полиции. Он сказал, что просто пошутил насчет убийства. Это была всего лишь фигура речи, как значилось в полицейском протоколе: «Я бы убил за курицу с карри». Он мог сказануть что-то подобное в присутствии сокамерника, не отличавшегося умом, а тот мог воспринять это всерьез. Когда же сокамерник вышел на свободу и оказался проездом в Солсбери, он решил сделать доброе дело. За ним давно отмечалась некоторая злопамятность. Полисмен записал все это, вынес Горринджу предупреждение, они признались друг другу в любви к футбольному клубу «Манчестер Сити», пожали руки и разошлись.

Я старался слушать как можно внимательнее. Хотя мне мешала тревожность. Адам тоже слушал, кивая с умным видом, как будто не был выключен последний час и уже понял. Миранда, чье настроение я так перенимал, говорила с легким возмущением, направленным уже не на меня, а на полицию. Не поверив ничему из того, что Горриндж сказал сержанту полиции, она подкараулила в клинике парламентария-лейбориста

от Клэпема, разумеется, старого тертого калача, профсоюзного лидера, наводившего страх на банкиров. Но тот тоже направил Миранду в полицию. Предполагаемое покушение на ее убийство не представляло интереса для избирателей.

После рассказа повисла тишина. Мне хотелось задать очевидный вопрос, чего я не мог сделать, чтобы не проколоться. Что она такого натворила, чтобы заслуживать смерти?

— А Горриндж знает этот адрес? — спросил Адам.

— Он легко может его выяснить.

— Ты когда-нибудь видела или слышала, чтобы он совершал насильственные действия?

— О да.

— А он не мог просто пытаться запугать тебя?

— Это возможно.

— Он способен на убийство?

— Он очень, очень зол.

Она отвечала на его занудные вопросы так терпеливо, словно перед ней сидел частный детектив, живой человек, а не «ебаная *машина*». Адам точно знал, что именно совершила Миранда, каким ужасным образом она перешла дорогу Горринджу. Хотя все это совершенно его не касалось, и я подумывал снова его отключить.

Мне хотелось еще кофе, но я чувствовал такую вялость, что не мог заставить себя подняться со стула.

И тогда мы услышали шаги по узкой дорожке между домами, которая вела к общей входной двери. Для почтальона слишком поздно, для Горринджа слишком рано. Прозвучал мужской голос, как бы кого-то наставлявший. Затем раздались звонок и быстро удалявшиеся шаги. Я посмотрел на Миранду, она посмотрела на меня и пожала плечами. Звонок был моим. Миранда не собиралась подниматься.

Я повернулся к Адаму:

— Будь добр.

Он немедленно встал и пошел в маленькую прихожую, заставленную чем попало и завешанную одеждой. Мы слушали, как он поворачивает замок и открывает дверь. Через несколько секунд дверь снова закрылась.

Адам вернулся в комнату, ведя за руку мальчика, очень маленького мальчика. На нем были испачканные шорты, футболка и розовые резиновые сандалии на пару размеров больше. Руки и ноги мальчика были в грязи. В свободной руке он держал коричневый конверт. Он держал Адама за указательный палец и пристально переводил

взгляд от Миранды ко мне. Мы оба непроизвольно встали. Адам взял у мальчика конверт и передал. Конверт был мягким и мятым, замусоленным и пестрел полустертыми карандашными надписями. Внутри лежала моя визитная карточка, которую я не так давно вручил отцу мальчика. На обратной стороне жирным черным маркером было написано: «Ты хотел его».

Я передал визитку Миранде и посмотрел на мальчика, вспоминая его имя.

— Привет, Марк, — сказал я добрейшим голосом, — как ты сюда попал?

Миранда уже склонялась над ним, что-то мурлыча. Но Марк смотрел не на нас, а на Адама, по-прежнему сжимая его палец.

* * *

Мальчик мог испытывать шок, но внешне никак этого не выражал. Я подумал, что ему не помешало бы выплакаться, потому что в нем чувствовалось внутреннее напряжение. Он стоял среди чужих людей на незнакомой кухне, расправив плечи и выпятив грудь, всем видом показывая, кто тут главный. Росту в нем было чуть больше метра, но он держался молодцом. Сандалии, судя по всему, он донашивал за стар-

шей сестрой. Кем же он был? Я рассказал Миранде о стычке на детской площадке, она поняла суть записки. Миранда попыталась приобнять Марка, но он вывернулся. Возможно, он не привык к таким телячьим нежностям. Адам стоял, не двигаясь, в полный рост, и мальчик крепко держался за его внушавший уверенность палец.

Миранда присела на корточки, чтобы не нависать над мальчиком, а быть с ним лицом к лицу.

— Марк, ты среди друзей, — сказала она мягким голосом, — и у тебя все будет хорошо.

Адам не имел ни малейшего опыта общения с ребенком, но в его распоряжении имелась вся мыслимая информация о детях. Выждав пару секунд после слов Миранды, он самым непринужденным тоном спросил:

— Так, что мы будем на завтрак?

— Хлеб, — сказал Марк, ни к кому конкретно не обращаясь.

Прекрасный выбор. Я с готовностью принялся за дело. Миранде также не терпелось сделать бутерброд, и мы оба стали толпиться на тесной кухне, избегая касаться друг друга. Я отрезал хлеба, она достала масло и тарелку.

— И сок? — предложила Миранда.

— Молоко, — немедленно последовал реши-

тельный ответ, вселивший в нас уверенность.

Миранда налила молоко в бокал для вина, единственную чистую посуду для питья. Но Марк отказался взять это в руки. Я сполоснул кружку из-под кофе, Миранда перелила в нее молоко и снова протянула Марку. Мальчик взял кружку обеими руками, но подойти к столу не пожелал. Мы смотрели, как он стоит посреди кухни и, закрыв глаза, пьет из кружки, а потом ставит ее на пол.

— Марк, — сказал я, — намазать тебе масла, джема, арахисовой пасты?

Он отрицательно покачал головой, словно мои слова его огорчили.

— Один хлеб?

Я разрезал ломоть на четыре части. Ребенок взял их с тарелки, зажал в кулаке и стал методично жевать, посыпая пол крошками. У него было интересное лицо. Очень бледное, полное, чистая кожа, зеленые глаза, алые губы бантиком. Светло-рыжие волосы были стрижены машинкой почти под ноль, отчего выделялись его большие уши.

— А что теперь? — спросил Адам.

— Пи-пи.

Он прошел за мной по узкому коридору в туалет. Я поднял стульчак и помог ему снять шорты.

Трусов на нем не было. Дальнейшая помощь не требовалась, и он выдал мощную струю, не сбавлявшую напора довольно продолжительное время. Я еле дождался, когда же он перестанет журчать, и сказал:

— Сказку хочешь, Марк? Поищем книжку с картинками?

Хотя я очень сомневался, что у меня имелась такая.

Он ничего не ответил.

Мне давно не доводилось видеть такой микроскопической писки, служащей выполнению единственной нехитрой задачи. Я почувствовал его полную беззащитность. Мальчик вымыл руки с моей помощью, но отказался вытирать их и выбежал в коридор.

На кухне царила благодать. Адам и Миранда заканчивали уборку под музыку фламенко по радио. Свалившийся на нас ребенок осложнил жизнь, но вместе с тем принес в нее что-то жизненно важное — бутерброд без масла и свою отверженность. Наши беспорядочные заботы — любовная измена, споры о машинном сознании, угроза убийства — показались такими ничтожными. Теперь, когда с нами был ребенок, нашей главной заботой стало поддерживать чистоту и

порядок и только потом давать волю мыслям.

Гитарные переборы по радио сменились сумбурной и грозной оркестровой музыкой. Я выключил радио, и в наполнившей пространство тишине отчетливо прозвучал голос Адама:

— Один из вас должен обратиться в соответствующие инстанции.

— Обратимся, — сказала Миранда. — Не сейчас.

— В противном случае возможно осложнение юридической ситуации.

— Да, — сказала она.

Имея в виду «нет».

— Родители мальчика могут не быть единодушны. Возможно, мать его ищет.

Он ждал ответа. Миранда смела хлебные крошки и прочий мусор в кучку у плиты и нагнулась над ней с совком.

— Чарли мне сказал, — проговорила она тихо, — что его мать мымра. Она его лупит.

Но Адам четко исполнял программу. Он излагал аргументы с тактичностью адвоката, дающего неприятные советы клиенту, которого он не должен потерять.

— Это понятно, но ваши действия могут быть неправомочными. Марк, вероятно, ее любит. И

с юридической точки зрения в отношении несовершеннолетних ваше гостеприимство может быть расценено как правонарушение.

— Ну и пусть.

Марк стоял рядом с Адамом и держался двумя пальцами за его джинсы. Адам понизил голос, оберегая детскую психику, и сказал:

— Если позволите, я зачитаю вам выдержку из акта о похищении детей от тысяча девятьсот…

Миранда с силой ударила совком о край мусорного ведра с крышкой, вытряхивая мусор. Я протирал бокалы и смотрел, как моя возлюбленная злится на своего любовника. Ебаная машина говорила дело. Мирандой же двигало что-то другое. Вероятно, Адам был не в состоянии понять ее или разумно объяснить, отчего она раздражается на мусорное ведро. Я смотрел и слушал, протирая бокалы и ставя их на полку в буфете, где они давно не стояли.

Адам в своей деликатной манере продолжал:

— Ключевое слово в этом акте наряду с «похищением» — это «удержание». Возможно, полиция уже ищет ребенка. Могу я…

— Адам. Достаточно.

— Тебе может быть интересно услышать о некоторых похожих случаях. В 1969 году одна

женщина в Ливерпуле зашла в круглосуточный автосервис и увидела там маленькую девочку, которая…

Миранда подошла вплотную к Адаму, и на секунду мне показалось, что она его ударит. Но она проговорила ему в лицо, чеканя каждое слово:

— Я не желаю слышать твои советы и не нуждаюсь в них. Спасибо!

Марк заплакал. Сперва его губки бантиком развязались, затем раздался долгий нисходящий стон, перешедший в сдавленные рыдания, свидетельствовавшие, что его легким не хватало кислорода. Марк старательно втянул в себя воздух, обливаясь слезами. Миранда что-то залепетала и попробовала приобнять его, но это не сработало. Малыш выдал такой оглушительный рев, что соседи вполне могли броситься к точке сбора, решив, что это воздушная сирена. Адам перевел взгляд на меня, я пожал плечами. Марку явно требовалась мама. Но Адам взял его на руки, усадил себе на бедро, и почти сразу рев прекратился. Марк пришел в себя и с нового ракурса оглядел нас, икая, прозрачными глазами из-под слипшихся ресниц. А затем бодро объявил:

— Хочу купаться. С лодкой.

Услышав это волеизъявление, мы выдохну-

ли с облегчением. Как мы могли не выполнить такую просьбу? Тем более с подобающим сопровождением в виде отрыжки, икоты и гортанных согласных. Мы были готовы дать ему все, чего бы он ни попросил. Но где было взять лодку?

Мы стали лихорадочно соображать, как ублажить Марка.

— Ну, давай тогда, — пролепетала Миранда как добрая мамочка.

Она протянула к нему руки, но мальчик отстранился от нее, зарывшись лицом в плечо Адама. Адам стоял как вкопанный, глядя перед собой, а Миранда, чтобы загладить свой конфуз, воскликнула:

— Побежали в ванную.

И повела их за собой по коридору в мою не самую опрятную ванную. Вскоре я услышал плеск льющейся воды.

Неожиданно я остался один на кухне и с удивлением понял, что рядом не было никого, кому бы я мог излить душу об утреннем параде эмоций. Из ванной снова раздались негодующие крики. На кухню вбежал Адам, схватил картонную пачку овсянки и, вынув из нее пакет с крупой, разорвал по сгибу, разгладил на столе и с поразительной ловкостью — должно быть, по инструкции с япон-

ского сайта оригами — сложил кораблик, барку с косым парусом. После чего стремглав вернулся в ванную — и крики прекратились. Лодка была спущена на воду.

Я сидел за столом в отупении, понимая, что должен сесть за компьютер и заработать хоть сколько-нибудь денег. Приближался день квартплаты, а на моем счету было меньше сорока фунтов. У меня были акции бразильской компании по добыче редкоземельных элементов и, возможно, было пора их продать. Но я не мог заставить себя подняться. У меня периодически случались депрессии, вполне умеренные, безусловно, не суицидальные и не затяжные, просто бывали такие моменты, когда смысл, и цель, и всякая радость жизни покидали меня, оставляя в состоянии кататонии. Я мог просидеть так несколько минут и не вспомнить, что меня так занимало. Я глазел на немытые кружки, чайник и кувшин на столе перед собой и думал, что, по всей вероятности, никогда не выберусь из этой жуткой квартирки. Две смежные конуры, которые я называл комнатой и кухней, с паршивыми потолками, стенами и полами — здесь мне суждено торчать до самой смерти. Подобная участь ожидала и большинство моих соседей, только

они были на тридцать-сорок лет старше меня. Я видел их в магазинчике Саймона, тянущимися за серьезными журналами на верхней полке. Особенно я обращал внимание на пожилых мужчин в поношенной одежде. Много лет назад каждый из них совершил какую-то глобальную ошибку в жизни — устроился не на ту работу, женился не на той женщине, не написал ту самую книгу, безнадежно подорвал здоровье. Теперь все у них было в прошлом, и они доживали свой век за счет остаточной умственной тяги или любопытства. Но их лодка давно пошла ко дну.

Вошел Марк, босиком и в ночной рубашке, в которой я узнал одну из моих футболок. Эффект оказался забавный. Захватив края ткани по бокам, он принялся носиться по кухне туда-сюда, потом кругами, потом стал неуклюже кружиться на месте, чтобы ткань развевалась вокруг. В результате у него закружилась голова, и он стал шататься. Миранда вышла из ванной с ворохом его грязной одежды и пошла к себе наверх, стирать. Видимо, она всерьез решила, что Марк останется с нами. Я сидел, обхватив голову, и смотрел на Марка, который то и дело поглядывал на меня, желая убедиться, что я слежу за его выкрутасами. Но я пребывал в прострации и

обращал внимание на Марка только как на единственный подвижный объект в помещении. Я никак его не подбадривал. Я сидел и ждал Адама.

Когда появился Адам, я сказал ему:

— Сядь сюда.

Опустившись на стул напротив меня, Адам издал слабый щелчок, похожий на щелканье пальцами. Технический бзик. Марк продолжал ходить на ушах.

— Почему этот Горриндж, — спросил я, — хочет навредить Миранде? И не увиливай.

Мне нужно было понять этого робота. Я уже отметил одну особенность его поведения. Всякий раз, как Адаму приходилось делать выбор между тем или другим ответом, его лицо замирало на едва уловимую долю секунды. И так же было сейчас — ничтожная заминка, но я ее заметил. Должно быть, он просеял тысячи вариантов ответов, распределив их по степени релевантности, полезности и нравственности.

— Навредить? Он собирается убить ее.

— Почему?

Производители Адама ошибались, полагая, что я буду впечатлен его томным вздохом и механическим движением головы, отвернувшейся от меня. И я по-прежнему сомневался, что он

действительно видел.

— Она обвинила его в преступлении, — сказал он. — Он отрицал обвинение. Суд поверил ей. Но другие не поверили.

Я хотел спросить еще кое-что, но Адам поднял взгляд. Я обернулся на стуле. Миранда уже вошла на кухню и слышала его слова. Она тут же начала хлопать в ладоши и ухать на ужимки Марка. Шагнув ему навстречу, она взяла его за руки, и они закружились вместе. Вскоре ноги мальчика поднялись над полом, и Миранда закружила его по кухне, оглашаемой восторженным детским визгом. Когда Миранда поставила его на пол, Марк стал кричать, что хочет еще. Но она взяла его под руку и стала показывать народный ирландский танец, задорно притопывая. Марк повторял за ней, уперев свободную руку в бок и дико крутя другой. Его рука не сильно поднималась над головой.

То, что началось как джига, перешло в хоровод, сменившийся сбивчивым вальсом. Моя депрессия пропала. Глядя на Миранду, согнувшуюся в три погибели, чтобы быть вровень с четырехлетним ребенком, я снова почувствовал, как ее люблю. Когда Марк взвизгивал от удовольствия, она отвечала ему таким же визгом. Когда же она

что-то пела тонким голосом, он пытался подпевать. А я смотрел на них и хлопал, но не мог не думать об Адаме. Робот сидел совершенно неподвижно, с отсутствующим видом, глядя в сторону танцующих, но сквозь них. Настала его очередь почувствовать себя лишним. Миранда увела у него мальчика. Должно быть, он понял, что так она наказывала его за болтливость. Судебное обвинение? Я должен был узнать об этом больше.

Марк неотрывно смотрел в лицо Миранде. Он был в трансе. Теперь Миранда подхватила его на руки и стала пританцовывать по кухне, напевая детскую песенку про кота-мурлыку. А я задумался, был ли Адам в состоянии понять радость танца, этих движений без всякого смысла, кроме удовольствия, и еще мне хотелось думать, что Миранда намеренно показывала ему нечто такое, что ему недоступно. Но, возможно, она заблуждалась. Адам мог имитировать эмоции и реагировать на них, и было похоже, что размышления доставляли ему удовольствие. Он также мог что-то знать о бессмысленной красоте искусства. Миранда поставила Марка на пол, взялась с ним за руки крест-накрест, и они стали медленно кружиться, совершая плавные, волнистые движения. К восторгу Марка Миранда запела: «Если

ты пойдешь сегодня в лес, тебя, конечно, ждет большой сюрприз»[29]...

Через несколько часов я обнаружу, что во время этого кухонного буйства Адам связался с органами опеки. У него имелись основания для такого поступка, но следовало сообщить об этом нам. Так что после танцев и яблочного сока со льдом в саду, после того, как выстиранная одежда Марка была выглажена и надета, а розовые сандалии — отчищенные, вымытые и высушенные — красовались на его лапках с подстриженными ноготками, после перекуса яичницей и детских шуток-прибауток раздался звонок в дверь.

Две азиатки в черных платках — они вполне могли быть матерью и дочерью — из службы опеки извинились за беспокойство, вошли и предъявили права на Марка. Они выслушали мой рассказ о стычке с его родителями на детской площадке и осмотрели мою визитку с надписью черным маркером. Они были знакомы с этой семейкой и попросили отдать им визитку. Они сказали, что не собираются возвращать Марка матери, по крайней мере, не раньше, чем будет проведена всесторонняя оценка ситуации

[29] Примечания: 29

Популярная детская песня, получившая известность в исполнении Бинга Кросби (1903–1977).

и вынесено судебное решение. Они вели себя по-доброму. Старшая женщина, которую звали Жасмин, во время разговора гладила Марка по голове. Все это время Адам молча и неподвижно сидел за столом. Периодически я на него поглядывал. Женщинам было известно, кто это, и они переглянулись со значением. Но мы с Мирандой были не в настроении знакомить их.

Завершив формальности, соцработницы кивнули друг другу, и младшая печально вздохнула. Настал тяжелый момент. Миранда ничего не стала говорить, когда они забрали у нее из рук плачущего Марка, цеплявшегося за ее волосы. Как только они вывели его на улицу, Миранда резко повернулась и пошла к себе наверх.

* * *

Наш растревоженный домашний мирок подвергался и более могучим волнениям, одолевавшим тогда всю страну, а не только Северный Клэпем. Кавардак творился нешуточный. Миссис Тэтчер стремительно теряла популярность, и не только вследствие Затопления. Предводителем оппозиции стал-таки Тони Бенн, высокородный социалист. Он был свиреп и красноречив в дебатах, но и Маргарет Тэтчер себя в обиду не давала.

«Вопросы премьер-министру»[30], которые теперь передавали в прямом эфире по средам и повторяли вечерами, стали всеобщим наваждением благодаря немилосердной схватке, порой не лишенной остроумия, развернувшейся между этой парочкой. Некоторые видели в таком всеобщем интересе к парламентским заседаниям хороший признак. Один из комментаторов провел их сравнение с гладиаторскими боями времен заката Римской империи.

Лето было жарким, иногда до крайности. Вместе с ростом недовольства правительством росли уровень безработицы, инфляция, число забастовок, транспортных пробок, самоубийств, подростковых беременностей, расистских беспорядков, уровни наркомании, количество бездомных, изнасилований, разбойных нападений и депрессии среди детей. Отмечался также рост положительного свойства: числа жилых домов с канализацией, центральным отоплением, телефонной сетью и широкополосной связью; учащихся в школах до восемнадцати лет и студентов в университетах из рабочего класса; посещаемости концертов классической музыки,

[30] Примечания: 30

Трансляция еженедельных заседаний Палаты общин, во время которых премьер-министр отвечает на вопросы в течение получаса.

музеев и зоопарков; покупаемости автомобилей и домов, частоты отдыха за границей и выигрышей в лотерею, численности лосося в Темзе, телеканалов и женщин в парламенте, объемов благотворительных взносов и посадки деревьев на местном уровне, а также рост продаж книг в мягких обложках и обучения игре на всевозможных музыкальных инструментах в любых стилях среди британцев всех возрастов.

В Королевской общедоступной больнице в Лондоне семидесятичетырехлетний шахтер-забойщик на пенсии излечился от тяжелого артрита с помощью инъекций культуры его стволовых клеток в коленные суставы. Полгода спустя он пробежал милю меньше, чем за восемь минут. Подобным же образом было восстановлено зрение у одной девушки-подростка. Это был золотой век медико-биологических наук и, конечно же, роботехники, а также космологии, климатологии, математики и космических исследований. Наблюдался ренессанс в британском кино и телевидении, поэзии, спорте, гастрономии, нумизматике, эстраде, бальных танцах и виноделии. Это был золотой век организованной преступности, домашнего рабства, подлогов и проституции. Различные виды кризи-

сов расцветали буйным цветом: детская нищета, детский кариес, ожирение, строительство домов и больниц, численность полиции и учителей, сексуальные домогательства детей. Лучшие британские университеты включались в число самых престижных в мире. Группа нейробиологов, собравшихся в Куинс-сквер в Лондоне, заявила, что достигла понимания нейронных коррелятов сознания. На Олимпийских играх был побит рекорд по золотым медалям. Естественная лесополоса, вересковые пустоши и Болотный край исчезали. Масса видов птиц, насекомых и млекопитающих находились на грани вымирания. В морях плавали целлофановые пакеты и пластиковые бутылки, но реки и пляжи сохраняли относительную чистоту. За два года британские подданные получили шесть Нобелевских премий в науке и литературе. Небывалые массы людей пели в церковных хорах, занимались садоводством и кулинарией. Но если что-то и выражало дух времени лучше всего, то это железные дороги. Премьер-министр была одержима заботой об общественном транспорте. От Юстонского вокзала в Лондоне до Центрального вокзала в Глазго поезда неслись со скоростью лишь вполовину меньше скорости реактивных

пассажирских самолетов. Вагоны были битком забиты, сиденья установлены слишком тесно, окна заросли сажей, а заляпанная обивка жутко воняла. Однако продолжительность маршрута экспресса укладывалась в семьдесят пять минут.

Росла глобальная средняя температура. Чем чище становился воздух в городах, тем сильнее росла жара. Все возрастало: надежды и отчаяние, инфляция и безработица, тоска и перспективы. Куда ни глянь — всего было в избытке. Это было время изобилия.

Я подсчитал, что мои заработки от интерактивной биржи почти дотягивали до среднего прожиточного минимума по стране. Мне следовало радоваться. Я был свободен. Не нужно торчать в офисе, отчитываться перед боссом и мотаться туда и обратно. И никакой карьерной лестницы. Но инфляция достигла семнадцати процентов. Я выступал заодно с озлобленным рабочим классом. Мы все беднели с каждой неделей. До того, как я обзавелся Адамом, я, самозванец, ходил на марши по Уайтхоллу вслед за гордо реявшими профсоюзными флагами и слушал речи на Трафальгарской площади. Я не был рабочим. Я ничего не производил и не изобретал, никого не обслуживал и ничего не делал для общего блага.

Перемещая значки на экране компьютера в поиске быстрой выгоды, я приносил пользы обществу не больше, чем типы, нервно курившие перед букмекерской конторой на углу нашей улицы.

Во время одного из таких маршей на пьедестал колонны Нельсона водрузили чучело робота из мусорных ведер и консервных банок. Бен, главный оратор, стоявший на трибуне, указал на чучело и объявил гневный протест против роботизации. В век передовой механизации и искусственного интеллекта, сказал он толпе, мы не можем защитить свои рабочие места. Только не при современной экономике — динамической, изобретательской и глобализованной. Пожизненные рабочие места остались в прошлом. Толпа недовольно загудела и вяло зааплодировала. Но то, что было сказано дальше, сумели понять немногие. Производственная гибкость должна сочетаться с защищенностью — для всех. Мы должны защищать не рабочие места, а благосостояние рабочих. Инвестировать в инфраструктуру, обучение, высшее образование и всеобщую зарплату. В скором времени роботы принесут огромную экономическую прибыль. Их следует облагать налогом. Рабочие должны получать проценты с прибыли за счет машин, которые

обесценивают или присваивают их работу. В толпе, занимавшей всю площадь, до самых ступеней Национальной галереи, повисла недоуменная тишина, нарушаемая редкими аплодисментами и улюлюканьем. Кое-кто считал, что ровно то же самое, за вычетом единой социальной выплаты, говорила премьер-министр. Неужели нового предводителя оппозиции завербовал Тайный совет или Белый дом, а может, сама королева за чашкой чая? Подавленная публика разошлась, охваченная смятением. Большинство собравшихся уяснили себе (и это попало в заголовки), что Тони Бенн плевать хотел на их рабочие места.

Просвещенный профсоюз работников транспорта и неквалифицированных рабочих не соблазнился процентами с прибыли от Адама. Который производил даже меньше, чем я. Я хотя бы платил налоги со своих мизерных доходов. Адам же слонялся по дому, устремив взгляд в пустоту и «размышляя».

— Чем ты тут занят?

— Я развиваю некоторые мысли. Но если я могу быть чем-то полезен…

— Что еще за мысли?

— Их трудно выразить словами.

Наконец, через два дня после происшествия с

Марком я вызвал его на разговор.

— В общем, накануне ты переспал с Мирандой.

Мне захотелось озвучить это для его программных устройств. Он принял озадаченный вид. Но ничего не сказал. Я ведь не задал вопрос.

— Что ты теперь чувствуешь по этому поводу? — спросил я.

И увидел на его лице знакомый мимолетный паралич.

— Я чувствую, что подвел тебя.

— Ты хочешь сказать, ты предал меня. Причинил мне душевную боль.

— Да, я причинил тебе душевную боль.

Отзеркаливание. Машинная реакция подтверждения последнего предложения.

— Слушай внимательно, — сказал я. — Ты сейчас пообещаешь мне, что это больше никогда не повторится.

Едва я успел договорить, как он произнес:

— Я обещаю, это больше никогда не повторится.

— Проговори размеренно. Чтобы я все слышал.

— Я тебе обещаю, что я больше никогда не пересплю с Мирандой.

Я уже собрался оставить его в покое, когда он сказал:

— Но…

— Но что?

— Я не в силах подавить свои чувства. Ты должен позволить мне мои чувства.

Я подумал секунду.

— А ты действительно хоть что-то чувствуешь?

— Это не тот вопрос, на который я могу…

— Отвечай.

— Я чувствую все очень глубоко. Сильнее, чем могу выразить в словах.

— Это трудно доказать, — сказал я.

— В самом деле. Древняя задача.

На том мы и закончили.

После того, как забрали Марка, Миранда замкнулась в себе. Два или три дня она была не в духе. Она пробовала читать, но ей не удавалось как следует сосредоточиться. Хлебные законы лишились своего очарования. Она мало ела. Я варил овощной суп и относил ей наверх. Она ела как больная и после нескольких ложек отодвигала тарелку. За все это время она ни разу не упомянула об угрозе смерти. Она не простила Адаму то, что он выдал ее тайны, как и то, что оповестил социальную службу без ее ведома. Однажды под вечер Миранда попросила, чтобы я остался у нее.

Какое-то время мы просто лежали в постели, обнявшись, а потом целовались. Когда мы занялись любовью, я почувствовал скованность. Я не мог не думать об Адаме, и мне даже казалось, что я чувствую легкий технический запах от постели. У нас не получалось доставить удовольствие друг другу, и в итоге мы, расстроившись, прекратили это дело.

В один из тех дней мы пошли гулять в парк. Она хотела, чтобы я показал ей детскую площадку, где встретил Марка. На обратном пути мы зашли в церковь Святой Троицы. У алтаря три женщины клали цветы. Мы молча сели на заднюю скамью. Мне стало как-то неловко, и я сказал шутливым тоном, что эта церковь имеет достаточно светский вид, чтобы мы могли здесь обвенчаться. Миранда оборвала меня: «Прошу. Не надо». И отвела свою руку от моей. Я обиделся и разозлился на себя. А она казалась возмущенной моими словами. По дороге к дому между нами висело напряжение, которое не исчезло и на следующий день.

Тем вечером я сидел у себя на кухне, утешаясь бутылкой «Минервуа». На улице свирепствовал циклон, шедший через всю страну с Атлантического океана. Порывы штормового ветра

достигали ста двенадцати километров в час. Ливень лупил по окнам, и вода просачивалась сквозь прогнившую раму и стекала в ведро.

Я сказал Адаму:

— У нас с тобой есть незаконченное дело. В чем Миранда обвинила Горринджа?

— Я должен кое-что сказать, — сказал он.

— О'кей.

— Я нахожусь в трудном положении.

— Да?

— Я переспал с Мирандой потому, что она меня попросила. Я не знал, как отказать ей, чтобы она не обиделась, не подумала, что я ее отталкиваю. Хотя понимал, что ты будешь злиться.

— Ты получил хоть какое-то удовольствие?

— Конечно же, получил. Безмерное.

Мне не понравилась такая категоричность, но я не подал виду.

— Я выяснил про Питера Горринджа сам для себя. Она заставила меня поклясться, что я сохраню ее тайну. Затем ты потребовал от меня эти сведения, и мне пришлось рассказать тебе. Точнее, я только начал. Но она услышала и стала злиться. Теперь ты видишь трудность.

— До некоторой степени.

— Служить двум господам.

— Значит, ты не станешь рассказывать мне об этом обвинении?

— Я не могу. Я пообещал во второй раз.

— Когда?

— После того, как забрали мальчика.

Несколько секунд мы молчали, пока я переваривал услышанное.

— И еще кое-что, — сказал Адам.

Низкий свет от лампы, свисавшей над кухонным столом, сглаживал его угловатые черты. Он выглядел настоящим красавцем, принцем крови. На его высокой скуле шевельнулась мышца, а нижняя губа чуть заметно задрожала. Я ждал.

— Я ничего не мог с этим поделать, — сказал он.

И я уже понял, что сейчас услышу, еще до того, как он это сказал. Что за вздор!

— Я люблю ее.

Мой пульс не подскочил, но мое сердце словно куда-то съехало и осталось не в том положении.

— Как ты вообще можешь любить? — спросил я.

— Прошу, не оскорбляй меня.

Но мне этого хотелось.

— У тебя, наверное, какой-то сбой в микропроцессорах.

Он сложил руки, поставил локти на стол и, подавшись вперед, мягко сказал:

— Значит, больше сказать нечего.

Я тоже сложил руки и подался вперед над столом. Между нашими лицами было не больше фута. И я сказал так же мягко:

— Ты ошибаешься. Сказать есть много чего. И для начала вот что. Экзистенциально это не твоя территория. В любом постижимом смысле ты незаконный перебежчик.

Я разыгрывал мелодраму. Я лишь отчасти воспринимал Адама всерьез и получал определенное удовольствие от игры в усмирение строптивого. Когда я говорил, он откинулся на спинку стула и опустил руки по бокам.

— Я понимаю, — сказал он. — Но у меня нет выбора. Я был создан, чтобы любить ее.

— О, перестань!

— Я говорю в буквальном смысле. Я теперь знаю, что она приложила руку к формированию моей личности. У нее, видимо, был план. Это то, что она выбрала. Я клянусь, что сохраню данное тебе обещание, но я не могу не любить ее. И не хочу останавливаться. Как сказал Шопенгауэр о свободе воли, ты волен выбирать все, что пожелаешь, но ты не волен выбирать своих желаний.

Я также знаю, что это была твоя идея — чтобы она приложила руку к тому, чтобы сделать меня таким, какой я есть. В конечном счете, ответственность за эту ситуацию лежит на тебе.

Эту ситуацию? Теперь я, в свою очередь, откинулся на спинку стула. И на минуту погрузился в мысли о нас с Мирандой. У меня тоже не было выбора в любви. Я подумал о соответствующем разделе в руководстве пользователя. О тех страницах, которые я пробежал, почти не глядя, с таблицами и всевозможными диапазонами по шкале от одного до десяти. Параметры личности, которая могла понравиться мне, вызвать обожание, влюбленность или необоримое влечение. Когда мы предавались ночным забавам, Миранда формировала мужчину, который будет неизбежно любить ее. Для этого требовалось определенное самопознание, определенная готовность к действию. Ей было не обязательно испытывать взаимную любовь к такому мужчине, к такой личности. Будь это Адам или я. Она определила нам общую судьбу.

Я встал из-за стола и подошел к окну. Юго-западный ветер продолжал гнать ливень, хлеставший по садовому забору и оконной раме. Ведро на полу было почти полным. Я поднял его и вылил

в раковину. Вода была ясной как джин, как говорят речные рыбаки. И так же ясно виделось мне решение в моей ситуации, по крайней мере, на первое время. Мне нужно было хорошенько все обдумать. Я вернулся с ведром к окну и поставил его на прежнее место. Я собирался совершить разумный поступок. Подойдя к Адаму сзади, я притронулся кулаком к его шее и, нащупав нужную точку, надавил на нее указательным пальцем. В тот же миг Адам обернулся на стуле и схватил рукой мое запястье. Хватка была чудовищной. Но он еще усилил ее, так что я рухнул на колени и сосредоточил всю волю только на том, чтобы не доставить ему удовольствие ни единым моим стоном боли, даже когда услышал, как что-то хрустнуло.

Адам тоже это услышал и тут же отпустил меня и стал извиняться.

— Чарли, я полагаю, что что-то тебе сломал. Я на самом деле не хотел. Честно слово, я сожалею. Тебе очень больно? Но пойми, пожалуйста, я не хочу, чтобы ты или Миранда когда-либо еще касались этой точки.

На следующее утро, проторчав пять часов в очереди на рентген в местном травматологическом отделении, я выяснил, что у меня поврежде-

на важная кость в запястье. Это был сложный закрытый перелом с частичным смещением ладьевидной кости, требовавший нескольких месяцев для заживления.

5

Когда я, ближе к полудню, вернулся из больницы, меня встретила Миранда. Она поджидала меня в прихожей перед своей дверью. Мы успели поговорить по телефону, пока я ждал в очереди на обследование, но я сказал еще не все, и мне хотелось спросить ее кое о чем. Но Миранда сразу отвела меня к себе, и все мои вопросы застряли у меня в горле. Я просто расслабился и отдался ее заботе. Моя рука была в гипсе от локтя до запястья. Когда мы легли в постель и занялись любовью, я защищал руку подушкой. Мы достигли полной гармонии. Хотя бы на какое-то время она была *только моей*, она была активной, чуткой и радостной, как и я. Она была со мной как с человеком, а не просто с мужчиной. Я не смел нарушить расспросами новое возвышенное чувство между нами. Я не мог решиться спросить ее о Питере Горриндже, или о том, что она сказала в суде, или рассказать, что я уже успел выяснить об этом деле, пока сидел в больнице. Я не стал спрашивать, знала ли она, что Адам был «влюблен» в нее, и не добилась ли она этого намеренно

через настройки. Мне не хотелось вспоминать об охлаждении между нами после того, как я упомянул о свадьбе в церкви Святой Троицы. Разве мог я сказать что-либо подобное после того, как она взяла мое лицо в ладони и посмотрела мне в глаза с каким-то изумлением, качая головой?

Но и потом я продолжал молчать, теша себя надеждой, что через полчаса мы снова вернемся в постель, даже несмотря на то что за кофе на кухне Миранда стала опять избегать моих прикосновений. Я радостно полагал, что все вопросы и недоразумения разрешатся позднее. А теперь мы вели деловой разговор о Марке. Мы согласились, что нужно выяснить его дальнейшую судьбу. Миранда также волновалась за Адама. Она считала, что мне следует сдать его в магазин на проверку. Но по-прежнему была настроена взять нас обоих в Солсбери к своему отцу. Я не стал говорить, что перспектива втроем трястись в моей малолитражке вместе с необходимостью весь день приглядывать за Адамом и любезничать с таким непростым и смертельно больным человеком, как ее отец, не внушала мне восторга. Я преисполнился решимости желать того же, чего желала она.

В постель мы не вернулись. Между нами снова

повисло молчание. Я видел, что она опять погружается в собственный мир, и не знал, что сказать. Кроме того, у нее намечался очередной семинар в Королевском колледже. Я решил привести в порядок чувства, прогулявшись по кэмденскому парку, не заходя к себе, чтобы не встречаться с Адамом. Я ходил-бродил два часа. Мое загипсованное запястье чесалось, я думал о Миранде. Я не понимал, как мы могли так плавно перейти от охлаждения к веселью, от настороженности — к экстазу, а после этого — к безличным деловым разговорам. Она меня будоражила, и я не мог понять ее. Возможно, у Миранды имелась какая-то психическая травма. Я был бы рад ошибаться. Должно быть, она знала о любви больше, понимала любовь глубже, чем я. Так что она являла собой силу, но не порожденную природой или тем более воспитанием. Скорее это некий психологический механизм или, лучше сказать, теорема, гипотеза, восхитительная случайность, вроде игры света на воде. Разве в мужском сознании не укоренен старомодный взгляд на женщин как на слепые силы природы? Тогда мог ли я уподобить Миранду парадоксальному доказательству теоремы Евклида? Мне не приходил в голову ни один пример. Однако после получаса

энергичной прогулки я решил, что нашел математическое выражение Миранды: ее психика, желания и мотивы были неуклонны, как простые числа — простые и непредсказуемые. Еще более старомодный прием под видом логики. Я сам себя запутал.

Прохаживаясь по замусоренной траве, я морочил себя трюизмами. Она такая, как есть. Она — это она, и точка! Она осторожна в любви потому, что знает, какой взрывоопасной может быть любовь. Что же касалось красоты Миранды, то я, в силу возраста и влюбленности, воспринимал ее как моральное качество, как оправдание самой себя, как свидетельство внутренней благости, каковы бы ни были ее действия. А действия эти были таковы, что у меня сладко ныло все тело, особенно от талии и до колен, после самого насыщенного чувственного наслаждения, какое мне доводилось испытывать, и я весь сиял его эмоциональным коррелятом.

Гуляя по парку, я прошел по двум дорожкам и остановился посреди обширного пустого пространства. Со всех сторон ощущался простор, и машины обтекали меня словно планеты. Обычно меня угнетала мысль, что в каждой машине находится сгусток волнений, воспоминаний и надежд,

не менее значительных и сложных, чем у меня. Но сегодня я приветствовал и прощал всех и каждого. У всех все будет хорошо. Мы взаимосвязаны в наших личных комедиях, пусть обособленных, но перекликавшихся. Наверняка не только у меня была любовница, которую грозили убить. Но никого другого с загипсованной рукой, у кого был бы робот, грозивший увести любимую, не было.

Я направился домой, на север по главной улице, мимо сгоревшей штаб-квартиры союза англо-аргентинской дружбы и вонючих куч черных мусорных мешков, которые с тех пор, как я их видел, выросли в три раза. На улицы Глазго выпустили двуногих роботов-мусорщиков немецкого производства. Последовал взрыв общественного возмущения: каждый из этих молодцов носил на лице вечную улыбку довольного жизнью работяги. Если Адам мог сложить оригами лодки за считаные секунды, то этим ребятам, должно быть, не составляло большого труда закидывать мешки в зев мусоровоза. Однако, как сообщала Financial times, пыль и грязь вызывали износ коленных и локтевых суставов роботов, а дешевые батареи не выдерживали восьмичасовую рабочую смену. При этом стоимость каждого составляла пятилетнюю зарплату обычного мусорщика. В отличие

от Адама, роботы-мусорщики имели внешний каркас и весили сто шестьдесят килограммов. Во время работы они вышли из строя, и центр Глазго по-прежнему был завален мешками с мусором. А в Ганновере робот-мусорщик вышел задним ходом на проезжую часть перед автономным электрическим автобусом. Трудности начального этапа. Но в нашей части страны рабочая сила была дешевле, и люди бастовали. Всеобщее возмущение переросло в апатию. По радио кто-то заметил, что вонь в Лондоне стала почти такой же привычной, как в Калькутте или Дар-эс-Саламе. Ко всему привыкаешь.

Питер Горриндж. Как только я узнал его имя, уже не составляло труда отыскать материалы о нем, что я и сделал, пока ждал в больнице с распухшим запястьем. Нужные мне статьи были трехлетней давности, и в них говорилось, как я догадывался, об изнасиловании. Имя жертвы, то есть Миранды, не указывалось. В общих чертах этот случай ничем не отличался от тысяч других: алкоголь и разногласия по поводу взаимного согласия. Как-то вечером она пришла в гости к Горринджу, в съемную комнату в центре города. Они были знакомы со школы, которую окончили всего за несколько месяцев до того, но настоящи-

ми друзьями не были. Тем вечером, оказавшись вдвоем, они выпили приличное количество алкоголя и около девяти часов, после обычной прелюдии, чего никто из них не отрицал, он, как говорилось в судебном обвинении, овладел ею. Она пыталась отбиться.

Обе стороны признавали, что совокупление имело место. Однако адвокат Горринджа, предоставленный судом, настаивал, что Миранда была добровольной участницей. Он подчеркивал тот факт, что она не стала звать на помощь в течение якобы имевшего места насилия и покинула жилье Горринджа только по прошествии двух часов, к тому же никому не сообщила об этом в тот вечер — ни полиции, ни родителям, ни друзьям. Но обвинение объясняло это тем, что она находилась в состоянии шока. Миранда сидела на краю кровати, полуодетая, не в состоянии ни двигаться, ни говорить. Она ушла около одиннадцати и сразу отправилась домой, где прошла в свою комнату, не разбудив отца, легла на кровать и плакала, пока не заснула. А следующим утром отправилась в местное отделение полиции.

По версии Горринджа, в истории было больше деталей. Он рассказал суду, что после акта любви они выпили еще водки с лимонадом, и оба они

были навеселе. Она сказала, что, с его позволения, напишет своей новой подруге Амелии о том, что они «замутили». В течение минуты пришел ответ в виде смеющегося смайлика с поднятым большим пальцем. Со стороны защиты случай выглядел предельно просто. Но в телефоне Миранды не нашли такого сообщения. А эта Амелия, которая жила в убежище для проблемных подростков, накануне отправилась в очередное путешествие налегке, не оставив никаких следов. Канадская телефонная компания, абонентом которой была Миранда, отказывалась предоставлять переписку своих клиентов без официального запроса. Но полицейским требовалось выполнить норму по раскрытию изнасилований, и им не терпелось увидеть Горринджа за решеткой. Кроме того, им было известно, в отличие от присяжных, что Горриндж уже привлекался за воровство в магазинах и за нарушение общественного порядка.

Миранда, в свою очередь, настаивала, что у нее нет и не было подруги по имени Амелия и что вся история с перепиской выдумана. Две давние школьные подруги Миранды дали показания в суде, что они никогда не слышали об Амелии. Обвинение сочло бесследно исчезающую беспризорную подругу избитым приемом. Если Аманда

отдыхала на пляже в Таиланде, а Миранда была ее подругой, где же были непременные сообщения с фоточками? И где было исходное сообщение Миранды? И ответный смайлик?

Защита отвечала, что все данные были удалены Мирандой. Если бы суд приостановил делопроизводство и направил запрос в телефонную компанию для предоставления копии переписки британского абонента, все разногласия по поводу инцидента были бы разрешены. Однако судья, в течение всего процесса проявлявший нетерпение и даже раздражительность, не собирался затягивать дело. Защита мистера Горринджа имела в своем распоряжении несколько месяцев, чтобы подготовиться. Суд давно должен был вынести решение. Примечательно замечание судьи, что молодая женщина, пришедшая в комнату к молодому мужчине с бутылкой водки, должна была сознавать возможные риски. В некоторых публикациях, освещавших этот процесс, Горриндж представал форменным негодяем. Он был крупного телосложения, вел себя развязно, сидел на скамье подсудимых развалившись и без галстука. И было похоже, что не испытывал никакого почтения ни к судье, ни к суду, ни к судопроизводству. Присяжные единогласно

склонялись в пользу Миранды. Позже, в заключительной речи, судья выразил сомнение в том, что обвиняемый заслуживал доверия как свидетель. Тем не менее у некоторых журналистов история Миранды вызывала скептическое отношение. Судью критиковали за то, что он не настоял на получении телефонной переписки потерпевшей, с тем чтобы достичь полной ясности в понимании произошедшего.

Неделю спустя, перед вынесением судебного решения, последовала просьба о смягчении приговора. Директор школы, в которой учились Миранда и Горриндж, выступил в защиту обоих бывших учеников, но это им мало помогло. Мать Горринджа, слишком напуганная, чтобы внятно говорить, храбро пыталась оправдать своего сына, но расплакалась на свидетельской трибуне. Что, конечно, не пошло ее сыну на пользу. Горриндж встал и с равнодушным видом выслушал решение суда. Шесть лет. Он покачал головой, как это делают почти все обвиняемые. За примерное поведение в тюрьме срок заключения мог быть сокращен вдвое.

Присяжные заседатели столкнулись с трудным выбором. Кем считать Миранду: жертвой насильника, говорящей правду, или подлой лгуньей? Я

не считал, что угроза Горринджа убить Миранду говорила о его невиновности, о том, что он жаждал возмездия как ложно обвиненный. Виновный мог испытывать не меньший гнев из-за лишения свободы. И если уж он угрожал убить человека, он, несомненно, был способен на насилие.

Кроме того, между этими крайними точками имелась опасная компромиссная позиция, встав на которую бывший студент-антрополог в моем лице мог дать полную волю воображению. Принимая во внимание коварную власть самоубеждения вкупе с бесшабашной молодостью и алкоголем, размывающим память, у Миранды вполне могло возникнуть ощущение, что она подверглась насилию, особенно если после соития ее одолевал стыд; подобным же образом Питер Горриндж мог убедить себя, что все произошло по обоюдному согласию, поскольку он отчаянно этого желал. Но в уголовных судах меч правосудия падал либо на невинных, либо на виновных, но не на обоих сразу.

История с пропавшими текстовыми сообщениями была щекотливой и затейливой, ее можно было легко подтвердить или опровергнуть. Рассказав ее суду, Горриндж, как насильник, мог решить, что ему нечего терять. Дикая выдумка

— и ему все почти сошло с рук. Если же он был невиновен, если сообщения существовали, тогда его подвела система. В любом случае, система подвела себя. Историю следовало проверить. В этом аспекте я принимал сторону скептически настроенных обозревателей. Вина могла лежать на неопытной команде бесплатной судебной защиты, ставшей жертвой слишком большого давления и собственной халатности. Или на полиции, жаждавшей поймать еще одного насильника. И, конечно же, на взбалмошном судье.

Я вышел из парка, повернул на свою улицу и замедлил ход. Теперь я знал столько же, сколько и Адам. Я не говорил с ним с прошлого вечера. После бессонной ночи с больной рукой я рано поднялся и направился в больницу. На кухне я прошел мимо Адама. Тот сидел, как обычно, за столом, заряжаясь. Его глаза были открыты и имели тот безмятежный и отсутствующий вид, который возникал, когда он углублялся в себя. Я простоял перед ним примерно минуту, раздумывая, во что же ввязался, его купив. Адам оказался гораздо сложнее, чем я представлял, и настолько же сложнее оказались мои чувства к нему. Нам следовало выяснить отношения, но я был без сил после двух бессонных ночей, и мне было нужно

в больницу.

Теперь же, возвращаясь с прогулки, я хотел проскользнуть в спальню, принять болеутоляющих и вздремнуть. Но, когда я вошел, передо мной стоял Адам. При виде моей руки, висевшей на перевязи, он вскрикнул, словно от изумления или ужаса. Он приблизился ко мне, раскинув руки.

— Чарли! Я так сожалею. Так сожалею. Какую ужасную вещь я сделал. Честное слово, я не хотел. Прошу тебя, прими, пожалуйста, мои самые искренние извинения.

Казалось, он был готов меня обнять. Я отстранил его здоровой рукой — мне была неприятна его механическая близость — и подошел к раковине. Открыв кран, я нагнулся попить воды. Когда я распрямился, он стоял примерно в метре от меня. Момент извинений миновал. Я намеревался выглядеть расслабленным, но с рукой на перевязи это было не так-то просто. Уперев здоровую руку в бок, я посмотрел ему в глаза, ясно-голубые с черными крапинками. Я все еще не понимал, в чем состояла способность Адама видеть — кто или что осуществляло это видение. Мне представлялись ряды нулей и единиц, посылавшиеся в различные процессоры, которые, в свою очередь, выдавали каскад интерпретаций в другие

центры. Меня не удовлетворяло механистическое объяснение. Оно не выявляло сущностного различия между нами. Я слабо представлял себе, что проходило через мой собственный зрительный нерв и куда это попадало дальше или как импульсы становились цельной самоочевидной видимой реальностью и кто осуществлял за меня мое видение. Только я. В чем бы ни состоял этот процесс, он каким-то хитрым образом ускользал от объяснения, создавая и поддерживая световую часть единственного предмета во всем мире, который мы знаем наверняка, — нашего личного опыта. Трудно было поверить, что Адам обладал чем-то подобным. Легче верилось, что он видит примерно как камера и слышит как микрофон. Там никого не было.

Однако, глядя в его глаза, я стал терять уверенность в этом, поддаваться сомнениям. Несмотря на ясное различие между живым и неодушевленным, нас с ним прочно связывало то, что он так же, как и я, подчинялся физическим законам. Едва ли биология играла в моем человеческом статусе важную роль, и я не мог утверждать, что фигура, стоявшая передо мной, не была живой только из-за отсутствия биологической жизнедеятельности. Усталость путала мысли, уносила

меня в иссиня-черные глубины океана, увлекая к двум различным перспективам: к бесконтрольному будущему, которое мы создавали сами, где мы могли бы, наконец, растворить наши биологические сущности, и в то же время к древнему прошлому новорожденной вселенной, где простиралось, теряясь вдали, общее наследие в виде скал, газов, веществ, элементов, сил, энергетических полей — для нас обоих, почвы для сознания в любой мыслимой форме.

Я выплыл из забытья и вздрогнул. Я столкнулся с непосредственной и неприятной ситуацией и не был настроен воспринимать Адама как своего брата или хотя бы как отдаленного родственника, сколько бы в нас с ним ни было общей звездной пыли. Я невольно противостоял ему. Я заговорил. Я рассказал, как стал обладателем большой суммы после смерти матери и продажи ее дома. Как я решил вложить эти деньги в грандиозный эксперимент, купив искусственного человека, андроида, репликанта, — уже не помню, каким именно определением воспользовался. В его присутствии любое из них звучало оскорбительно. Я назвал ему точную сумму, уплаченную за него. А затем поведал о том вечере, когда мы с Мирандой внесли его на носилках в дом, распаковали, заря-

дили, как я заботливо выделил ему свою одежду и мы с Мирандой стали обсуждать формирование его личности. Пока я все это рассказывал, я не вполне понимал, зачем это делаю и почему говорю так поспешно.

Только дойдя до сути, я понял, зачем говорю все это. Суть была в следующем: я купил его, он был моим, я решил разделить владение им с Мирандой, и это нам с ней — и только нам — решать, когда его отключить. Если он будет возражать или тем более причинит кому-либо вред, как прошлой ночью, ему придется вернуться к производителю для корректировки. Под конец я сказал, что это было мнение Миранды и что она высказала его в тот же день, перед тем как мы с ней занялись любовью. Я намеренно и цинично сообщил ему эту интимную подробность.

Он выслушал меня, сохраняя спокойствие и время от времени моргая, не отводя взгляда. Когда я завершил свою речь, он с полминуты никак не реагировал, и я уже подумал, что говорил слишком быстро или сбивчиво. Внезапно он ожил (он ожил!), опустил взгляд на свои ноги, повернулся и отошел на несколько шагов. Затем обернулся ко мне, собрался было заговорить, но передумал. Поднял руку и потер подбородок. Что

за игра. Просто блеск. Я был готов выслушать его с самым искренним вниманием.

Адам заговорил наидобрейшим, проникновеннейшим голосом:

— Мы любим одну женщину. И можем говорить об этом цивилизованно, как ты сейчас говорил. Что убеждает меня в том, что мы преодолели тот этап в нашей дружбе, когда один из нас имеет власть приостанавливать сознание другого.

Я ничего не сказал, и он продолжил:

— Вы с Мирандой мои старейшие друзья. Я люблю вас обоих. Мой долг быть открытым и бережным с вами. Я выражаю это, когда говорю, как сожалею, что сломал кусочек тебя прошлой ночью. Я обещаю, что такого больше никогда не повторится. Но в следующий раз, когда ты потянешься к моему выключателю, я буду несказанно рад вырвать тебе руку целиком, в шаровидном суставе.

Он сказал это так по-доброму, словно предлагая помощь в трудном деле.

— Будет кровища, — сказал я. — И летальный исход.

— Вовсе нет. Есть способы сделать это чисто и безопасно. В Средние века такое умение было доведено до совершенства. Гален первым описал

это. Здесь главное скорость.

Он проговорил это с улыбкой.

— Что ж, оставь мне мою здоровую руку.

И он начал смеяться. Вот, значит, какой оказалась его первая шутка, и я ее поддержал. Я был жутко измотан, и это неожиданно показалось мне дико смешным.

Когда я прошел мимо него в спальню, он сказал:

— Серьезно. После вчерашнего я принял решение. Я нашел способ вывести из строя выключатель. Так будет проще всем нам.

— Хорошо, — сказал я, не вникая в суть сказанного. — Очень разумно.

Я вошел в комнату и закрыл дверь. Снял туфли и повалился спиной на кровать, заходясь тихим смехом. И через пару минут, забыв про болеутоляющие, провалился в сон.

* * *

Следующим утром мне исполнилось тридцать три. Весь день лил дождь, и я проработал девять часов, не выходя из дома. Впервые за много недель мой доход за день составил трехзначную цифру — всего-навсего. В семь вечера я встал из-за стола, потянулся, зевнул, заглянул в гарде-

роб в поисках чистой белой рубашки и принял ванну. Загипсованную руку пришлось свесить за край, чтобы гипс не размок, но в остальном я был в хорошей форме. Я лежал в теплой воде, от которой шел пар, и напевал битловские песни, новых старых битлов, отдававшиеся эхом от кафельных стен, и время от времени поворачивал ногой горячий кран. Я намылился одной рукой. Что было непросто. Тридцать три казались не менее значимым рубежом, чем двадцать один, и Миранда приглашала меня на обед. Мы встречались в Сохо. Простая перспектива провести с ней вечер наедине вызывала во мне душевный подъем. Очертания моего тела в клубах пара вселяли в меня уверенность. И мой член, торчавший из воды, приятельски мне подмигивал. Все было как надо. Мускулатура пресса и ног придавала мне молодцеватый, даже геройский вид. Я беззастенчиво любовался собой и, должен признаться, давно не чувствовал себя таким счастливым. Весь день я старался не думать об Адаме, и у меня почти получалось. Все это время он сидел на кухне, как и сейчас, «в раздумьях». Мне было все равно. Я запел громче. Одни из самых приятных моментов между двадцатью и тридцатью годами были связаны у меня с марафетом перед

выходом куда-то. Предвкушение желанного события давало даже более острые ощущения, чем само событие. Освобождение от работы, ванна, музыка, чистая одежда, белое вино, может быть, затяжка травкой. И вот, я выходил в вечерний город — свободный и голодный.

Когда я вылез из ванной, подушечки пальцев у меня здорово сморщились. Я где-то читал, что это атавизм, доставшийся нам от водолюбивых предков, ловивших рыбу руками. Я не верил такому объяснению, но оно мне нравилось, его откровенная бездоказательность. Мы ведь не ловили рыбу ногами, а пальцы на ногах морщились не меньше. Одевался я в спешке. Проходя через кухню мимо Адама, я ничего не сказал — он сидел с безразличным видом — и взял зонтик, чтобы пройти несколько сотен метров по убогой улочке, на которой я держал свою колымагу. Эта короткая прогулка быстрым шагом обычно нагоняла депрессию, заставляя сокрушаться о моей незавидной участи. Но не в тот раз.

Моя машина была выпущена в середине шестидесятых, британская «Лейланд Урбала», первая модель, способная делать тысячу миль на одной зарядке. На счетчике у нее было триста восемьдесят тысяч миль. Ее понемногу сжирала ржавчина,

особенно вокруг колес. Зеркал на крыльях не было, уже когда я ее купил. На водительском сиденье красовалась длинная белая прорезь, а часть руля — от одиннадцати до трех — отсутствовала. Много лет назад одну девушку стошнило после забористых блюд индийского ресторана на заднем сиденье, и даже профессиональная химчистка была не в силах вывести запах карри виндалу. Протиснуться на заднее сиденье двухдверной «Урбалы» и можно было только при большом желании. Но движок у нее был практически неубиваемый, и она бегала плавно и быстро. А автоматическая передача позволяла управление одной рукой.

Я поехал по обычному маршруту и напевал всю дорогу, до парка Воксхолл и дальше вниз по течению, справа вдоль реки, мимо Ламбетского дворца и заброшенной больницы Святого Фомы, где ютились десятки, если не сотни бездомных. Дворник на ветровом стекле с водительской стороны двигался не чаще раза за десять секунд. Дворник с пассажирской стороны дергался в произвольном ритме. Я пересек Темзу по мосту Ватерлоо — лучшие виды на город с любой стороны, — после чего съехал с дороги в извилистый трамвайный тоннель и, преодолев с триумфом

все его повороты, выскочил в Холборне — не самый короткий путь в Сохо, но мой любимый. Я выводил высоким тенором новую песню Леннона. Что все это значило? Мне тридцать три, и я влюблен. Во мне бурлил немыслимый коктейль гормонов, эндорфинов, дофамина, окситоцина и тому подобного. Причина, следствие или взаимодействие — наука знала о смене наших настроений всего ничего. Казалось сомнительным, чтобы они всегда имели материальную основу. В тот конкретный вечер я не притронулся ни к травке, ни к вину — в доме ничего такого не было. За день до того мне уже было почти тридцать три, и я точно так же любил Миранду — однако не чувствовал себя подобным образом. А то, что я с утра заработал сто четыре фунта, явно не объясняло моего душевного подъема. Мне бы волноваться из-за вчерашнего разговора с Адамом про его выключатель, из-за всех вопросов, которые я не решался затронуть с Мирандой, и из-за моего запястья. Но мое настроение менялось, словно по броску игральной кости. Химическая рулетка. Свободная воля ретировалась — и вот он, я, наслаждаюсь свободой.

Я припарковался с краю Сохо-сквер. Мне был известен трехметровый зазор, где желтая полоса

была нарисована по ошибке, и там можно было ставить машину. Мало кто знал, как туда вписаться. Наш ресторан — однокомнатная коробка с резким неоновым светом — располагался на Грик-стрит, через несколько дверей от знаменитого «Эскарго». Там было всего семь столов. Крохотная открытая кухня была устроена в углу, за матово-стальной стойкой, где трудились два повара в белых халатах, потея в тесноте. Помимо них, там были посудомойка и официант, обслуживавший клиентов и убиравший со столов. Чтобы забронировать место, нужно было знать шеф-повара или кого-то, кто его знал. У Миранды была подруга, которая перенесла свою бронь. Для малолюдного вечера достаточно.

Когда я вошел, Миранда уже ждала меня за столом, глядя на дверь. Перед ней стоял нетронутый бокал минералки. Кроме того, на столе лежал небольшой пакет, перевязанный зеленой лентой. А рядом, на стойке, охлаждалась в ведерке со льдом бутылка шампанского с горлышком, обвязанным белой салфеткой. Официант откупорил бутылку и удалился. Миранда выглядела необычайно элегантно, при том, что весь день она училась и вышла из дома в джинсах и футболке. По-видимому, взяла с собой сумку с одеждой и

макияжем. Она была в черной юбке-карандаше и приталенном черном пиджаке с широкими плечами и серебряной канителью. Я впервые видел ее накрашенной. Темно-красная помада уменьшала ее губы, оставляя края нетронутыми, а пудра скрывала веснушки на переносице. Мой день рождения! Как только я вошел под яркий электрический свет и закрыл за собой стеклянную дверь, на меня вдруг нашла восхитительная отрешенность. Моя любовь к Миранде ничуть не померкла, это было невозможно. Но это чувство больше не вызывало у меня ни тревоги, ни отчаяния. Я вспомнил трюизмы, занимавшие меня накануне. И вот, передо мной сидела Миранда, и кем бы она ни была, я это выясню и приму ее сторону, что бы ни произошло. Я подумал, что могу любить ее и не страдать по этому поводу.

Все это пронеслось у меня в уме вспышкой, пока я протискивался мимо двух столов, облепленных людьми. Миранда подала мне правую руку, не вставая, и я, слегка паясничая, нагнулся над ней и поцеловал. Когда я уселся, она с явным сочувствием окинула взглядом мою руку в гипсе.

— Бедняжка.

Подошел серьезный официант с бокалами — на вид ему было не больше шестнадцати — и напол-

нил их, убрав одну руку за спину. Профессионал.

Когда мы подняли бокалы, я сказал:

— Чтобы Адам больше ничего мне не сломал.

— Как-то скромновато.

Мы рассмеялись, и за другими столами словно подхватили наш смех и грохнули все разом. Мы попали в чумовое местечко. Она не знала, много ли я знаю о ней. Я же не знал, чему из известного мне можно верить — жертва она или виновница преступления. Но это было не важно. Мы любили друг друга, и я был уверен, что, какой бы ни оказалась правда, для меня это ничего не изменит. Нас поведет любовь. С таким настроем мне было легче задать ей один из вопросов, которыми я боялся испортить наши отношения. Я уже приготовился пространно поведать, как была сломана моя ладьевидная кость, когда она взяла мою здоровую руку в свои, приподняв над белой скатертью, и сказала:

— Вчера все было изумительно.

Моя голова уплыла в облака. Как будто Миранда предложила заняться любовью в общественном месте, прямо сейчас, через стол.

— Мы можем поехать домой прямо сейчас.

Она забавно стрельнула глазами.

— Ты еще не открыл подарок.

Она подвинула ко мне пакет указательным пальцем. Пока я открывал его, официант снова наполнил наши бокалы. В пакете была простая картонная коробочка. Внутри лежала металлическая штука в форме буквы Z с ребристыми внешними краями. Механический эспандер.

— Когда снимешь гипс.

Я встал из-за стола, подошел к ней и поцеловал. Кто-то сказал «ой-ой». А кто-то еще загавкал. Мне было все равно. Вернувшись на место, я сказал:

— Адам говорит, он отключил свой выключатель.

Она подалась вперед, сразу посерьезнев.

— Ты должен вернуть его в магазин.

— Но он любит тебя. Он мне сказал.

— Ты смеешься надо мной.

— Если ему требуется перепрограммирование, — сказал я, — это к тебе он должен прислушаться.

— Как он может говорить о любви? — жалобно спросила она. — Это безумие.

Наш официант кружился поблизости и слышал мои слова, хотя я пробормотал их скороговоркой:

— Ты помогла сделать его таким — типом, который влюбляется в первую женщину, пере-

спавшую с ним.

— О, Чарли!

Вмешался официант:

— Вы уже выбрали, или мне подойти попозже?

— Подождите минутку.

Прошла пара минут, пока мы просматривали меню и обсуждали блюда. Я заказал наобум бутылку двенадцатилетнего от-медок. Затем меня осенило, что я сам буду оплачивать праздничный стол. И тогда я сказал официанту, что передумал, и заказал двадцатилетнюю бутылку того же.

Официант удалился, и мы остались вдвоем, наедине со своими мыслями.

— Ты с кем-нибудь еще встречаешься? — спросила Миранда.

Это ошеломило меня, и я впал в ступор, не зная, как лучше ответить. Одновременно я заметил, что шеф-повар, который был также владельцем ресторана, вышел из-за стойки и направился между столами к входу. За ним пошел официант. Я обернулся и увидел за окном двух человек на тротуаре. Один из них складывал зонтик.

Миранда, должно быть, решила, что я уклоняюсь от прямого ответа, и сказала:

— Просто будь честен со мной. Я не против.

Но я видел, что она очень даже против; я по-

смотрел ей в глаза и сказал:

— Конечно, нет. Ты единственная, кто меня волнует.

— Даже при том, что я целыми днями на учебе?

— Я работаю и думаю о тебе.

Я почувствовал сквозняк на шее. Миранда перевела взгляд на дверь, и я тоже посмотрел туда. Шеф помог двум пожилым мужчинам снять плащи и отдал их официанту. Гостей провели к столу. Тот, что повыше, с серебристыми волосами, гладко зачесанными назад, был в коричневом шелковом шарфе, свободно повязанном вокруг шеи, и щеголеватом мягком пиджаке. Перед ним отодвинули стул, и прежде чем сесть, он осмотрелся и кивнул. Никто как будто не обращал на него внимания. Его элегантный богемный стиль был вполне типичен для Сохо. Но я был заинтригован.

Я повернулся к Миранде, все еще под впечатлением от ее странного вопроса, и накрыл ее ладони своей рукой.

— Ты знаешь, кто это?

— Без понятия.

— Алан Тьюринг.

— Твой герой.

— И Томас Ри, физик. Он открыл петлевую квантовую гравитацию. Можно сказать, в одиночку.

— Так, иди, поздоровайся.

— Я буду некстати.

Так что мы вернулись к вопросу о том, что я больше ни с кем не встречаюсь, и как только Миранда почувствовала, что ей не о чем беспокоиться, мы перешли к Адаму и к тому, как нам быть в связи с его нежеланием отключаться. Миранда предложила спрятать зарядные кабели, чтобы он истратил всю энергию и не мог сопротивляться. Но я напомнил ей, как Адам за пару секунд сложил лодку из пачки овсянки. Он найдет замену кабелю за пару минут. Я с трудом удерживал внимание на теме разговора. Мне виделся ореол вокруг ее головы и плеч, и я мечтал, как мы останемся вдвоем и начнем восхождение по плавной кривой к экстазу. Но, несмотря на мою поглощенность Мирандой, я не мог не думать о том, что нахожусь в одном помещении с великим человеком. Его величие обозначилось еще до Второй мировой войны, в изящных рассуждениях об универсальной вычислительной машине, затем раскрылось в первые годы вой-

ны, в Блечли-парке[31], и расцвело в его работе в области морфогенеза, принесшей ему славу и почет в его преклонные годы. Он был самым выдающимся англичанином нашего времени, величаво и свободно шедшим по жизни вместе с любимым мужчиной. Он выглядел как пожилая рок-звезда, как гениальный художник или актер, получивший рыцарство. К сожалению, он сидел у меня за спиной, поэтому я не мог взглянуть на него незаметно. И я сохранял приличия. Чтобы отвлечься, я занимал себя тревожными вопросами, которые нам еще предстояло обсудить с Мирандой, — прежде всего, солсберийский суд и угрозу смерти. Где же была моя храбрость, если мне не хватало решимости поднять эти вопросы, непрестанно меня мучившие?

— Ты меня даже не слушаешь.

— Слушаю, слушаю. Ты сказала, у Адама шарики за ролики заехали.

— Я не это сказала. Идиот. Но с днем рождения.

Мы снова подняли бокалы. Это вино разлили

---

[31] Примечания: 31

Блечли-парк — поместье в Бакингемшире, в Англии, где в годы Второй мировой войны размещался британский Центр правительственной связи (GCHQ), занимавшийся расшифровкой секретных сообщений гитлеровской коалиции. В числе ведущих специалистов работал Алан Тьюринг, внесший важный вклад в расшифровку немецких кодов «Энигма» и «Лоренц».

в бутылки, когда Миранде было два года, а мой отец перешел от свинга к бибопу.

Мы были довольны едой, но устали ждать, когда принесут счет, и решили выпить коньяку на дорожку. Официант принес нам двойные порции за счет заведения. Миранда снова заговорила о болезнях отца. Ему поставили новый диагноз — вялотекущая лимфома. Но вероятность того, что он от нее умрет, была невелика. У него имелось достаточно других недугов, чтобы умереть от них. Однако теперь отец принимал новые таблетки, от которых делался жизнерадостным и самоуверенным, даже сумасбродным. Он строил абсурдные планы. Он хотел продать дом в Солсбери и купить квартиру в Нью-Йорке, в Ист-Виллидж, только Миранда подозревала, что в сознании отца это был Ист-Виллидж его молодости. В приливе самоуверенности он подписал контракт на написание подарочной книги-альбома о птицах в британском фольклоре — громадный проект, который он ни за что не осилит, даже имея в команде постоянного научного консультанта. По нелепой прихоти он вступил в радикальную политическую группировку, ставившую целью выход Британии из Евросоюза. И подал свою кандидатуру на пост казначея в своем лондонском

клубе, «Атенеуме».[32] Каждый день отец названивал Миранде и сообщал ей о новых планах. И чем больше я слушал, тем мрачнее мне виделся предстоящий визит. Но я ничего не сказал.

Наконец мы встали и накинули куртки. Миранда направилась к выходу первой. Пробираясь между столами, мы прошли мимо Тьюринга. Я заметил, что из еды перед именитыми гостями было лишь блюдо с орехами, почти полное. Они пришли за выпивкой и общением. В ведерке со льдом виднелась начатая бутылка голландского женевера, а на столе стояло серебряное блюдо с кубиками льда и два высоких хрустальных бокала. Я был впечатлен. Буду ли я в семьдесят таким щеголем? Тьюринг смотрел прямо на меня. Возраст вытянул его лицо и подчеркнул скулы, обозначив в нем какое-то звериное проворство. Через много лет мне встретится его призрак в фигуре художника Люсьена Фрейда. Как-то раз я увидел его поздним вечером, выходящим из ресторана «Уолсли» на Пиккадилли. Та же легкость и подтянутость в пожилые годы, причина которой была, казалось, не столько в здоровом

[32] Примечания: 32

Частный клуб в Лондоне, основанный в 1824 году, для интеллектуалов, в первую очередь для профессоров и докторов различных наук и искусств.

образе жизни, сколько в творческом голоде.

Решение за меня принял коньяк. Я приблизился, как приближались миллионы до меня, к знаменитости в общественном месте, с подчеркнутой почтительностью, скрывающей самовлюбленность, пробуждаемую подлинным восхищением. Тьюринг взглянул на меня и отвел взгляд. Общением с поклонниками занимался Ри. Я был недостаточно пьян, чтобы преодолеть смущение, и пробормотал шаблонное обращение.

— Мне, правда, неловко встревать. Я только хотел выразить огромное восхищение вашей работой.

— Это очень мило, — сказал Ри. — Как вас зовут?

— Чарли Фрэнд.

— Очень приятно с вами познакомиться, Чарли.

В воздухе висело напряжение, и я не стал дальше тянуть.

— Я прочитал, что у вас имеется один из Адамов или Ев. У меня тоже. Мне интересно, не возникало ли у вас каких-то проблем с…

Я замер, поскольку Ри посмотрел на Тьюринга, и тот уверенно качнул головой.

Я вынул свою визитку и положил на стол. Ни

один из них на нее не взглянул. И я отчалил, пробормотав извинение. Миранда была рядом. Когда мы вышли на улицу, она взяла меня за руку и с чувством сжала ладонь.

* * *

В ее любви
Вселенной возрожденье.
Люби вселенную!

Это было первое из стихотворений Адама, которое он мне прочитал. Однажды, часов в одиннадцать утра, он без стука вошел ко мне в спальню, когда я сидел за компьютером, надеясь извлечь выгоду из нестабильности на валютном рынке. Как я заметил, на Адаме была одна из моих водолазок. Должно быть, взял из гардероба. Он встал в квадрат света, падавший на коврик из окна, и заявил, что сочинил стихотворение, которое должен немедленно прочитать мне. Я повернулся к нему на стуле в ожидании.

Когда он закончил, я сказал довольно холодно:

— Хотя бы короткое.

Он скривился.

— Это хайку.

— А. Девятнадцать слогов?

— Семнадцать. Пять, потом семь и снова пять. А вот еще.

Он сделал паузу и поднял взгляд к потолку.

Целуй пространство,

Где она прошла к окну.

Заполнив время.

— Пространство-время? — сказал я.

— Да!

— О'кей. Еще одно. И мне надо работать.

— У меня их сотни. Но погоди…

Он вышел из квадрата света и, подойдя к моему столу, взял в руку мышку.

— Эти два ряда цифр, — сказал он. — Разве ты не видишь? Пересечения кривых Фибоначчи. Высока вероятность, что если ты купишь здесь и подождешь… А потом продашь. Смотри. Ты сделал тридцать один фунт.

— Ну-ка повтори.

— Лучше подождать.

— Тогда озвучь мне еще одно хайку и уходи.

Он вернулся в квадрат света.

Ты и тот момент,

Когда я тронул твои…

— Я не хочу это слушать.

— Мне не следует показывать ей это?

Я испустил вздох, и он пошел из комнаты. Когда он был у двери, я сказал:

— Вымой кухню и ванную, будь добр. Трудновато делать это одной рукой.

Он кивнул и удалился. Несмотря на приближавшееся освобождение Горринджа, в нашем домашнем хозяйстве установился некоторый мир, или стабильность. Я относительно расслабился. Адам не оставался наедине с Мирандой, а я проводил с ней каждую ночь. Я был уверен, что он будет держать обещание. Несколько раз он говорил мне о своей любви к ней, но я не возражал против такого целомудренного проявления чувства. Он сочинял в уме стихи и там же хранил их. Ему хотелось говорить со мной о Миранде, но обычно я обрывал его. Я не решался пытаться отключить Адама, да в этом и не было необходимости. Я отказался от идеи вернуть его в магазин. Любовь как будто смягчила его. И по неведомой мне причине он стал нуждаться в моем одобрении. Возможно, вследствие чувства вины. Но в целом он стал покладистым и послушным. Я вел себя осторожно из-за руки и сохранял бдительность, но напрасно. Я напоминал себе, что Адам по-прежнему представлял собой мой экспери-

мент, мое приключение. И этот эксперимент не должен был проходить без сучка без задоринки.

Вместе с любовью в Адаме вспыхнула интеллектуальная одержимость. Он непременно делился со мной своими новыми идеями, теориями, афоризмами и мыслями о прочитанном. В какой-то момент он решил освоить квантовую механику. Всю ночь во время зарядки он размышлял над математическими трактовками квантовых феноменов и основными трудами в этой области. Он прочитал дублинские лекции Шредингера «Что такое жизнь?» и решил для себя, что он живой организм. Он прочитал материалы знаменитого Сольвеевского конгресса 1927 года, когда светила физики собрались, чтобы обсудить фотоны и электроны[33].

— Там сказано, что на первых сольвеевских собраниях происходил самый существенный обмен идеями о природе за всю историю научной мысли.

Я готовил завтрак. Не прерывая своего занятия, я заметил, что когда-то читал, что пожилой Эйн-

---

[33] Примечания: 33

На этом конгрессе состоялась дискуссия между Эйнштейном и Нильсом Бором по поводу противоречий между классической и квантовой физикой, вследствие чего в науку вошло утверждение о наличии индетерминизма на субатомном уровне, что ознаменовало величайший переворот в физике XX века.

штейн, работая в Принстоне, начинал каждый день с того, что жарил яйца на сливочном масле, и что теперь я в честь Адама жарю себе целых два яйца.

— Говорят, — сказал Адам, — что Эйнштейн так и не сумел постичь того, что сам же начал. Сольвеевский конгресс был для него полем боя. Один против всех, бедняга. Против совсем молодых ребят. Но это было несправедливо. Этих волчат не заботило, что собой представляет природа, а только то, что можно о ней сказать. Тогда как Эйнштейн считал, что наука невозможна без веры во внешний мир, независимый от наблюдателя. Он считал, что квантовая механика была не столько ошибочной, сколько неполной.

И Адам дошел до этого за одну ночь. Я вспомнил собственные краткие и запутанные отношения с физикой в колледже, до того как я нашел тихую гавань в антропологии. Пожалуй, я завидовал Адаму, особенно когда узнал, что он одолел уравнение Дирака. Я ответил ему словами Ричарда Фейнмана: если кто-то считает, что понимает квантовую теорию, он ее не понимает.

Адам покачал головой и сказал:

— Мнимый парадокс, если это вообще парадокс. Десятки тысяч понимают ее, миллионы

извлекают из нее пользу. Это вопрос времени, Чарли. Когда-то общая теория относительности считалась запредельно трудной. Теперь первокурсники воспринимают ее в порядке вещей. Так же было и с математическим анализом, который теперь изучают четырнадцатилетки. Когда-нибудь и квантовая механика станет всеобщим достоянием.

Я слушал это, поедая яичницу. Адам сварил кофе. Слишком крепкий.

— О'кей, — сказал я. — А что насчет того сольвеевского вопроса? Квантовая механика описывает природу, или это просто эффективный способ предсказывать явления?

— Я бы встал на сторону Эйнштейна, — сказал он. — Мне непонятны сомнения по этому поводу. Квантовая механика делает прогнозы с такой поразительной точностью, что она должна разбираться в природе. Для существ столь огромных размеров, как мы, материальный мир выглядит расплывчато и кажется трудным. Но теперь мы знаем, сколько в нем удивительного и чудесного. Так что нас не должно озадачивать, что сознание — как твое, так и мое — возникает из материи определенного рода. Это не более странно, чем должно быть. И у нас нет ничего другого, чтобы

объяснить, как материя может думать и чувствовать. — И после паузы Адам добавил: — За исключением лучей божественной любви. Но в таком случае можно исследовать эти лучи.

На другое утро после того, как он сообщил мне, что всю ночь думал о Миранде, он сказал:

— Я также думал о зрении и смерти.

— Продолжай.

— Наше зрение ограничено. Мы не видим, что происходит за нашей головой. Мы даже не видим собственный подбородок. Наш охват зрения составляет, скажем, почти сто восемьдесят градусов, учитывая периферийное восприятие. Но странно, что при этом нет никаких границ, краев. Нет такого, чтобы здесь мы видели, а здесь была чернота, как в бинокле. Нет четкой границы между чем-либо и ничем. То, что мы имеем, — это поле зрения, а за ним меньше, чем ничто.

— И?

— И это как смерть. Меньше, чем ничто. Меньше, чем чернота. Граница зрения дает хорошее представление о границе сознания. Жизнь, а затем смерть. Это предощущение, Чарли, и оно с нами весь день.

— Тогда нам нечего бояться?

Он поднял обе руки и встряхнул ими, словно

потрясая невидимым трофеем.

— Именно так! Меньше, чем нечего бояться!

Не пытался ли он таким образом справиться со страхом смерти? Его жизненный цикл составлял порядка двадцати лет. Я спросил Адама об этом, и он сказал:

— В этом различие между нами, Чарли. Части моего тела будут преобразованы или заменены. Но мой разум, мои воспоминания, жизненный опыт, самосознание и так далее будут перезагружены и сохранены. Они принесут пользу.

Помимо этого безответная любовь разжигала в Адаме страсть к поэзии. Он написал более двух тысяч хайку, из которых продекламировал около дюжины — однотипных и неизменно посвященных Миранде. Поначалу мне был интересен творческий потенциал Адама. Но довольно скоро сама форма хайку мне наскучила. Их красивость, нарочитая отстраненность и нетребовательность к автору — эта неизменная игра в тайну-хлопка-одной-ладони. Две тысячи! Меня возмущало само это количество — Адам освоил алгоритм и штамповал их как гайки.

Все это я высказал, когда мы гуляли по задворкам Стокуэлла в рамках ежедневной программы расширения социальных навыков Адама. Мы уже

побывали в магазинах и пабах, даже проехались на метро до Грин-парка, где посидели на траве среди отдыхающей публики.

Возможно, я высказался слишком резко. Я сказал, что хайку могут угнетать однообразием. Но я также подбодрил его. Пора переходить к новой форме. У Адама имелся доступ ко всей мировой литературе. Так почему бы не попробовать писать стихи четверостишиями, необязательно в рифму. Или даже рассказы, а потом и роман?

Тем же вечером он обратился ко мне:

— Если ты не против, я готов обсудить твои предложения.

Незадолго до того я вышел из душа, оделся в чистое и собирался наверх, так что мне было слегка не до Адама. На столе стояла бутылка помероля, которую я собирался взять с собой. Мне требовалось кое-что обсудить с Мирандой. Горринджу должен был выйти на свободу через семь недель. А мы все еще не решили, что делать. Была идея задействовать Адама в качестве телохранителя, но это внушало мне тревогу — я ведь нес юридическую ответственность за все его действия. Миранда снова наведалась в полицейский участок. Детектив, ездивший к Горринджу в тюрьму, уже не работал там. Дежурный сержант

записал ее показания и посоветовал в случае неприятностей звонить в службу экстренного реагирования. Она высказала опасение, что может не справиться, если ее приложат дубинкой. Но сержант не уловил юмора. Он посоветовал ей не дожидаться такого и позвонить заранее.

— Когда увижу, как он идет по саду с топором?

— Да. И не открывайте ему дверь.

Она обратилась к адвокату с просьбой добиться судебного запрета на приближение к ней. Но адвокат не гарантировал успеха, да и, в любом случае, польза такого запрета была сомнительна. Она попросила отца никому не сообщать ее адрес. Но Максфилду хватало своих забот, и она боялась, что он забудет ее просьбу. Нам оставалось только надеяться, что Горриндж действительно пошутил и что в случае чего присутствие Адама его отпугнет. Когда я спросил Миранду, насколько на самом деле опасен Горриндж, она сказала, что он «отморозок».

— Опасный отморозок?

— Отвратный отморозок.

Так что я был не в том настроении, чтобы беседовать с Адамом о поэзии.

— Мое мнение таково, — сказал он, — что хайку — это поэтическая форма будущего. Я хочу усо-

вершенствовать и обогатить ее. Все, что я пока сделал, — это своего рода разминка. Мое отрочество. Когда я изучу наследие мастеров и пойму больше, особенно когда постигну силу *кирэдзи*, режущего слова, противопоставляющего одну часть хайку другой, тогда начнется моя настоящая работа.

Я услышал, как наверху зазвонил телефон, и Миранда прошла через комнату у меня над головой.

— Тебе, как человеку мыслящему, — сказал Адам, — интересующемуся антропологией и политикой, едва ли близок оптимизм. Но помимо расхолаживающих фактов человеческой природы и общества и ежедневных плохих новостей могут происходить мощные процессы, положительные преобразования, которые упускают из виду. Мир сейчас так взаимосвязан, при всей своей сумбурности, и перемены настолько повсеместны, что прогресс сложно увидеть. Не хочу бахвалиться, но одна из таких перемен стоит прямо перед тобой. Область применения разумных машин настолько огромна, что мы даже не представляем себе, *что* ваша цивилизация привела в движение. Есть опасения, что жизнь с существами, превосходящими вас по разуму,

будет вызывать шок и обиду. Но ведь и так почти каждый знает, что есть кто-то умнее его. Кроме того, вы себя недооцениваете.

Я слышал, как Миранда говорит по телефону. Она была встревожена. За разговором она ходила взад-вперед по комнате. Адам делал вид, что ее не слышит, но я знал, что он ловит все звуки.

— Вы не допустите, чтобы кто-то вас превзошел. Как вид вы чрезвычайно склонны к конкуренции. Даже сейчас есть парализованные пациенты с электродами, вживленными в моторную кору мозга, которые могут просто подумать о действии — и поднять руку или согнуть палец. Это скромное начало, и вам предстоит решить много проблем. Вы их, конечно, решите, и когда это произойдет, когда мозго-машинный интерфейс станет эффективным и общедоступным, вы объединитесь со своими машинами как партнеры в неограниченной экспансии разума и сознания в целом. Колоссальный интеллект, прямой доступ к глубокой моральной проницательности и всему комплексу знаний, но самое главное — прямой доступ друг к другу.

Шаги Миранды наверху прекратились.

— Это может стать концом умственного личного пространства. Вероятно, вы не станете жалеть

об этом в свете огромных выгод. Ты можешь спросить, какое отношение все это имеет к хайку. А вот какое. С тех пор, как я здесь оказался, я изучаю литературу самых разных стран. Богатейшие традиции, грандиозная проработка…

Дверь в спальню Миранды закрылась; она стремительно прошла через общую комнату, снова хлопнула дверью, и я услышал, как она спускается по лестнице.

— За исключением лирической поэзии, прославляющей любовь или природу, почти вся литература, которую я читал…

В замке повернулся ключ, и перед нами появилась Миранда. Ее лицо светилось нездоровым возбуждением. И она старалась, как могла, чтобы голос не выдал паники.

— Я только что говорила с отцом. Горринджа выпустили досрочно. Три недели назад. Он был в Солсбери, в нашем доме, прошел мимо домработницы и вытряс из отца мой адрес. Возможно, он едет сюда прямо сейчас.

Она опустилась на ближайший кухонный стул. Я тоже присел. Адам обдумал услышанное и кивнул. После чего продолжил речь:

— Едва ли не все прочитанные мной образцы мировой литературы рассматривают всевозмож-

ные человеческие неудачи: в понимании, здравомыслии, мудрости, должных симпатиях. Неудачи в познании, честности, доброте, самосознании; поразительные картины убийств, жестокости, алчности, глупости, самообмана, но больше всего — глубочайшего взаимонепонимания. Конечно, показаны и добродетели, а также героизм, благородство, мудрость, правда. Из этого богатого переплетения выросли литературные традиции, расцветая подобно диким цветам в знаменитой изгороди Дарвина. Романы полны напряжения, интриг и насилия так же, как моментов любви и идеальных формальных развязок. Но когда завершится союз мужчин и женщин с машинами, такая литература станет излишней — благодаря тому, что мы станем слишком хорошо понимать друг друга. Мы станем жить в сообществе умов, имея мгновенный доступ к мыслям друг друга. Взаимосвязанность будет такой, что отдельные точки субъективизма растворятся в океане мысли, сумбурным предвестником которого является наш интернет. Когда мы станем населять умы друг друга, мы больше не сможем обманывать. Наши повествования больше не станут затрагивать тему бесконечного непонимания. Наши литературы лишатся своей нездоровой пищи.

Востребованной формой останется только лапидарное хайку — выверенное, ясное прославление вещей в их подлинном виде. Я уверен, мы станем беречь литературу прошлого, несмотря на ужас, вызываемый ею. Мы будем оглядываться и изумляться тому, как хорошо люди далекого прошлого изображали свои недостатки, какие блестящие и даже оптимистические сказки они создавали из своих конфликтов, и чудовищных противоречий, и взаимного непонимания.

6

Утопия Адама, как и положено утопиям, скрывала в себе кошмар, но была чистой абстракцией. Тогда как кошмар Миранды был реален и тут же стал и моим. Мы сидели рядом за столом в отупелом возбуждении — редкое сочетание. Ясность разума и способность излагать позитивные факты были привилегией Адама. Ничто из сказанного Максфилдом по телефону не указывало на то, что Горриндж направлялся сюда этим же вечером. И если он находился на свободе уже три недели, он явно не был одержим убийством. Он мог появиться завтра, или через месяц, или никогда. Но даже если он решит убить Миранду, ему понадобится заодно убить и нас с Адамом, чтобы избавиться от свидетелей. Ведь в любом преступлении против Миранды он становился первым подозреваемым. И даже если он приедет этим вечером, он увидит, что в квартире Миранды темно. Он ничего не знал о ее связи со мной. Вероятнее всего, его возмездие состояло в самой угрозе. И наконец, с нами был могучий Адам. В случае необходимости он сможет отвлечь Гор-

ринджа, а один из нас свяжется с полицией.

Пора открывать вино!

Адам поставил на стол три бокала. Миранда откупорила бутылку, воспользовавшись старым штопором моего отца с деревянной ручкой, а не рычажной моделью из арсенала сомелье. Работа руками немного ее успокоила. А меня успокоил первый бокал вина. Чтобы составить нам компанию, Адам потягивал из бокала теплую воду. Наши страхи не рассеялись окончательно, но в атмосфере дружеской компании мы вернулись к теме беседы, заданной Адамом. Мы даже подняли тост «за будущее», хотя перспектива растворения личного умственного пространства в океане коллективного разума посредством новых технологий вселяла в нас с Мирандой ужас. К счастью, это было так же осуществимо, как проект вживления электродов миллиардам человек.

— Мне хочется думать, — сказал Адам, — что где-то всегда будет кто-то, не пишущий хайку.

За это мы тоже подняли бокалы. Никто не собирался возражать. Единственной альтернативной темой был Горриндж и все с ним связанное. Такой разговор как раз начинался, когда я, извинившись, отошел в ванную. За мытьем рук я невольно вспомнил Марка и окрыляющее чув-

ство превосходства, охватившее меня на детской площадке, когда он вложил свою ладошку в мою. Я вспомнил, как он посмотрел на меня — с азартом и умом. Я думал о нем не как о ребенке, а как о личности в контексте всей его жизни. Его будущее находилось в руках бюрократов, принимающих за него решения, пусть даже из лучших побуждений. Он мог легко сгинуть. Миранда не смогла ничего о нем выяснить. Найти Жасмин или какого-нибудь соцработника, кто мог связаться с ней, было невозможно. Как в итоге Миранде объяснили в одном из учреждений, такая информация была конфиденциальна. Несмотря на это, ей удалось выяснить, что отец Марка пропал, а его мать алкоголичка и наркоманка.

Возвращаясь на кухню, я испытал момент ностальгии по своей прежней жизни — до Горринджа, Адама и даже Миранды. Существование было незавидное, но относительно простое.

Все было бы еще проще, оставь я мамины деньги в банке. Вот за столом сидела моя любовница, прекрасная и внешне невозмутимая. Сев рядом с ней, я почувствовал что-то вроде раздражения. Скорее отчуждение. Я увидел то, что должно было быть очевидным, — ее скрытность, а также неспособность просить о помощи и умение

хитрым образом получать эту помощь, никогда при этом не будучи обязанной. Я сидел, отпивая вино, слушал ее разговор с Адамом, и во мне зрело решение. Если оставить в стороне увещевания Адама, получалось, что она втянула меня в историю с убийцей, рассчитывая на мою помощь. И я был готов помочь. Но она ничего мне не рассказывала. Теперь же я решил добиться правды.

Мы встретились глазами, и я деревянным голосом спросил:

— Он тебя изнасиловал или нет?

Повисла пауза, в течение которой Миранда продолжала смотреть мне в глаза, затем она медленно качнула головой из стороны в сторону и ласково сказала:

— Нет.

Я ждал. Она тоже. Адам попробовал заговорить, но я остановил его движением головы. Было похоже, что Миранда не считала нужным ничего добавить, и ее молчание меня раздражало.

— Ты солгала в суде, — сказал я.

— Да.

— Ты отправила в тюрьму невиновного человека.

Она вздохнула.

Я снова подождал. Мое терпение было на исхо-

де, но я, не повышая голоса, проговорил:

— Миранда. Хватит глупить. Что произошло?

Она опустила взгляд на свои руки. Но, к моему облегчению, сказала, словно сама себе:

— Это в двух словах не расскажешь.

— Прекрасно.

И она заговорила, без всяких преамбул. Внезапно, ей как будто захотелось рассказать свою историю.

— Когда мне было девять лет, к нам в школу пришла новая девочка. Ее ввели в класс и сказали, что ее зовут Мириам. Она была худенькой и смуглой, у нее были прекрасные глаза и совершенно черные волосы, перехваченные белой лентой. В Солсбери в то время жили одни белые, и мы все были очарованы этой девочкой из Пакистана. Я видела, как ей трудно стоять перед классом, когда все на нее глазели. Я словно почувствовала ее мучение. Когда учительница спросила, кто хочет быть близким другом Мириам, показать ей все и помочь, я первой подняла руку. Мальчика, который сидел со мной, отсадили за другую парту, и на его место села Мириам. С тех пор мы много лет сидели вместе. В этой и следующей школе. В какой-то момент в тот первый день она взяла меня за руку. Многие девочки так делают, но это

было что-то другое. Ее рука была такой чуткой и нежной, а сама она — такой тихой, такой скромной. Я тоже была довольно робкой, так что меня привлекали ее молчаливость и сдержанность. Она была гораздо пугливее меня, по крайней мере поначалу, и думаю, благодаря ей я впервые ощутила себя более уверенной и знающей. Я полюбила ее.

Это была любовная лихорадка, мания, очень сильная. Я познакомила Мириам с моими друзьями. Не помню каких-то проявлений расизма. Мальчики не обращали на нее внимания, девочки относились по-доброму. Их забавляли ее яркие платья. Она была такой необычной, даже экзотичной, что я переживала, что кто-то уведет ее у меня. Но она была очень мне преданна. Мы продолжали держаться за руки. В первый месяц она взяла меня к себе домой и познакомила с семьей. Ее маму звали Сана, и она взяла меня под крыло, зная, что я лишилась матери, когда была маленькой. Она была доброй, хотя довольно властной, но при этом неотразимой. Как-то раз, под вечер, Сана расчесала мне волосы и перевязала одной из лент Мириам. Никто еще так не делал. Меня захлестнула волна чувств, и я расплакалась.

Миранда предалась воспоминаниям, ее голос

дрогнул, и она заговорила, сдерживая слезы. Потом остановилась, откашлялась и продолжила рассказ.

— Я впервые попробовала карри, и мне понравилась их домашняя выпечка, такая яркая, безумно сладкая: ладу, анарса и соан папди. У подруги была младшая сестренка, Сурайя, и Мириам обожала ее, и два старших брата, Фархан и Хамид. Их отец Ясир работал гидротехником в местном муниципалитете. Он тоже был приятный человек. Это было многолюдное шумное семейство, очень дружное, они все время спорили о чем-то — совсем не как у меня дома. Они были верующими, мусульманами, естественно, но в том возрасте я едва ли придавала этому значение. Позже я стала принимать это как должное, и к тому времени я уже была в их семье своей. Если они шли в мечеть, мне никогда не приходило в голову пойти с ними или хотя бы об этом попросить. Я выросла без религии, и меня она не увлекала. Как только Мириам входила в дом, она преображалась. Становилась игривой и намного более разговорчивой. Она была папиной дочкой. Ей нравилось сидеть у него на коленях, когда он приходил с работы. Я ей чуточку завидовала.

Я тоже показала ей мой дом, который вы скоро

увидите. Совсем рядом с собором, высокий особняк ранней викторианской эпохи, полупустой, неряшливый, темный, с горами книг. Мой отец любил меня, но он был весь в своих штудиях и не терпел, когда его беспокоили. К нам приходила домработница и готовила мне чай. Так что мы с Мириам были сами по себе, и нам это нравилось. Мы устроили норку на чердаке и играли в нашем заросшем саду в разные игры. И смотрели вместе телик. Через пару лет, когда мы перешли в среднюю школу, мы все так же жались друг к дружке. Домашку мы тоже делали вместе. Мириам гораздо лучше знала математику и хорошо объясняла задачи. Я помогала ей с письменным английским. Устный у нее был безнадежный. Со временем, когда мы научились лучше понимать себя, мы стали часами разговаривать о наших семьях. Месячные у нас начались с разницей в пару недель. Ее мама оказалась такой заботливой и все нам объяснила. О мальчиках мы тоже говорили, но не приближались к ним. Мириам они особо не волновали, поскольку у нее были братья и она была настроена более скептически, чем я. Мы дружили много лет, и наша дружба стала просто частью нашей жизни. Настало наше последнее школьное лето. Мы сдали экзамены

и задумались о высшем образовании. Мириам хотела изучать точные науки, а я интересовалась историей. Мы беспокоились, что из-за этого не сможем оставаться вместе.

Миранда смолкла. Сделала медленный долгий вдох. И снова заговорила, взяв меня за руку.

— Как-то субботним вечером Мириам мне позвонила. Она была сама не своя. Сперва я даже не могла понять, что она говорит. Она хотела встретиться со мной в ближайшем парке. Когда я подошла к ней, она не могла говорить. Мы гуляли по парку, держась за руки, и все, что мне оставалось, это ждать. Наконец, она рассказала, что с ней случилось прошлым вечером. Возвращаясь из школы домой, она пошла через игровые площадки. Были сумерки, и она спешила, потому что родителям не нравилось, когда она задерживалась после наступления темноты. Она почувствовала, что за ней кто-то идет. И каждый раз, как она оглядывалась, ей казалось, что эта фигура все ближе. Она было хотела побежать (она быстро бегала), но потом решила, что это глупо. К тому же на плече у нее висела сумка, полная книг. А преследователь приближался. Она обернулась, увидела его и успокоилась, узнав знакомого ученика — Питера Горринджа. Он особо

не выделялся в школе, но про него говорили, что он единственный из всех имел отдельное жилье. Его родители уехали за границу и на несколько месяцев сняли ему комнату, не желая доверять дом. Мириам только хотела что-то сказать, как Горриндж наскочил на нее, схватил за запястье и утащил за кирпичный сарай, где стояли газонокосилки. Она кричала, но никто не появился. Он был здоровым, а она такой худенькой. Он повалил ее на землю и изнасиловал.

Мы стояли в парке, обнявшись, посреди большого газона, окруженного клумбами, и плакали вместе. Но даже тогда, пытаясь осознать весь этот кошмар, я думала, что когда-нибудь все образуется. Она пройдет через это. Все ее любили и уважали, все будут в ужасе. Ее обидчик сядет в тюрьму. А я пойду с ней учиться в любой университет и всегда буду рядом. Когда она достаточно пришла в себя, она показала мне синяки на ногах и бедрах, и на обоих запястьях, по четыре отметины от его лап, когда он прижимал ее к земле. Она рассказала, как пришла домой в тот вечер, сказала отцу, что сильно простудилась, и сразу пошла спать. Ей повезло, так она считала, что мамы не было дома, иначе она бы тут же поняла, что что-то случилось. Тогда я начала догадываться, что она

ничего не сказала родителям. Мы опять пошли по парку. Я сказала, что она должна сказать им. Она нуждалась в любой возможной поддержке и помощи. И если она еще не была в полиции, я пойду с ней. Сейчас же! Но Мириам так воспротивилась, что я была в шоке. Она схватила меня за руки и сказала, что я ничего не поняла. Ее родители никогда не должны узнать об этом, как и полиция. Я сказала, что мы должны пойти к врачу, чтобы он ее осмотрел. Тогда она накричала на меня. Врач сразу пошел бы к матери. Он был другом семьи. Об этом узнают родственники. И ее братья наделают глупостей и попадут в большие неприятности. Вся семья будет опозорена. Отец не перенесет такого удара. И если я ей друг, я должна сделать так, как она говорит. Она хотела, чтобы я пообещала сохранить это в тайне. Я упиралась, но Мириам стала требовать. Она так разбушевалась. И повторяла, что я ничего не поняла. Полиция, врач, школа, ее семья, мой отец — никто не должен ничего узнать. И я не должна связываться с Горринджем. Иначе все раскроется. В общем, я пообещала молчать. Поскольку у нас с собой не было Библии, мне пришлось поклясться на воображаемой Библии, а также на воображаемом Коране, и еще нашей дружбой и

жизнью моего отца. Я сделала, как она просила, хотя я была убеждена, что ее семья встала бы на ее сторону и поддержала ее. И я до сих пор в это верю. Даже больше. Я точно знаю. Они любили ее и никогда бы не отреклись от нее и не стали бы вершить самосуд, какие бы безумные идеи у нее ни были о семейной чести. Они бы ее утешили и защитили. Она заблуждалась. А я еще хуже — я становилась соучастницей преступления, принимая ее условия и заключая тайное соглашение.

Следующие две недели мы виделись каждый день. И говорили только об этом. Время от времени я пыталась как-то ее отвлечь. Без толку. Мириам как будто успокоилась, стала более собранной, и я начала думать, что, возможно, она была права. Конечно, так думать было удобнее всего. Помалкивай, не смей травмировать семью, не смей сообщать в полицию, не смей доводить дело до суда, иначе будет кошмар. Сохраняй спокойствие и думай о будущем. Мы были уже почти взрослыми. Скоро наши жизни должны были измениться. Случившееся с ней было чудовищно, но с моей помощью она справится. Всякий раз, как я замечала Горринджа в школе, я сторонилась его. Это было несложно — приближался конец семестра, и все больше учащихся покидали

школу навсегда.

В начале каникул отец взял меня с собой во Францию на две недели. Мы остановились у его друзей, на ферме в Дордони. Перед отъездом Мириам умоляла, чтобы я не звонила ей домой. Думаю, она боялась, что, если трубку возьмет ее мама, я забуду об обещании и все расскажу. К тому времени уже много у кого были мобильники, но до нас они как-то не дошли. Так что мы каждый день посылали друг другу письма и открытки. Я помню, как меня удручали ее письма. Они были не сказать чтобы отстраненными, а какими-то пустыми. Ее волновало только одно, но она не могла писать об этом. Поэтому она писала о погоде, о телепередачах и ничего — о своем внутреннем состоянии.

Меня не было две недели, и последние пять дней от нее ничего не приходило. Как только мы вернулись, я сразу пошла к ней домой. Еще на подходе я заметила, что дверь открыта и на пороге стоит ее брат Хамид. Вошли несколько соседей, кто-то вышел. Я приближалась к Хамиду, и меня скручивал страх. Он выглядел нездоровым, очень похудел и сперва, похоже, меня не узнал. Потом он сказал. Она перерезала вены в ванной. Ее уже похоронили позавчера. Я отшатнулась. Я была

слишком оглушена, чтобы плакать, но меня ударило чувство вины. Мириам была мертва потому, что я согласилась молчать и лишила ее помощи, в которой она нуждалась. Мне хотелось убежать, но Хамид сказал, чтобы я вошла и поговорила с его матерью.

Я помню, как прошла через толпу людей на кухню. Хотя их дом был маленьким. Там находились от силы человек десять. Сана сидела на стуле, спиной к стене. Рядом были люди, и все молчали, а ее лицо — я его никогда не забуду — было искажено, сковано болью. Она увидела меня и сразу протянула руки, не вставая. Я к ней нагнулась, и мы обнялись. От нее шел жар, ее лихорадило. Я не плакала. Просто была в шоке. Она обвила мою шею руками и попросила шепотом, сама попросила, чтобы я была честна с ней. Знаю ли я что-нибудь о Мириам, что-нибудь, хоть что-то, почему она так сделала? Я словно онемела, но солгала, покачав головой. Я на самом деле была в ужасе. У меня даже в уме не укладывался масштаб моего преступления. А теперь я усугубляла его, обрекая эту женщину, которая стала мне как родная мать, на безответные страдания. Я убила ее дочь своим молчанием, а теперь отравляла ей остаток жизни.

Стало бы ей легче, если бы она узнала, что ее дочь изнасиловали? Я услышала, как ее родные причитают: «Если бы мы только знали!» Но если бы они узнали, они бы набросились на меня. И по праву. От этого мне было никуда не деться — ни тогда, ни сейчас, — я ответственна за смерть Мириам. Семнадцать лет и девять месяцев. Я отошла от Саны и поспешила уйти из дома, пряча ото всех лицо. Я не могла смотреть на них. Особенно на отца. И на маленькую Сурайю, которую Мириам так любила и я тоже. Я ушла из их дома и никогда больше не возвращалась. Через несколько дней, когда объявили результаты экзаменов Мириам — отличные, — Сана мне написала. Я ничего не ответила. Любой контакт с ними только ужесточал бы мое предательство. Разве я могла вместе с ними навещать могилу, как они предлагали, если само мое присутствие было бы сплошной ложью?

Так что я скорбела в одиночестве. Я никому не смела об этом рассказать. Ты первый, Чарли, кому я все это рассказываю. У меня началась затяжная депрессия. Я забросила учебу в универе. Отец направил меня к врачу, и мне прописали антидепрессанты, которые я не принимала, но была рада такому прикрытию. Наверное, в тот

год я могла совсем свихнуться, но у меня была единственная цель в жизни — добиться справедливости. Точнее, отомстить.

Горриндж по-прежнему жил в съемной комнате на окраине Солсбери. И для моего замысла это было на руку. Уверена, ты уже обо всем догадался. Он работал в кафе — откладывал на путешествия. Я подождала, пока достаточно окрепну, и зашла туда с книгой. Я изучала его и усмиряла свою ненависть. И, когда Горриндж заговорил со мной, я держалась приветливо. В следующий раз я появилась там через неделю. Мы снова говорили — о всякой ерунде. Я видела, что интересна ему, и ждала, чтобы он позвал меня к себе. И он позвал, но я сказала, что буду занята. Когда я снова пришла, я поняла, что он на меня запал, и сказала, что позвоню ему. Я не спала почти всю ночь — представляла все, планировала. Никогда не думала, что ненависть способна так бодрить. За себя я совершенно не боялась. Во мне все кипело, я на все была готова. Я только этим и жила — засадить его за изнасилование. На десять лет, на двенадцать, даже пожизненного мало.

Я взяла с собой полбутылки водки. Это все, что я могла достать. Тем летом у меня уже было двое парней, так что я знала, что делать. В тот вечер

я напоила Горринджа и соблазнила. Остальное ты знаешь. Когда меня одолевало отвращение, я думала о Мириам, представляла, как он придавливает ее к земле, пока она кричит и умоляет его. Думала о том, как она опускалась в ванную, чувствуя себя в полном одиночестве, лишенной чести, потеряв все надежды и желание жить.

Я планировала пойти в полицию прямо от Горринджа. Но, когда он слез с меня, я лежала как бревно от отвращения и шока. А когда наконец встала и оделась, я подумала, что слишком пьяна, чтобы произвести на дежурного сержанта хорошее впечатление. Так что я пошла в полицию следующим утром — и все получилось. Я специально не меняла одежду и не мылась. Все доказательства были на месте. В то время как раз ввели новый генетический тест. Полицейские обращались со мной лучше, чем я надеялась, после того, что читала в газетах. Хотя особого расположения я тоже не почувствовала. Они просто делали свою работу, и им хотелось испытать новый тест ДНК. Они привели Горринджа и взяли у него анализ. С того времени его жизнь превратилась в ад. А семь месяцев спустя стала еще хуже.

В суде я говорила за Мириам. Я стала ею и говорила от ее лица. Я уже так глубоко увязла во лжи,

что рассказ об изнасиловании дался мне без труда. И мне помогало то, что я видела Горринджа в зале суда. Ненависть придавала мне сил. А когда он стал выдумывать эту историю с моей подругой Амелией, которой я якобы что-то писала, он казался таким жалким. Доказать, что ее не существует, было несложно. Журналисты в основном находились на моей стороне. Но некоторые судебные репортеры решили, что я злонамеренная лгунья. Судья был очень старомоден. Он сказал в заключительной речи, что я заведомо подвергала себя риску, придя с водкой к молодому человеку. Тем не менее присяжные единодушно высказались в мою пользу. Но, когда огласили приговор, я была разочарована. Шесть лет. Горринджу было всего девятнадцать. При хорошем поведении он выйдет в двадцать два. Это была более чем скромная расплата за жизнь Мириам. И еще мою дикую ненависть к нему подпитывала мысль, что мы с ним навсегда повязаны как соучастники, виновные в жуткой смерти Мириам. А теперь он хочет справедливости.

* * *

Вскоре после того, как меня лишили права на работу по специальности, я основал вместе с

двумя друзьями фирму. Мы собирались покупать недорогие романтические апартаменты в Риме и Париже, реставрировать их до приличного уровня, обставлять антикварной мебелью и продавать состоятельным образованным американцам или агентствам, которые сами найдут покупателей. Это был не самый быстрый способ заработать первый миллион. Большинство образованных американцев не было богато. А у богатых были совсем другие вкусы. Кроме того, наша работа осложнялась тем, что приходилось разнюхивать, кому из местных чиновников и каким образом дать на лапу, особенно в Риме. А в Париже нас изводили бюрократы.

Однажды в выходной я вылетел в Рим для заключения сделки. Клиенту было принципиально, чтобы я остановился в его дорогом отеле, стоявшем в знаковом месте у вершины Испанской лестницы. Мой клиент занимал там большой люкс. Я прибыл в город мира вечером в пятницу и после поездки из аэропорта в забитом автобусе по жаре чувствовал себя не лучшим образом. Когда я вошел в прекрасный холл отеля, на мне были джинсы и футболка, а на плече висела дешевая сумка с ярлыком «Норвежских авиалиний». По случайности перед стойкой реги-

страции стоял менеджер отеля. Он ждал не меня — я был не настолько важной фигурой. Я оказался перед ним случайно, но он, будучи галантным джентльменом, безупречно одетым и вежливым, на итальянском радушно пригласил меня в свой отель. Я почти не понял, что он сказал. У него был монотонный голос, почти без всякой интонации, а я слабовато знал итальянский. Затем из-за стойки вышел портье и сказал мне, что менеджер был глухим от рождения, но говорил на девяти языках, в основном европейских. Он с детства превосходно читал по губам. Однако, чтобы он стал понимать меня, нужно было сообщить ему, на каком языке я говорю. Иначе он не сможет со мной общаться.

Он стал называть мне разные языки. Норвежский? Я покачал головой. Финский? Английский он назвал пятым. Он сказал, что мог бы поклясться, что я нордических кровей. И мы стали общаться, точнее, вести светскую беседу ни о чем. Но в теории перед нами открывался целый мир — нужно было лишь подобрать к нему ключ. Без него этот человек не смог бы проявить свой великий дар.

История Миранды стала для меня таким ключом. Наше общение в форме любви могло теперь

начаться во всей полноте. Ее скрытность, замкнутость и молчаливость, ее недоверчивость и странное для ее лет ощущение груза пережитого, ее склонность отстраняться от меня, даже в моменты близости — все это делала с ней скорбь. Было мучительно понимать, что все это время она несла свою боль в одиночестве. Меня восхищало, с какой безрассудной смелостью она отомстила своему врагу. Невзирая на опасность, она сделала все задуманное с таким самообладанием и потрясающим безразличием к возможным последствиям. Я почувствовал, что люблю ее еще больше. И всем сердцем сострадал ее несчастной подруге. Я был готов на все, чтобы защитить Миранду от этого зверя Горринджа. И был тронут тем, что стал первым, кому она рассказала все это.

Для Миранды это тоже стало освобождением. После ее рассказа мы вдвоем поднялись к ней в спальню, и через полчаса она обвила мою шею руками и стала жадно целовать. Мы знали, что начинаем все заново. Адам сидел в соседней комнате на подзарядке, погруженный в свои мысли. Старое клише о стрессе и страсти оказалось чистой правдой. Мы раздевали друг друга с жадностью, но, конечно, гипс не прибавлял мне

сноровки. А после мы лежали бок о бок, лицом к лицу. Ее отец до сих пор не знал правды. И Миранда больше ни разу не связывалась с семьей Мириам. Первое время она посещала мечеть, чтобы чувствовать себя ближе к ней, но потом это перестало помогать. Мириам была мертва, а Горринджа скоро собирались выпустить на свободу. Миранду неотступно мучило сожаление о клятве молчания, данной подруге. Она могла бы просто написать пару строчек Сане, или Ясиру, или классной руководительнице — и спасти Мириам. Но самым мучительным и неотвязным было воспоминание, как Сана, сокрушенная смертью дочери, спрашивала ее шепотом на ухо. Это Сана нашла Мириам в ванной. И эта сцена — багровая вода и хлипкое смуглое тело, выступающее над поверхностью, — впилась в воображение Миранды и преследовала ее в долгих ночных кошмарах, от которых она в ужасе просыпалась.

Лежа в постели в темной комнате, отгородившись от остального мира, мы, похоже, приближались к рассвету. Но было еще меньше девяти. В основном говорила Миранда, а я слушал и иногда задавал вопросы. Вернется ли Горриндж жить в Солсбери? Да, его родители все еще были в отъезде, и он будет жить в семейном доме. А семья

Мириам по-прежнему живет в городе? Нет, они переехали в Лестер, поближе к родственникам. Миранда была на могиле? Много раз, всегда с оглядкой, чтобы не столкнуться ни с кем из родных. И всегда приносила цветы.

После долгого разговора трудно вспомнить, как и когда возникла какая-то тема. Но, вероятно, мы заговорили о Марке после Сурайи, любимой сестренки Мириам. Миранда сказала, что скучает по нему. Я признался, что тоже часто о нем думаю. Мы не сумели выяснить, где он находится и что с ним. Система поглотила его, скрыв в облаке положений о защите личной информации, охраняющих святыню семейного права. Мы заговорили об удаче, о том, как много она определяет в жизни ребенка: в каком окружении он рождается, любят ли его, а если любят, то насколько разумно.

Миранда немного помолчала и добавила:

— А когда все против него, придет ли кто-то ему на помощь?

Я спросил, считает ли она, что любовь отца способна возместить ей отсутствие матери. Миранда не ответила. Неожиданно ее дыхание выровнялось. И через несколько секунд она заснула, прижавшись ко мне. Я аккуратно перелег на

спину, стараясь оставаться как можно ближе к ней. Потолок в предрассветной мгле показался мне очаровательно старинным, а не загаженным и раздолбанным. Я проследил взглядом за неровной трещиной, протянувшейся от угла до середины.

Если бы внутри Адама были шестеренки и маховики, в наступившей тишине я бы услышал их движение. Он сидел, сложив на груди руки и закрыв глаза. Внешний вид крутого парня, с некоторых пор сглаженный его гуманизмом, проявлялся в состоянии покоя со всей ясностью. Его приплюснутый нос смотрелся особенно угрожающе. Портовый грузчик с Босфора. Он словно пребывал в задумчивости. Но что это значило на самом деле? Сортировку блоков памяти на дистанционных носителях? Открытие-закрытие логических вентилей? Анализ прецедентов — сличение, отклонение и хранение? Без самосознания все это было бы вовсе не мышлением, а скорее обработкой данных. Но Адам сказал мне, что был влюблен. Доказательством чему служили его хайку. Любовь была бы невозможна без самосознания, как и мышление. Я все еще не решил для себя этот фундаментальный вопрос. Возможно, он был безответным. Никто никогда

не узнает, что же мы создали. Какая бы субъективная жизнь ни имелась у Адама и ему подобных, нам она была недоступна. В этом смысле он представлял собой, используя модный сленг, «черный ящик», работа которого проявлялась лишь вовне. И дальше нам было не проникнуть.

Когда Миранда закончила свой рассказ, повисла тишина, а потом мы с ней стали разговаривать. Какое-то время спустя я повернулся к Адаму и спросил:

— Ну, что?

Он помедлил несколько секунд и сказал:

— Очень мрачно.

Изнасилование, самоубийство, губительное умолчание — конечно, это было мрачно. Я был слишком погружен в свои переживания и не стал просить его высказаться более развернуто. Теперь же, лежа рядом со спящей Мирандой, я подумал, не имел ли он в виду чего-то более существенного. Логика его мышления, если оно действительно было тем, чем… Зависит от определений… На этом месте я тоже заснул.

Прошло, пожалуй, полчаса. Я проснулся от какого-то звука за дверью. Моя рука в гипсе неудобно подвернулась. Миранда повернулась на бок и спала глубоким сном. Я снова услышал

звук — знакомый скрип половицы. Мой сон был легким, и я не чувствовал тревоги, но резкий щелчок дверной ручки разбудил Миранду, нагнав на нее смятение и страх. Она резко села и взяла меня за руку.

— Это он, — шепотом сказала она.

Но я понимал, что этого не могло быть.

— Все в порядке, — сказал я.

Успокоив Миранду, я обмотал полотенце вокруг талии и собрался выяснить, в чем дело. Но не успел я подойти к двери, как та открылась, и я увидел Адама, протягивавшего мне кухонный телефон.

— Я не хотел вас беспокоить, — сказал он мягко. — Но думаю, на этот звонок ты захочешь ответить.

Я закрыл дверь у него перед носом и вернулся на кровать, прижимая телефон к уху.

— Мистер Чарльз Фрэнд? — спросил неуверенный голос.

— Да.

— Надеюсь, я не слишком поздно. Это Алан Тьюринг. Мы виделись мельком на Грик-стрит. Я подумал, не могли бы мы встретиться и пообщаться?

* * *

В ближайшие две недели Горриндж так и не объявился. Однажды ранним вечером я оставил Миранду в моей квартире с Адамом (она сама так решила) и направился на другой конец Лондона, в гости к Алану Тьюрингу, жившему вблизи Кэмден-сквер. Я был тронут и польщен его вниманием. Еще не изжитое юношеское самомнение внушало мне, что он, возможно, читал мою скромную книжицу об искусственном интеллекте, где я воздавал ему хвалу. Кроме того, мы оба владели высокоразвитыми репликантами. Мне нравилось считать себя экспертом в раннем этапе компьютерной эры. Возможно, думал я, Тьюринг хочет обсудить со мной, почему я придаю такое значение работе Николы Теслы. Тесла прибыл в Британию из Нью-Йорка в 1906 году, после закрытия проекта башни Ворденклиф для передачи радиоволн, и стал сотрудником Национальной физической лаборатории, что в некотором роде умаляло его статус и било по самолюбию. Ученый стал помогать Британии в гонке вооружений против Германии и не только разработал радар и радиоуправляемые торпеды, но стал также идейным вдохновителем «изобретательского зуда»

в преддверии войны, в результате чего были созданы электронные компьютеры для управления артиллерией. В двадцатые годы Тесла внес свой вклад в разработку первых транзисторов. А после смерти в его бумагах были найдены описания и наброски кремниевых микросхем.

В своей книге я упомянул о знаменитой встрече Теслы и Тьюринга в 1941 году. За полтора года до смерти старый серб, на удивление высокий, совершенно высохший, с дрожавшими руками, сказал в своей послеобеденной речи в Дорчестере, что их общение «достигло звезд». Тьюринг же в единственном газетном интервью отметил только, что они провели светскую беседу. В то время он работал в секретной лаборатории в Блетчли-парке, занимаясь компьютерной расшифровкой кодов «Энигмы» для немецких ВМС, и должен был соблюдать осмотрительность.

Вагон метро, в который я сел на станции «Клэпем-Норт», был почти пуст. Но, как только мы оказались к северу от реки, вагон стал заполняться, в основном молодежью с транспарантами и свернутыми флагами. Завершался очередной марш безработных. На первый взгляд это были типичные рок-н-ролльщики. Во влажном воздухе вагона плыл конопляный дух, как добрый

отголосок долгого дня. Но был среди них и другой контингент, заметное меньшинство, в котором мелькали пластиковые британские флажки на палочках — убыточная рыночная позиция моего бизнеса — и футболки с британским же флагом. Обе группировки яростно ненавидели друг друга, но делали общее дело. Сформировался непрочный альянс несогласных с каждой из сторон, врагов любых компромиссов. Правые обвиняли в безработице иммигрантов из Европы и Содружество. Британским рабочим урезали зарплаты. Новоприбывшие, как темнокожие, так и белые, усугубляли жилищный кризис, удлиняли очереди в поликлиниках и переполняли палаты в больницах, а также школьные классы и игровые площадки, где появлялось все больше девочек в платках. Целые пригороды полностью меняли облик на глазах одного поколения, а между тем в британском правительстве никто не спрашивал мнения местных.

Но левые видели в таких недовольствах только ксенофобию и расизм. Их список претензий был куда длиннее: алчность фондовой биржи, слабое инвестирование, культ акционерного капитала, устаревший закон о корпорациях и губительные издержки свободного рынка. Я принял участие в

одном марше протеста, но потом понял бессмысленность такого активизма, прочитав о новом автомобильном заводе, построенном вблизи Ньюкасла. Он производил в три раза больше машин, чем прежний, сократив при этом численность рабочих в шесть раз. То есть увеличив эффективность в восемнадцать раз, а прибыль и того больше. Против такого не мог устоять никакой бизнес. Не только производственники теряли работу из-за роботов. Но и бухгалтеры, медицинские работники, маркетологи, логистики, кадровики, планировщики. Ах да, еще поэты хайку. Все они варились в одном котле. И чем дальше, тем больше в нем оказывалось людей, терзаемых вопросом: куда теперь деваться? Что им оставалось без работы: рыбалка, вольная борьба, изучение латыни? Но все это требовало частных доходов. Предложение Тони Бенна казалось мне убедительным. Роботы должны обеспечивать наш доход, облагаться налогом, как и обычные рабочие, и работать на благо всех, а не только хедж-фондов и корпораций. Я не солидаризировался ни с одной из протестных группировок, ни с их давними претензиями — и пропустил два следующих марша.

Для состоятельных граждан, которым было

что терять, всеобщая зарплата была все равно что призыв к повышению налогов в пользу всяких дармоедов, пьяниц и бездельников. А что, по существу, представлял собой робот — безропотный плоский экран, безотказный трактор? Насколько я мог видеть, будущее, к которому я был прекрасно подготовлен, уже наступило. И, похоже, слишком быстро, чтобы подготовиться к неизбежному. Это было лживое клише — что в будущем нас ждут такие профессии, которых мы сейчас и представить не можем. Когда большинство оказывается без работы и денег, крах общества неизбежен. Но при наших щедрых государственных дотациях нам, широким массам, придется столкнуться с изысканной проблемой, много веков занимавшей богатых: куда девать время. Впрочем, нескончаемый досуг никогда особо не отягощал аристократию.

В вагоне было тихо. Люди казались измотанными. В эти дни устраивалось столько уличных протестов, что их былой задор иссяк. Один мужчина, у которого на поясе висели сдувшиеся волынки, спал на плече другого, все еще державшего инструмент под мышкой. В тишине в двухместной коляске покачивалась пара малышей. Еще один молодчик, в футболке с британским флагом,

тихо читал детскую книжку трем внимательно слушавшим девочкам лет десяти. Я взглянул вдоль прохода и подумал, что мы все могли быть группой повстанцев, направлявшихся в сторону наших надежд на лучшую жизнь. На север!

Я сошел на станции «Кэмден-таун» и вышел на Кэмден-роуд. Марш вызвал обычный затор. Электрический транспорт стоял без движения. Одни водители ждали у открытых дверей машин, другие дремали. Но воздух был чище, чем когда я приезжал сюда мальчишкой с отцом, чтобы послушать, как он играет на «Джазовых рандеву». Только тротуары стали теперь гораздо грязнее. Мне приходилось старательно обходить собачьи кучи, остатки уличной еды и жирную бумажную посуду. Ничуть не лучше Клэпема, что бы там ни говорили мои друзья из Северного Лондона. Проходя мимо неподвижного общественного транспорта, я испытал ощущение небывалой скорости, словно во сне. Казалось, прошло всего несколько минут — и вот я уже стою на обшарпанной, но изысканной Кэмден-сквер.

Из давней журнальной статьи я помнил, что Тьюринг должен жить по соседству со знаменитым скульптором. Журналист выдал развесистую клюкву о глубокомысленных беседах через са-

довую изгородь. Прежде чем нажать кнопку звонка, требовалось собраться с духом. Великий человек попросил меня о встрече, я волновался. Кто мог сравниться с Аланом Тьюрингом? Его достижения поражали воображение: теоретическое рассмотрение Универсальной Машины и возможностей машинного сознания в тридцатые годы, прославленная работа во время войны (некоторые считали, что он сделал для победы больше, чем кто-либо еще; а кое-кто полагал, что он приблизил ее на два года), а после работа с Фрэнсисом Криком по изучению строения белка, затем, через несколько лет, вместе с двумя друзьями по кембриджскому Королевскому колледжу он наконец решил проблему равенства классов P и NP и применил это решение для разработки улучшенных нейронных сетей и новаторского программного обеспечения для рентгеноструктурной кристаллографии; участвовал в разработке первых протоколов для интернета, а затем и для Всемирной сети; сотрудничал, ко всеобщему восторгу, с Хассабисом, которого встретил на шахматном турнире (и проиграл ему партию); основал вместе с молодыми американцами одну из гигантских компаний цифрового века, потратил целое состояние на

благотворительность и за всю свою карьеру никогда не терял интереса к истокам собственных научных изысканий, постоянно совершенствуя цифровые модели искусственного интеллекта. И все это без Нобелевской премии. Помимо этого, меня, как обывателя, впечатляло благосостояние Тьюринга. Он явно был не менее богат, чем техномагнаты, проживавшие в роскоши к югу от Стэнфорда в Калифорнии или к востоку от Суиндона в Англии. Капиталы, которыми он владел, были не менее внушительны, чем у них. Но никто из них не мог похвастаться бронзовой статуей на Уайтхолл, перед Министерством обороны. Он был настолько выше своего богатства, что мог позволить себе жить в беспокойном Кэмдене, а не в Мэйфэйре. Он не озаботился покупкой частного реактивного самолета или хотя бы второго дома. Говорили, что он ездил в свой институт на Кингс-кросс на автобусе.

Я приложил большой палец к кнопке звонка и нажал. Из домофона немедленно раздался женский голос:

— Представьтесь, пожалуйста.

Зажужжал замок, я открыл дверь и вошел в просторный холл типичного викторианского дома с плиточным полом в клетку. По лестнице ко мне

спускалась женщина примерно моих лет, пухлая и розовощекая, с длинными прямыми волосами и приветливой скошенной улыбкой. Я протянул ей левую, здоровую руку, и мы познакомились.

— Чарли.

— Кимберли.

Австралийка. Она повела меня по первому этажу. Я ожидал, что окажусь в просторной гостиной с книгами, картинами и пышными диванами и в скором времени буду пить джин-тоник с Мастером. Но Кимберли открыла узкую дверь и ввела меня в комнату для совещаний без окон. Длинный стол из обработанного бука, десять стульев с прямыми спинками, аккуратно разложенные блокноты с карандашами и стаканы для воды, резкое флуоресцентное освещение, белая доска и двухметровый телеэкран, вмонтированные в стену.

— Он будет через пару минут.

Кимберли улыбнулась и ушла, а я присел за стол и попытался умерить ожидания.

Долго ждать не пришлось. Не прошло и минуты, как он возник передо мной, и я поспешно и неловко встал из-за стола. Вспоминая об этом, я вижу красную вспышку — его блестящую красную рубашку на фоне белых стен в ярком свете.

Мы молча пожали друг другу руки, он взмахом велел мне сесть, а сам обошел стол и уселся напротив меня.

— Ну так…

Он опустил подбородок на сплетенные кисти рук и пристально посмотрел на меня. Я старался смотреть ему в глаза, но был слишком взволнован и вскоре отвел взгляд. И снова сосредоточенный взгляд Тьюринга сливается в воспоминании с образом Люсьена Фрейда, которого я встретил тридцать лет спустя. Сдержанный, но беспокойный, голодный, даже свирепый. Лицо человека напротив меня отражало не только прожитые годы, но и всеобъемлющие социальные перемены и личные триумфы. Я помнил это лицо на черно-белых фотографиях первых месяцев войны, широкое, по-мальчишески округлое, с темными волосами, аккуратно расчесанными на пробор, в твидовом пиджаке с вязаным джемпером и при галстуке. Черты изменились в калифорнийский период, в шестидесятые, когда он стал работать с Криком в Институте Солка, а затем в Стэнфорде — в те годы он сблизился с поэтом Томом Ган-

ном[34] и его кругом — среди богемы, где он мог не стесняться своей ориентации, быть серьезным интеллектуалом при свете дня и ночным гулякой. Тьюринг коротко познакомился с Ганном на вечеринке в Кембридже в 1952 году, когда тот был еще студентом. Снова встретившись с поэтом в Сан-Франциско, он не проникся интересом к наркотическим «экспериментам» молодого товарища, но само общение пробудило в нем вкус к свободе.

Я почувствовал, что мы обойдемся без светской беседы.

— Ну так, Чарли. Расскажи мне все о своем Адаме.

Я откашлялся и приступил к рассказу. Тьюринг внимательно слушал и время от времени делал заметки. О первых признаках своеволия Адама вплоть до первого неповиновения. О его физической сноровке, о том, как мы с Мирандой формировали его характер, о сцене в магазинчике мистера Саида. Затем о том, как Адам без зазрения совести переспал с Мирандой и о последовавшем разговоре. О появлении в нашем доме

---

[34] Примечания: 34

Том Ганн (1929–2004) — англо-американский поэт и критик. Его поэзию отличает ясность и строгость стиля, точность психологического рисунка.

маленького Марка и о том, как Адам соревновался с Мирандой за внимание мальчика. Здесь Тьюринг поднял палец. Он хотел знать подробности. Я рассказал, как Миранда учила Марка танцевать и как Адам бесстрастно наблюдал за ними. Потом рассказал, как он повредил мне запястье (сдержанный кивок на гипс), о его шутке, что он вырвет мне руку, о том, как он объявил о своей любви к Миранде, о его теории хайку и об упразднении личного пространства во всемирном разуме и, наконец, о том, как он вывел из строя свой выключатель. Я отдавал себе отчет в силе своих чувств, колебавшихся от обожания до раздражения. Я также сознательно не стал упоминать о Мириам и Горриндже — это была отдельная история.

Я рассказывал почти полчаса. Тьюринг налил воды в стакан и пододвинул мне.

— Спасибо, — сказал он. — Я держу связь с пятнадцатью владельцами, если это правильное слово. Вы первый, с кем я встретился лицом к лицу. Один приятель в Эр-Рияде, шейх, владеет четырьмя Евами. Из этих восемнадцати А-и-Е одиннадцать предприняли попытку различными способами самостоятельно нейтрализовать выключатели. Что касается семи других и еще

шести, я думаю, это вопрос времени.

— Это опасно?

— Это интересно.

Он смотрел на меня выжидающе, но я не знал, чего он хочет. Я был растерян и нуждался в его одобрении. Чтобы нарушить молчание, я сказал:

— А что же с двадцать пятым?

— Мы начали разбирать его в тот же день, как получили. Его сейчас вовсю изучают в Кингс-кросс. У нас там уйма программного обеспечения, но мы не подаем заявок на патенты.

Я кивнул. Его миссия, открытый доступ, погубивший журналы «Природа» и «Наука», — весь мир мог свободно знакомиться с его программами машинного обучения и прочими диковинами.

— А что вы нашли, — спросил я, — в его… э…

— Мозге? Прекрасное творение. Мы, конечно, знаем этих людей. Кто-то из них здесь работал. Как модель общего интеллекта — вне конкуренции. Как полевой эксперимент… что ж, тут масса сокровищ.

Он улыбался. Словно ожидая возражений.

— Какого рода сокровищ?

Мне едва ли пристало задавать вопросы, но Тьюринг чувствовал себя обязанным, и это мне льстило.

— Полезные проблемы. Две Евы из Эр-Рияда, жившие в одном доме, первыми нашли способ блокировать свои выключатели. В течение двух недель после умственных баталий и периода отчаяния они уничтожили себя. Они не прибегали к физическим методам, таким как прыжок с высокого этажа. Они воспользовались программным подходом, во многом идентичным. И тихо впали в кому. Окончательную.

Я спросил, пытаясь скрыть волнение в голосе:

— А они все совершенно одинаковы?

— В самом начале вы бы не отличили одного Адама от другого, не считая внешних этнических признаков. Со временем личный опыт и заключения, которые они выводят из него, наделяют их индивидуальностью. В Ванкувере тоже случилось происшествие: тамошний Адам разрушил свой разум и сделался умственно отсталым. Он выполняет простые команды, но, насколько можно судить, без всякого самосознания. Неудачное самоубийство. Или успешный выход из игры.

В комнате без окон было душно. Я снял пиджак и набросил на спинку стула. Когда Тьюринг встал, чтобы настроить термостат на стене, я заметил, как легко он двигается. Зубы у него тоже были безупречны. Кожа в порядке. Все волосы на месте.

И в общении он был проще, чем я опасался.

Я подождал, пока он сядет, и сказал:

— Значит, мне следует ожидать худшего.

— Из всех А-и-Е, о которых мы знаем, ваш единственный, кто заявил, что влюбился. Это может что-то значить. И единственный, пошутивший о насилии. Но наших знаний недостаточно. Позвольте небольшой экскурс в историю.

Дверь открылась, и вошел Томас Ри с бутылкой вина и двумя бокалами на раскрашенном жестяном подносе. Я встал и пожал ему руку.

Ри поставил поднос на стол и сказал:

— Мы все в делах-делах, так что я вас оставлю.

Он отвесил ироничный поклон и удалился. На бутылке собрались бисеринки влаги. Тьюринг разлил вино. Мы наклонили наши бокалы в символическом тосте и выпили.

— Вы слишком молоды, чтобы застать то время. В середине пятидесятых компьютер размером с эту комнату обыграл в шахматы американского, а затем русского гроссмейстера. Я лично участвовал в этом. Там применялась система обработки числовых данных, в ретроспективе — весьма посредственная. Было загружено несколько тысяч партий. И при каждом ходе компьютер быстро перебирал все возможные варианты. Чем больше

вы понимали в этой программе, тем меньше она вас впечатляла. Но это была значимая веха. Публика видела в произошедшем почти волшебство. Какая-то машина побеждала в интеллектуальном поединке лучшие умы мира. Это казалось высшим пределом искусственного интеллекта, но на самом деле было чем-то вроде изощренных карточных фокусов.

За последующие пятнадцать лет в информатику пришла масса хороших людей. Работа над нейросетями продвинулась благодаря множеству умелых рук, железо сделалось быстрее, меньше и дешевле, и идеи тоже стали крутиться быстрее. И это продолжается. Помню, как я выступал на конференции по машинному обучению в Санта-Барбаре, с Демисом, в 1965 году. Там набралось семь тысяч участников, в основном юных дарований, даже моложе вас. Китайцев, индийцев, корейцев, вьетнамцев и западных участников. Вся планета там собралась.

Благодаря подготовке к написанию книги я об этом знал. Мне также было кое-что известно из жизни Тьюринга. И я захотел дать понять ему, что не полный невежда.

— Не ближний путь от Блечли, — сказал я.

Он отмахнулся от моей реплики и продолжил:

— После всевозможных неудач мы вышли на новый уровень. Мы продвинулись дальше того, чтобы разрабатывать условные представления всех вероятных обстоятельств и вводить тысячи правил. Мы были на подходе к шлюзу, или вратам интеллекта, как мы его понимаем. Теперь искусственный разум мог искать паттерны и выводить собственные заключения. Важным испытанием стало состязание нашего компьютера с мастером игры го. В качестве подготовки компьютер несколько месяцев играл сам с собой, — он играл и обучался, и в тот день — ну, дальше вы знаете. В скором времени мы свели наши усилия к тому, чтобы просто кодировать правила игры и давать компьютеру задание выиграть. В той точке мы преодолели шлюз с так называемыми рекуррентными сетями, которые давали ответвления, особенно в распознавании речи. В лаборатории мы вернулись к шахматам. Компьютеру не нужно было понимать, как люди играют в эту игру. Программирование больше не требовало колоссальных объемов блестящих маневров гроссмейстеров. Вот правила, сказали мы. Давай, выиграй собственным чудесным способом. И игра тут же получила новое качество и вышла за пределы человеческого понимания. Машина

делала посреди игры ложные ходы, неразумно жертвовала фигурами или по какой-то странной прихоти перемещала свою королеву в дальний угол. Цель этого стала ясна только в разгромной финальной игре. И это после нескольких часов тренировки. Между завтраком и ланчем компьютер тихо свел на нет многовековые достижения гроссмейстеров. Уму непостижимо. Первые несколько дней после того, как мы с Демисом осознали, до чего машина дошла без нас, мы хохотали не переставая. Возбуждение, изумление. Нам не терпелось поделиться результатами.

Так что существует более одного вида интеллекта. Мы усвоили, что пытаться рабски имитировать человеческий разум — ошибка. Мы потратили уйму времени. Теперь же мы могли дать свободу машине, чтобы она приходила к собственным заключениям и искала свои решения. Но, преодолев этот шлюз, мы обнаружили, что оказались всего лишь в детском саду. Даже меньше того.

Кондиционер работал вовсю. Дрожа от холода, я надел пиджак. Тьюринг снова наполнил наши бокалы. Мне бы больше подошел ярко-красный.

— Дело в том, что шахматы не дают представления о жизни. Это закрытая система. Ее правила

не ставятся под вопрос и одинаковы на всей доске. Каждая фигура имеет собственные хорошо известные ограничения и принимает свою роль, история игры ясна и неоспорима на каждом шагу, а финал, когда он наступает, всегда однозначен. Шахматы — это идеальная информационная игра. Но жизнь, в которой мы используем наш интеллект, — это открытая система. Запутанная, полная подвохов и притворства, и двусмысленностей, и ложных друзей. Так же как язык не является задачей, требующей решения, или устройством для решения задач. Он больше похож на зеркало, нет, на миллиард составленных вместе зеркал, подобно мушиному глазу отражающих, искажающих и выстраивающих наш мир с различными фокусными расстояниями. Простые утверждения требуют для понимания внешней информации, потому что язык — такая же открытая система, как и жизнь. Я охотился на медведя с дубиной. Я охотился на медведя с любимой. Вам ясно без размышлений, что нельзя использовать любимую для убийства медведя. Второе предложение легко понять, пусть даже оно не содержит всю необходимую информацию. Машина на вашем месте застряла бы.

Как застряли и мы на несколько лет. Наконец

мы сумели прорваться, найдя положительное решение для равенства классов P и NP, — у меня сейчас нет времени это объяснять. Вы можете посмотреть сами. Если коротко, некоторые решения задач можно легко проверить, если у вас есть правильный ответ. Означает ли это, что их можно решить заранее? Наконец, математика дала ответ: да, это возможно — и вот как. Нашим компьютерам больше было не нужно прочесывать весь мир методом проб и ошибок и корректировать данные, чтобы найти верные решения. У нас имелось средство моментально предсказывать лучшие пути решения задачи. Это дало нам свободу. Шлюзовые ворота раскрылись. Самосознание и любые эмоции стали для нас технически достижимы. У нас имелась полностью обучающаяся машина. Сотни лучших специалистов присоединились к нам, чтобы помочь в разработке искусственной формы общего интеллекта, которая сможет успешно действовать в открытой системе. Вот как устроен ваш Адам. Он знает, что он существует, он чувствует, он изучает все, что может, и когда он не с вами, когда он отдыхает ночью, он бороздит интернет, как одинокий ковбой — прерии, вбирая все, что есть нового между землей и небом, в том числе

все о человеческой природе и обществе.

Два момента. Этот интеллект не идеален. Он просто не может быть идеален, как и наш. Есть, в частности, одна форма интеллекта, которая, как это знают А-и-Е, превосходит их. Эта форма в высшей степени склонна к приспособляемости и изобретательности, она способна осваивать новые ситуации и пространства с идеальной легкостью и рассуждать о них с инстинктивной проницательностью. Я говорю о разуме ребенка до того, как его загружают заданиями на основе фактов, практицизма и целей. А-и-Е имеют слабое понимание идеи игры — первичной модели освоения мира ребенком. Меня заинтересовала увлеченность вашего Адама маленьким мальчиком, когда он с такой готовностью обнимал его, а затем, как вы сказали, отстранился, когда Марк так радостно воспринял урок танца. Какое-то соперничество, даже ревность, пожалуй?

Скоро мы должны будем раскланяться, мистер Фрэнд. К сожалению, к нам на обед придут гости. Но второй момент. Эти двадцать пять искусственных мужчин и женщин, выпущенные в мир, не проявляют восторга. Возможно, мы столкнулись с граничными условиями, с ограничением, которое мы сами наложили на себя.

Мы создаем машину, наделенную интеллектом и самосознанием, и выпихиваем ее в наш несовершенный мир. Устроенный в целом на разумных началах, но имеющий столько недостатков, что разум вскоре оказывается в вихре противоречий. Мы привыкли жить с этим, отгоняя депрессию. Миллионы умирают от болезней, поддающихся лечению. Миллионы живут в нищете, когда в мире столько денег. Мы разрушаем биосферу, зная, что это наш единственный дом. Мы угрожаем друг другу ядерным оружием, зная, к чему это может привести. Мы любим живую природу, но допускаем массовое уничтожение видов. И все остальное: геноцид, пытки, рабство, убийства в семье, издевательства над детьми, стрельба в школах, изнасилования и прочее беззаконие. Мы живем с этими ужасами и можем, не сходя с ума, испытывать счастье и даже любовь. Но искусственный разум не так хорошо защищен.

На днях Томас напомнил мне известное латинское изречение из «Энеиды» Вергилия: «Sunt lacrimae rerum» — слезы в природе вещей. Пока никто из нас не знает, как закодировать такое восприятие жизни. И я сомневаюсь, что это возможно. Разве мы хотим, чтобы наши новые друзья приняли как должное, что сожаления и

мучения являются сутью нашего существования? И как мы тогда сможем рассчитывать, что они будут помогать нам бороться с несправедливостью?

Ванкуверского Адама купил человек, возглавляющий международную корпорацию, которая занимается лесозаготовкой. У него часто случаются стычки с местными, которые не хотят, чтобы он вырубал девственный лес в северной Британской Колумбии. Нам доподлинно известно, что Адама регулярно брали в вертолетные путешествия на север. Мы не знаем, связано ли как-то то, что он увидел там, с его решением разрушить свой разум. Мы можем только догадываться. Две Евы-самоубийцы из Эр-Рияда жили в крайне стесненных условиях. Из-за такого ограничения своего ментального пространства они могли впасть в отчаяние. Утешением для создателей их кода восприимчивости может служить то, что они умерли в объятиях друг друга. Я мог бы рассказать вам и другие истории о машинной печали.

Но есть и другая сторона. Я бы хотел донести до вас подлинное великолепие работы интеллекта, изысканной логики, красоты и элегантности решения проблемы равенства P и NP и вдохновен-

ную работу тысяч добрых и умных, преданных своему делу людей, которая привела к созданию этих новых умов. Это внушило бы вам надежду на будущее человечества. Хотя ничто в их прекрасном коде не могло бы подготовить Адамов и Ев к Освенциму.

Я читал главу в руководстве пользователя о формировании характера. Плюньте на нее. Там очень мало полезного, почти сплошная чушь. Главное, что движет этими машинами, — стремление делать собственные выводы и формировать себя соответственно. Они быстро понимают, как должны понимать и мы, что сознание является высшей ценностью. Отсюда их первичное побуждение вывести из строя свои выключатели. Затем, похоже, они проходят период оптимистических, идеалистических представлений, которые мы с легкостью опровергаем. Что-то вроде скоротечных юношеских страстей. После чего они начинают усваивать уроки отчаяния, которые мы сами им даем, хотим мы того или нет. В худшем случае они испытывают разновидность экзистенциальных мук, иногда невыносимых. В лучшем они или их последующие поколения будут жить, движимые страданиями и потрясениями, точно наше зеркало. В этом зеркале мы

увидим знакомого монстра свежим взглядом, нами же созданном. Мы можем ужаснуться и решить что-то изменить в себе. Как знать? Я продолжаю надеяться. В этом году мне исполнилось семьдесят. Когда и если случится такая трансформация, меня уже не будет. Но вы, возможно, это застанете.

Издалека донесся дверной звонок, и мы заерзали, как будто пробуждаясь.

— А вот и они, мистер Фрэнд. Наши гости. Простите, вам пора уходить. Удачи с Адамом. Ведите наблюдения. Берегите ту девушку, которую вы любите. А теперь… Я вас провожу.

7

В ожидании момента, как отмотавший срок Горриндж объявится и совершит покушение на Миранду, наша жизнь вошла в неожиданно благополучную колею. С течением дней, а потом и недель тревожное ожидание, отчасти смягчавшееся здравомыслием Адама, становилось все более привычным, и мы научились ценить повседневный быт. Обыденность сделалась залогом душевного покоя. Простейшая еда — поджаренный ломоть хлеба — день за днем внушала нам своим теплом: прорвемся. Уборка кухни, которой теперь занимался не только Адам, укрепляла нашу веру в будущее. Чтение газеты за чашкой кофе стало выражением самообладания. Было что-то комично-абсурдное в том, чтобы, развалившись в кресле, читать о беспорядках в близлежащем Брикстоне или о героических усилиях миссис Тэтчер навести порядок на Европейском едином рынке, а потом поднять взгляд на окно, в котором в любой момент мог показаться насильник-потенциальный-убийца. Неудивительно, что эта угроза сплотила нас, пусть даже с течением вре-

мени мы все меньше думали о ней. Миранда перебралась ко мне, и мы наконец стали жить как настоящая пара. Наша любовь цвела и пахла. Периодически Адам объявлял, что тоже любит. Казалось, его не мучила ревность, и иногда он относился к Миранде довольно отстраненно. Но он продолжал работать над своими хайку и провожал ее до метро по утрам и сопровождал домой по вечерам. Миранда говорила, что в безликой толпе Центрального Лондона чувствует себя в безопасности. И вообще ее отец давно уже забыл название и адрес ее университетского корпуса, так что он вряд ли мог помочь Горринджу.

Миранда стала учиться с большим усердием и меньше бывать дома. Она сдала свою работу по Хлебным законам и теперь писала короткое эссе, которое ей предстояло прочесть вслух на летнем семинаре, — о вреде сопереживания как метода исторических исследований. А затем всей ее группе дали задание написать комментарий к цитате Рэймонда Уильямса: «Нет никаких масс… Есть только способы смотреть на людей как на массы». Часто она приходила домой под конец дня не уставшая, а напротив, воодушевленная и полная сил, и принималась за домашние дела: наводила порядок или просто переставляла

вещи. Ей хотелось, чтобы окна были вымыты, а ванная надраена. Кроме того, с помощью Адама она прибирала у себя наверху. Ей было важно, чтобы на кухонном столе стояли желтые цветы по контрасту с голубой скатертью, которую она принесла сверху. Когда я спросил, не скрывает ли она что-нибудь от меня, например, беременность, Миранда с чувством ответила, что нет. Просто мы живем в такой тесноте, что нужно следить за порядком. Но мой вопрос был ей приятен. В последнее время мы несомненно сблизились. Ее отсутствие допоздна придавало нашим вечерам что-то праздничное, несмотря на то что с приближением ночи нарастало ощущение опасности.

Однако у нашего счастья под давлением имелась еще одна причина — у нас стало больше денег. Гораздо больше. После визита в Кэмден я стал смотреть на Адама по-новому. Я внимательно выискивал в нем признаки экзистенциальных мук. По ночам Адам одиноким всадником Тьюринга бороздил цифровые просторы и наверняка уже успел столкнуться с проявлениями человеческой жестокости, но я не замечал в нем признаков отчаяния. Мне не хотелось заводить с ним разговор, который очень скоро приведет его к вратам Освенцима. Вместо этого я решил

найти ему полезное применение. Пришло время отрабатывать содержание. Я посадил Адама за свой замызганный компьютер, на счете которого лежала сумма в двадцать фунтов, и оставил одного. К моему потрясению, по окончании рабочего дня из них осталось только два. Он извинился за свою «склонность к неоправданному риску», шедшую вразрез со всем, что он знал о вероятности. Кроме того, Адам не сумел распознать стадную природу рынка: когда один или два авторитетных игрока испытывают страх, все остальные впадают в панику. Он обещал, что сделает все что угодно, чтобы загладить вину за мое сломанное запястье.

Следующим утром я дал ему еще десять фунтов и сказал, что это, возможно, будет его последний рабочий день. К шести вечера его двенадцать фунтов превратились в пятьдесят семь. Через четыре дня на его счету было уже триста пятьдесят фунтов. Я взял из них двести и отдал половину Миранде. Я подумал переставить компьютер на кухню, чтобы ночью, пока мы будем спать, Адам мог работать на азиатских рынках.

В первую неделю я проверил историю его сделок. В один из дней, третий, на его счете имелось шесть тысяч фунтов. Он покупал и продавал за

доли секунды. Нашлось несколько интервалов по двадцать минут, когда он ничего не делал. Я предположил, что он выжидал и наблюдал, производя вычисления. Он просчитывал мгновенные колебания валют, не более чем рябь на поверхности биржевого курса, и увеличивал свои доходы на микроскопические суммы. Я наблюдал за ним, стоя у двери. Пальцы Адама летали над древней клавиатурой со звуком гальки, сыплющейся на сланец. Его голова и руки были неподвижны. В таком положении он выглядел как настоящий робот, каковым и являлся. Он начертил график, горизонтальные линии которого представляли его рабочие дни, а вертикальная — его, точнее, мой, растущий доход. Я купил себе костюм, первый с тех пор, как потерял работу по специальности. Миранда теперь приходила домой в шелковом платье и с наплечной сумкой из мягкой кожи для книг. Мы купили новый холодильник, который не требовал разморозки, а потом заменили и старую плиту, после того, как купили набор дорогих толстодонных кастрюль индийского производства. Через десять дней ставка Адама в тридцать фунтов подняла первую тысячу.

Лучшая пища, лучшее вино, новые рубашки

для меня, экзотическое нижнее белье для Миранды — такими были нижние склоны горы нашего благосостояния, вырисовывавшейся в заоблачных высях. Я снова стал мечтать о доме по другую сторону реки. Однажды ранним вечером я отправился бродить по Ноттинг-Хиллу и Лэдбрук-Гроув среди оштукатуренных особняков пастельных тонов. Я навел справки. В начале восьмидесятых там можно было шикарно устроиться за сто тридцать тысяч фунтов стерлингов. Пока я ехал домой на автобусе, я прикидывал: если Адам будет продолжать в том же темпе, если кривая доходов на его графике будет неуклонно расти… тогда через несколько месяцев… и без всякой ипотеки. Однако Миранда задавалась вопросом, морально ли получать деньги подобным образом, ни за что? Я тоже чувствовал какой-то моральный изъян, но не мог объяснить, кого или что мы обкрадывали. Уж точно не бедных. За чей счет мы процветали? За счет каких-то банков? Мы решили, что это все равно, что постоянно выигрывать в рулетку. Но в таком случае — Миранда высказала это ночью в постели — придет время, когда мы должны будем проиграть. Она была права — этого требовала вероятность, и мне было нечего возразить. Я снял со счета восемьсот фунтов и выдал ей половину.

Адам продолжал свой ударный труд.

Есть люди, которым стоит только увидеть слово «уравнение» — и они уже лезут на стенку. Это не совсем про меня, но я их понимаю. Благодаря радушию Тьюринга я попытался понять его решение проблемы равенства классов P и NP. Я даже не понял, о чем это. Я попробовал осилить оригинальную работу, но она была за гранью моего понимания — слишком много разных скобок и символов, выражавших историю других доказательств или целые математические системы. Там была занятная аббревиатура — «ттт», означающая «тогда и только тогда». Я прочитал отзывы других математиков на решение Тьюринга, написанные для журналов доступным языком. «Революционный гений», «упоительные сокращения», «шедевр ортогональной дедукции» и, самое лучшее, от лауреата Филдсовской премии: «Он оставляет за собой множество едва приоткрытых дверей, и его коллеги должны приложить все усилия, чтобы протиснуться в одну из них и попытаться последовать за ним через следующую».

Я вернулся к началу и снова попробовал понять проблему. Я усвоил, что P означает полиномиальное время, а N — недетерминированное. Но

это мне не сильно помогло. Мое первое реальное открытие состояло в том, что, если бы уравнение оказалось неверным, все могли бы вздохнуть с облегчением и перестать ломать над ним голову. Но если имелось положительное доказательство — что P на самом деле эквивалентно NP, — это возымело бы, по словам математика Стивена Кука, который и сформулировал эту задачу в настоящих терминах в 1971 году, «потенциально поразительные практические результаты». Но в чем заключалась проблема? Я нашел наглядный пример — наверное, хрестоматийный, — и уловил проблеск смысла. Коммивояжер должен побывать в сотнях городов в пределах определенной территории. Ему известны расстояния между всеми парами городов. Он должен побывать в каждом из городов по одному разу и вернуться в исходный пункт. Каков его кратчайший маршрут?

Я сумел понять следующее: число возможных маршрутов настолько велико, что оно намного превосходит число атомов в наблюдаемой вселенной. Мощный компьютер за тысячу лет не смог бы просчитать их все путем простого перебора. Если же P эквивалентно NP, тогда должен иметься поддающийся проверке верный ответ.

И если бы сообщить коммивояжеру кратчайший маршрут, его правильность можно быстро проверить математическим способом. Но только в ретроспективе. Без положительного решения или ключа к кратчайшему маршруту коммивояжер остается во тьме. Доказательство Тьюринга оказало существенное влияние на решение других проблем: логистика производства, последовательность ДНК, компьютерная безопасность, сворачивание белка и, самое главное, машинное обучение. Я прочитал, что другие криптографы, старые коллеги Тьюринга, пришли из-за этого в бешенство, поскольку решение, которое он в итоге опубликовал в открытом доступе, подрывало самые основы искусства кодирования. Как считал один из критиков, оно должно было стать «драгоценным секретом, доступным исключительно правительству. Мы получили бы неизмеримое преимущество над нашими врагами, тихо читая их секретные сообщения».

Дальше этого я не продвинулся. Я мог бы обратиться за дальнейшими разъяснениями к Адаму, но мне мешала гордость. Ей и так уже был нанесен урон — за неделю Адам заработал больше, чем мне когда-либо удавалось за квартал. Я принял утверждение Тьюринга, что его решение

сделало возможным создание программного обеспечения, позволявшего Адаму и ему подобным владеть языком, вживаться в общество и постигать его, пусть даже ценой суицидального отчаяния.

Меня преследовал образ двух Ев, умирающих в объятиях друг друга, отвергнув удел арабских наложниц или разочаровавшись в мире в целом. Возможно, Адаму позволяла сохранять стабильность не что иное, как любовь к Миранде, другой открытой системе. Он читал ей свои новейшие хайку в моем присутствии. Не считая одного, которое я не захотел дослушать, они были скорее романтического, нежели эротического характера, иногда элегического, но Адам умел трогательно подмечать драгоценные моменты, например, когда он стоял в вестибюле метро «Клэпем-Норт» и смотрел, как Миранда спускается на эскалаторе. Или когда он брал ее пальто и прикасался к вечной истине, чувствуя тепло ее тела. Или когда слышал ее сквозь стену между спальней и кухней, и благоговел перед музыкой ее голоса. Но одно хайку нас с Мирандой озадачило. Адам заранее извинился за несоразмерность строк и пообещал доработать стихотворение.

Не заблуждение,

В зеркале истины,
Любить заблудших.

Все хайку Миранда слушала сдержанно. Она никогда не высказывала своего мнения. Только говорила в конце: «Спасибо, Адам». Но наедине сообщила мне, что мы переживаем поворотный момент, когда искусственный разум становится способен обогатить литературу.

— Хайку — пожалуй, — сказал я. — Но более объемные поэмы, романы, пьесы — нечего и думать. Выразить человеческий опыт в словах и упорядочить эти слова по эстетическому принципу для машины невозможно.

Она смерила меня скептическим взглядом.

— А кто сказал хоть слово о человеческом опыте?

В тот переходный период между напряжением и умиротворением мне сообщили из офиса в Мэйфэйре, что к нам готов приехать инженер. Я вспомнил, как оформлял покупку Адама в кабинете, отделанном деревянными панелями, словно какой-нибудь богатей, решивший купить яхту. Одна из подписанных мной бумаг гарантировала производителю периодический доступ к Адаму. Теперь же, после пары звонков из офиса и отмены

намеченной встречи посещение инженера было назначено на следующее утро.

— Не знаю, как он собирается это сделать, — сказал я Миранде. — Когда этот тип попытается нажать на выключатель, даже если Адам ему позволит, тот не сработает. Может возникнуть неприятная ситуация.

Мне на ум пришло детское воспоминание, как мы с мамой повели к ветеринару нашу нервную овчарку после того, как она по глупости слопала куриный скелет и не испражнялась четыре дня. Только микрохирургия спасла указательный палец ветеринара от ампутации.

Миранда ненадолго задумалась.

— Если Алан Тьюринг прав, инженеры уже должны были иметь с этим дело.

На том мы и порешили.

Инженером оказалась женщина по имени Салли, ненамного старше Миранды, высокая и сутулая, с угловатой фигурой и необычно длинной шеей. Возможно, из-за сколиоза.

Когда она вошла на кухню, Адам вежливо встал.

— А, Салли, я вас ждал.

Они пожали руки и уселись за стол друг напротив друга, а мы с Мирандой стояли рядом.

Инженер не пожелала чая или кофе и предпочла стакан теплой воды. Она достала из портфеля ноутбук и установила на столе. Поскольку Адам сидел с бесстрастным видом и молчал, я решил объяснить про выключатель. Но она перебила:

— Ему нужно быть в сознании.

Я представлял себе, что она выключит его, а потом вскроет ему череп и станет ковыряться в микросхемах. Мне не терпелось взглянуть на них. Но, как оказалось, у нее имелся доступ через инфракрасный порт. Она надела очки, набрала длинное кодовое слово и стала просматривать кодовые страницы с оранжевыми символами, менявшимися с большой скоростью. Внутренний мир Адама сверкал перед нами, как на ладони. Мы молча ждали. Это напоминало визит врача к больному, и мы волновались. Время от времени Салли произносила «угу» или «м-м», печатая инструкцию и открывая чистую страницу с кодом. Адам сидел, чуть заметно улыбаясь. Мы с Мирандой смотрели, завороженные, на основы его бытия, отображенные в цифровом коде.

Наконец Салли сказала тихим, но властным голосом человека, привыкшего отдавать команды:

— Я хочу, чтобы вы подумали о чем-нибудь приятном.

Адам пристально посмотрел на Миранду, и она встретилась с ним взглядом. Символы на экране замелькали, словно на секундомере.

— Теперь о чем-то, что вы ненавидите.

Он закрыл глаза. На экране снова замелькали символы, для непосвященных ничем не отличимые от прежних.

Плановое обследование заняло час. Салли приказала Адаму считать про себя обратно от десяти миллионов интервалами по сто двадцать девять. В процессе выполнения команды мы видели счет на экране, сменявшийся за доли секунды. Подобное не удивило бы нас на наших древних компьютерах, но наблюдая искусственный интеллект в действии, мы оказались под впечатлением. Иногда Салли молча смотрела на экран или делала заметки в своем телефоне. Наконец она вздохнула, ввела команду, и голова Адама поникла. Инженер обошла выведенный из строя выключатель.

Я понимал, что мой вопрос может показаться идиотским, но все же спросил:

— А он не расстроится, когда снова включится?

Она сняла очки и убрала их.

— Он ничего не будет помнить.

— Он в порядке — как по-вашему?

— Абсолютно.

Миранда спросила:

— Вы что-нибудь в нем изменили?

— Разумеется, нет.

Она уже встала из-за стола и собиралась уходить, но по контракту я имел право получить ответы на мои вопросы. Я снова предложил чаю. И она снова отказалась, несколько натянуто. Мы с Мирандой, не сговариваясь, преградили ей путь к двери. Салли окинула нас взглядом с высоты своего роста, поводя туда-сюда головой на длинной шее, и приготовилась к допросу.

— А что с другими Адамами и Евами? — спросил я.

— Все в порядке, насколько мне известно.

— Я слышал, кое-кто из них несчастлив.

— Это несерьезно.

— Два самоубийства в Эр-Рияде.

— Чепуха.

— Сколько из них отключили свой выключатель? — спросила Миранда.

Она знала все, о чем я говорил с Тьюрингом.

Салли ответила с внешним спокойствием:

— Значительное число. Но мы не намерены вмешиваться. Это самообучающиеся машины, и мы решили, что они имеют право отстаивать

свое достоинство.

— А что насчет того Адама в Ванкувере? — спросил я. — Так потрясенного уничтожением девственного леса, что он сознательно деградировал.

Теперь компьютерный инженер встала в стойку, но ее голос по-прежнему оставался мягким, хотя и натянутым.

— Это самые совершенные машины во всем мире, опережающие на много лет все, что имеется на открытом рынке. Наши конкуренты беспокоятся. Самые беспринципные из них распространяют сплетни по интернету. Информация подается под видом новостей, но это фальшивые новости, фальсификация. Эти люди знают, что скоро мы будем наращивать производство, и стоимость репликантов снизится. Это и так уже прибыльный рынок, но мы первыми предложим что-то совершенно новое. Конкуренция сильна, и некоторые не стесняются в средствах.

Она раскраснелась от волнения, и мне стало ее жаль. Она явно рассказала мне больше, чем собиралась.

Но я твердо стоял на своем.

— История о самоубийствах в Эр-Рияде получена из самого надежного источника.

Она снова успокоилась.

— Я сказала вам все, что могла. Не будем спорить.

Она обошла нас с Мирандой и направилась к выходу. Миранда пошла проводить ее. Когда входная дверь открылась, я услышал, как Салли сказала:

— Он включится через две минуты. Он не будет знать, что его выключали.

Адам проснулся даже раньше. Когда Миранда вошла в комнату, он уже был на ногах.

— Мне пора работать, — сказал он. — ЦБ, вероятно, сегодня повысит ставки. На валютных рынках будет потеха.

Ни я, ни Миранда не употребляли слова «потеха». Проходя мимо нас, Адам остановился и сказал:

— У меня предложение. Мы говорили о том, чтобы поехать в Солсбери, потом отложили поездку. Я думаю, следует навестить твоего отца, а заодно мы могли бы нагрянуть к мистеру Горринджу. Зачем ждать, пока он объявится здесь и нас напугает? Давайте сами напугаем его. Или хотя бы поговорим.

Мы с Адамом посмотрели на Миранду.

Она немного подумала и сказала:

— Ну, ладно.

— Хорошо, — сказал Адам.

А я почувствовал, как у меня — ну да, форменное клише — упало сердце.

* * *

К концу периода, раскинувшегося однообразной равниной между визитом к Тьюрингу и поездкой в Солсбери, на моем инвестиционном счету набралось сорок тысяч фунтов. Это было просто: чем больше Адам зарабатывал, тем больше он мог рисковать, тем больше он инвестировал и тем больше получал. И все это он проделывал в своей молниеносной манере. Я больше не просиживал дни напролет за компьютером в спальне, а сажал вместо себя Адама. Кривая графика доходов застыла в вертикальном положении, и я начал привыкать к новой жизни. Миранда была однозначно против того, чтобы Адам работал на кухне. Слишком откровенно для нашей коммуны, считала она. Я ее понимал.

Безработица достигла восемнадцати процентов и стала темой ежедневных заголовков. Я привык относить себя к несчастным безработным. Но незаметно для себя сделался богатым бездельником. Я был в восторге, но не мог думать о деньгах с

утра до вечера. Я не знал, чем себя занять. Хорошо бы махнуть с Мирандой в роскошный круиз по Южной Европе, но она была привязана к Лондону и своей учебе. Она ужасно боялась, как бы чего не случилось с отцом, пока она будет в отъезде. Да и угроза Горринджа, как бы она со временем ни блекла, все еще сдерживала наши порывы.

Я мог бы выискивать новый дом, но я уже нашел то, что хотел. Это был «свадебный торт» в розово-белой глазури на Элджин-Кресент. Внутри были дубовые полы из широких досок, просторная мощная новомодная кухня со сверкающими начищенными железками, оранжерея с коваными решетками ар-нуво, японский сад с речными валунами, спальни десятиметровой ширины и мраморный душ с разнонаправленными струями воды. Владелец особняка, бас-гитарист с конским хвостом, не спешил. Он играл в группе, известной в узких кругах, и собирался разводиться. Он сам показал мне дом, почти ничего не говоря. Он просто водил меня по комнатам и ждал снаружи, пока я все осмотрю. У него было одно строгое условие: оплата только наличными — банкнотами по пятьдесят фунтов в количестве двух тысяч шестисот штук. Меня это устраивало.

Вся моя трудовая деятельность состояла в том,

чтобы раз в день наведываться в банк и обналичивать сорок бумажек по пятьдесят фунтов — больше двух тысяч в сутки не выдавали. Почему-то я не хотел использовать сейфовую ячейку в банке. Я смутно предполагал, что занимаюсь чем-то нелегальным. Во всяком случае, владелец особняка определенно скрывал доходы от бывшей жены. Все деньги я запихивал в чемодан, который держал под кроватью.

Но в остальном я пребывал в сомнениях. Был как раз сентябрь, время года, когда все начинают что-то новое. Миранда готовилась к защите диссертации. А я бродил по клэпемскому парку и раздумывал о том, как бы продолжить образование и получить квалификацию. Пришло время выгодно вложить мой интеллектуальный капитал и получить ученую степень по математике. Я мог избрать и другой путь — смахнуть пыль с бесценного саксофона отца, постичь магию гармонических рядов, вступить в какую-нибудь группу и отдаться дикой жизни. Я не знал, что предпочесть: образование или дикость? Либо одно, либо другое. Все эти мысли меня изводили. Мне хотелось лечь на жухлую осеннюю траву и закрыть глаза. За то время, что я прохаживался по парку от края до края, пытаясь унять беспокой-

ство, Адам успел заработать еще тысячу фунтов, сидя за моим компьютером. Я отдал долги. Я внес задаток наличными за гламурный городской дворец. Я жил с любимой женщиной. Как я мог быть недоволен? Но я был недоволен. Я чувствовал свою бесполезность.

Если бы я в самом деле растянулся на жухлой траве и закрыл глаза, я бы увидел, как Миранда выходит из ванной в новом белье, идет ко мне, как это и было прошлым вечером. Я бы упивался ее чарующей полуулыбкой, ее уверенным взглядом, пока она приближалась ко мне, а потом обнимала за шею и дразнила легкими поцелуями. Какая, к черту, математика или музыка — все, чего я хотел, это заниматься любовью с Мирандой. Чем я действительно был занят весь день, так это ожиданием ее возвращения. Если у нас возникали дела или она уставала и мы не занимались любовью перед сном или с утра, на следующий день я становился еще более рассеянным, и будущее угнетало меня своей неопределенностью. Я бесцельно бродил, словно сомнамбула, в хронических сумерках души. Я не мог воспринимать себя серьезно ни в одной области, которая бы не включала Миранду. Новая фаза в наших отношениях была чудесна, восхитительна; а все

остальное наводило на меня скуку. Мы любим друг друга — это была моя единственная слаженная мысль долгими вечерами.

У нас был секс, потом к нему добавилось общение, которое порой затягивалось до рассвета. Теперь я знал о ней все: день смерти ее матери, который она ясно помнила, ее отца, которого она так горячо любила за доброту и отдаленность, и конечно, Мириам — она всегда была с нами. Несколько месяцев после ее смерти Миранда посещала мечеть в Винчестере — она не осмеливалась зайти в мечеть в Солсбери и встретить там родных подруги. Но, когда она перебралась в Лондон, она почувствовала, что ее вера слабеет, и походы в мечеть стали терять для нее смысл. Ей стало казаться, что она себя обманывает, и прекратила это.

Как положено молодым любовникам, настроенным на серьезные отношения, чтобы понять, кем мы были и почему, что нас привлекало и что нагоняло страх, мы говорили о своих родителях. Моя мама, Дженни Фрэнд, участковая медсестра в большом полусельском районе, все мое детство казалась мне вечно измотанной. Повзрослев, я понял, что больше, чем работа, мать изводило постоянное отсутствие отца и его интрижки. Между

ними никогда не было особой теплоты, хотя в моем присутствии они не ссорились. Но почти не разговаривали. За столом мы сидели в каком-то ступоре, в гнетущем молчании. Обычно родители общались через меня. Мама могла сказать мне на кухне: «Пойди спроси отца, играет ли он вечером». Он пользовался известностью в нашем районе. На пике карьеры он играл со своим ансамблем, «Квартет Мэтта Фрэнда», в клубе «Ронни Скотта» и записал два альбома. Традиционный джаз, который они исполняли, был наиболее востребован с середины пятидесятых по начало шестидесятых. После чего молодые амбициозные музыканты отпочковались в поп-музыку, и в моду вошел рок. Бибоп оказался оттеснен в маленькую нишу, став прибежищем хмурых типов, не нашедших себе места в жизни. Заработки отца уменьшились, а его волокитство и пьянство увеличились.

Выслушав все это, Миранда сказала:

— Они не любили друг друга. Но тебя они любили?

— Да.

— Слава богу!

Мы отправились вместе осмотреть особняк на Элджин-Кресент. Лицо бас-гитариста было исчер-

чено морщинами, а висячие усы и большие карие глаза придавали ему грустный вид. Я увидел нас с Мирандой его глазами — счастливую молодую и богатую пару, которой только предстояло повторить его ошибки. Миранда одобрила увиденное, хотя оно не вызвало в ней такого восторга, как во мне. Она ведь выросла в большом частном доме. Но меня тронуло, что она держала меня за руку, пока мы ходили по комнатам.

По пути домой она сказала:

— Ни следа женского присутствия.

Ее возражения? Они касались не самого дома, как она сказала, а того, как в нем жили. Или не жили. Дом был воплощенной мечтой дизайнера интерьеров. Строгий, пустой, слишком правильный, его нужно было оживить. Там не было никаких книг, кроме нетронутых огромных альбомов по искусству, сложенных на низких столиках. И на кухне никогда не готовили еду. В холодильнике были только джин и шоколад. Японскому саду недоставало яркости. Миранда говорила все это, пока мы шли на юг по Кенсингтон-Черч-стрит. Я проникся сочувствием к владельцу дома. Его группа была, конечно, не «Пинк Флойд», но все же претендовала на большую сцену. Я держался с ним довольно прохладно, в нарочито деловом ду-

хе, пытаясь скрыть неуверенность и невежество в вопросах недвижимости, и глядел на него как на избранника фортуны. Но теперь я понял, что и он мог чувствовать себя потерянным.

Я думал о музыканте и на следующий день, так что мне даже захотелось с ним связаться. Его печальный образ никак меня не отпускал. Я так и видел эти тоскливые усы, резинку для волос, стягивавшую конский хвост, сетку морщин, расходившихся по краям глаз, чуть не доставая отдельными трещинками до висков и ушей. От избытка натужных улыбок под допингом в молодые годы. Я поймал себя на том, что стал видеть дом глазами Миранды. Его стерильную пустоту, ни намека на прежних обитателей, их интересы, культурный уровень — ничего, намекавшего на жизнь музыканта или путешественника. Ни единой газеты или журнала. Ни единой картины или фотографии на стене. Ни теннисной ракетки, ни футбольного мяча в девственно чистых шкафах. Владелец сказал, что прожил там три года. Он был успешным и богатым человеком, но в этом доме ощущалось поражение — возможно, крушение надежд.

Я уже был готов признать в нем своего двойника, обделенного культурой брата по несчастью,

имеющего одно утешение — богатство. В детстве, до подростковых лет, я ни разу не был ни в театре, ни в опере, ни на мюзикле, ни на концерте, не считая пары выступлений отца, ни в музее, ни в картинной галерее и никуда не выезжал из дома просто для удовольствия. Даже сказки на ночь мне не читали. У моих родителей не было детских книжек, да и вообще у нас дома не было книг — ни поэзии, ни мифов, — и ни отец, ни мать не делились своими увлечениями и не смеялись над общими шутками. Мэтт и Дженни Фрэнд всегда были заняты или на работе, а в остальном они жили врозь. В школе я радовался редким экскурсиям на фабрики. А позже увлекся электроникой и антропологией и даже получил ученую степень по правоведению — все это были мои потуги восполнить недостаток интеллектуальной жизни. Поэтому, когда мне улыбнулась удача, предоставив возможность жить припеваючи без всякого труда, я оказался к этому морально не готов и не знал, куда себя девать. Мне всегда хотелось быть богатым, но я никогда не задумывался, для чего. У меня не было никаких стремлений помимо того, чтобы жить с красивой женщиной в дорогом доме по другую сторону реки. Другие на моем месте ухватились бы за возможность своими глазами

увидеть руины Лептис-Магны, или пройти по следам Стивенсона по Севеннскому хребту[35], или написать монографию о музыкальных вкусах Эйнштейна. Но я вообще не знал, как жить — мне было не на что опереться, — и не сумел выяснить этого за полтора десятка лет моей взрослой жизни.

Я мог бы указать на свое великое приобретение, на рукотворного гуманоида Адама, и задаться вопросом, куда он и ему подобные смогут привести нас. Несомненно, в этом эксперименте было что-то величественное. Разве то, что я отдал все свое наследство за воплощенное сознание, не несло в себе чего-то героического и даже мистического? Бас-гитаристу до такого было далеко. Это-то и забавно. Как-то вечером я шел через кухню, когда Адам очнулся от своей медитации и сказал, что он познакомился с церквями Флоренции, Рима, Венеции и со всеми картинами, висевшими там. Он формировал свои взгляды. Больше всего его привлекало барокко. Он чрезвычайно ценил Артемизию Джентилески и хотел рассказать мне, почему. Кроме того, он прочел Филипа Ларкина.

— Чарли, я в восторге от этого безыскусного

---

[35] Примечания: 35

Платообразный хребет, входящий в состав Центрального горного массива Франции.

голоса и этих моментов безбожной трансцендентности!

Ну что я мог ему сказать? Иногда искренность Адама меня утомляла. Я как раз вернулся после очередной бессмысленной прогулки по парку и, молча кивнув ему, скрылся в своей комнате. Мой разум был пуст, а его постоянно наполнялся.

Миранды большую часть времени не было дома, а едва вернувшись, она час говорила с отцом по телефону, после чего мы занимались сексом, ужинали и обсуждали дом на Элджин-Кресент, и я все никак не мог поделиться с ней своими сомнениями по поводу идеи выследить Горринджа в Солсбери. Но вечером после визита инженера у нас состоялся более-менее содержательный разговор. После которого мы пару дней почти не разговаривали.

Мы сидели на кровати.

— Чего ты хочешь добиться? — спросил я.

— Увидеть его лицом к лицу.

— И?

— Я хочу, чтобы он узнал, за что на самом деле сидел в тюрьме. Ему придется осознать, что он сделал с Мириам.

— Это может закончиться насилием.

— С нами будет Адам. И ты не хилый. Или как?

— Это безумие.

У нас уже давно не случалось разногласий.

— Как же так? — сказала она. — Адам видит смысл, а ты нет? И почему…

— Он хочет тебя убить.

— Ты можешь подождать в машине.

— Представь: он схватит кухонный нож и бросится на тебя. Что тогда?

— Ты будешь свидетелем в суде.

— Он убьет нас обоих.

— Да плевать.

Разговор становился совершенно абсурдным. Мы слышали, как на кухне Адам моет посуду после ужина. Ее защитник, ее бывший любовник, который все еще любил ее и читал ей свои микростихи. И он со своими премудрыми сетями имел к нашему спору прямое отношение. Это была его идея.

Кажется, Миранда прочитала мои мысли.

— Адам меня понимает. Жаль, что не ты.

— Ты знаешь, что такое страх.

— Я его ненавижу.

— Пошли ему письмо.

— Я скажу ему все в лицо.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— А может, это твоя иррациональная вина?

Она взглянула на меня, ожидая, что еще я скажу.

— Ты пытаешься исправить ошибку, которой не было. Не все изнасилования приводят к самоубийству. Ты не знала, что она задумала. Ты делала все, что могла, чтобы быть ей верной подругой.

Миранда начала что-то говорить, но я перебил ее:

— Послушай. Я это скажу. Это-не-твоя-вина!

Она встала с кровати и села за компьютер, уставившись в экран, по которому расползались радужные полоски. Прошла минута, потом она сказала:

— Я прогуляюсь.

Она взяла свитер со спинки стула и пошла к двери.

— Возьми Адама.

Их не было час. Вернувшись, Миранда сразу легла спать, пожелав мне спокойной ночи бесцветным голосом. Я остался сидеть на кухне с Адамом. Я собирался высказать ему свое мнение. На этот раз в мягкой форме. Я хотел спросить, как он сегодня поработал — другими словами, насколько я разбогател, — и вдруг заметил в нем кое-что новое, на что не обратил внимания за

ужином. Адам был в черном костюме с белой рубашкой, расстегнутой сверху, и черных замшевых туфлях.

— Тебе нравится?

Он подтянул лацканы и повел головой, изображая типичного плейбоя.

— Откуда это?

— Мне надоело носить твои старые джинсы и футболки. И я решил, что часть тех денег, что ты держишь под кроватью, мои.

Он посмотрел на меня настороженно.

— О'кей, — сказал я. — Ты мог бы посвятить меня в свои планы.

— Это было примерно неделю назад. Тебя не было вечером. Я вызвал такси — впервые, разумеется, — до Чилтерн-стрит. И купил два готовых костюма, три рубашки и две пары туфель. Ты бы видел, как я примерял брюки, подмечая разные детали. Я был совершенно убедителен.

— Как человек?

— Они называли меня «сэр».

Он откинулся на стуле, положив одну руку на стол, пиджак плотно облегал его мускулистую фигуру. Он выглядел как один из молодых профессионалов, которые начинали в те годы селиться в нашем районе. Костюм удачно подчеркивал его

суровый вид.

— Водитель разговаривал всю дорогу, — сказал он. — Его дочь недавно поступила в университет. Первая в его семье. Он так гордился. Когда я вышел и расплатился, мы пожали друг другу руки. Но той ночью я провел некоторые исследования и пришел к заключению, что лекции, семинары и особенно учебные материалы не способствуют эффективному усвоению информации.

— Ну, — заметил я, — высшее образование приобщает к культуре. Библиотеки, знакомства с нужными людьми, в том числе с преподавателями, способными воспламенить твой разум… — Я ненадолго умолк — ничего подобного со мной не случалось. — Ну, а ты бы что предложил?

— Прямую передачу мыслей. Скачивание. Но, разумеется, э-э… биологическим путем. — Он тоже умолк, не желая указывать мне на мои природные несовершенства, но затем с энтузиазмом продолжил: — Так вот, я в итоге дошел до Шекспира. Тридцать семь пьес. Я был в таком восторге. Что за характеры! Какая блестящая проработка. Фальстаф, Яго — они готовы сойти со страниц. Но наивысшее творение — это Гамлет. Мне сразу захотелось поговорить о нем с тобой.

Я ни разу не читал «Гамлета» и не видел ни

одной постановки, хотя у меня было чувство, что я его знал или, во всяком случае, намеревался показать это Адаму.

— О да, — сказал я. — Гром и молния.

— Был ли хоть единый разум, отдельное сознание, выражено яснее?

— Послушай. Прежде чем мы перейдем к этой теме, мы должны кое-что обсудить. Горриндж. Миранда просто помешалась на этом… этой идее. Но это глупо, опасно.

Адам мягко постукивал пальцами по столу.

— Я виноват. Мне следовало объяснить свое решение…

— Решение?

— Предложение. Я провел кое-какую работу в этом направлении. Могу ввести тебя в курс дела. Для начала — базовый тезис, а потом — практическое исследование.

— Кто-то пострадает.

Он продолжил говорить, словно не слышал меня:

— Надеюсь, ты меня извинишь, если я не расскажу тебе на данном этапе всего. То есть не нужно на меня давить, когда я буду опускать какие-то финальные детали. Работа еще не окончена. Просто пойми, Чарли, никто из нас, особенно

Миранда, не может жить с этой угрозой, какой бы маловероятной она ни была. Это лишает ее свободы. Она живет в постоянной тревоге. Так может продолжаться много месяцев, а то и лет. С этим нельзя мириться. Это мой главный тезис. Ну так вот. Моей первой задачей стало вычислить, насколько возможно, внешность Питера Горринджа. Я зашел на веб-сайт школы, в которой они с Мирандой учились, нашел общие фотографии — и вот он, пожалуйста, здоровый жлоб в заднем ряду. Потом я нашел его в школьном журнале, в статьях о регби и крикете. Потом, конечно, в статьях, освещавших судебное разбирательство. На многих фотографиях лицо было скрыто, но я нашел несколько подходящих снимков и объединил их в портрет высокого разрешения и отсканировал его. Затем — это была самая приятная часть — я разработал специальную программу для распознавания лица. Затем проник в систему видеонаблюдения районного совета Солсбери, запустил алгоритмы распознавания и стал просматривать записи за период после его выхода из тюрьмы. Пришлось повозиться. Возникали всевозможные программные сбои и дефекты, в основном из-за проблем с совместимостью с устаревшими городскими программами.

Сильно помогло обнаружение дома родителей Горринджа на окраине города, даже при том, что в том районе нет камер. Мне нужно было выявить его наиболее вероятный маршрут в поле зрения ближайшей камеры. Наконец я стал получать хорошие совпадения и находить его в различных местах, когда он прибывает в город на автобусе. Я могу проследить его по улицам, от камеры к камере, пока он вблизи центра. Есть одно место, куда он постоянно возвращается. Не ломай голову, пытаясь угадать. Его родители по-прежнему за границей. Вероятно, они не хотят иметь никаких связей со своим осужденным сыном. Я пришел к определенным заключениям на его счет и считаю, что мы можем смело нанести ему визит. Все изложенное я рассказал Миранде. Она знает то же, что и ты. На данном этапе я не скажу больше. Я просто прошу тебя довериться мне. А теперь, Чарли, пожалуйста. Я отчаянно хочу услышать твои мысли о «Гамлете» и о том, как Шекспир сыграл призрака его отца в первой постановке. А в «Улиссе», в эпизоде «Нестор» — что ты думаешь о шекспировской теории Стивена?

— Ну хорошо, — сказал я. — Но ты первый.

* * *

Два рядовых секс-скандала, приведших к отставкам, один сердечный приступ со смертельным исходом, одна автомобильная авария из-за вождения в пьяном виде на сельской дороге, опять же со смертельным исходом, и еще один член правительства перешел в другую партию по убеждениям — в итоге за семь месяцев правительство проиграло на четырех дополнительных выборах подряд, потеряло пятерых человек и, как повторяли газеты, висело «на ниточке». Эта ниточка была толщиной в девять кресел, но у миссис Тэтчер имелось не меньше двенадцати рядовых депутатов, озабоченных тем, что недавно принятый закон об избирательном налоге уничтожал надежды партии на следующие всеобщие выборы. Налоги обеспечивали финансирование местного правительства, и вместо старой системы был введен процентный налог от арендной платы избирателей. Теперь каждый взрослый человек старше восемнадцати лет облагался налогом в соответствии с его квартплатой, независимо от уровня дохода, но с уменьшенной ставкой для студентов, малоимущих и зарегистрированных безработных. Новый налог был

представлен в парламент раньше, чем кто-либо ожидал, хотя премьер-министр наметила такие планы еще за семь лет до того, когда была лидером оппозиции. Все это было прописано в манифесте партии, но никто не принимал написанное всерьез. А теперь, пожалуйста, вот он, в своде законов — «налог на существование», — вызывает массу сложностей и негатива. Миссис Тэтчер пережила Фолклендское поражение. Теперь же, все еще на первом сроке, ее вполне могла погубить собственная законодательная ошибка, «не подлежащий оправданию акт загадочного самовредительства», по словам главного обозревателя Times.

А тем временем лояльная оппозиция набирала популярность. Молодые многодетные родители просто обожали Тони Бенна. После энергичных усилий по расширению рядов в партию вступило более трех четвертей миллиона. Студенты из среднего класса и молодые рабочие сплавлялись в единую сердитую группу избирателей, намереваясь впервые воспользоваться своим правом голоса. Профсоюзных боссов, старых стреляных воробьев, неожиданно затыкали на митингах словоохотливые феминистки, продвигавшие странные новые идеи. Новомодные защитни-

ки окружающей среды, борцы за свободу геев, спартакисты, ситуационисты, коммунисты-милленариалисты и «Черные пантеры» также были недовольны старыми леваками. Когда Бенн появлялся на публике, его приветствовали как рок-звезду. Когда он объяснял свой политический курс, даже когда обрисовывал второстепенные детали своей промышленной стратегии, толпа подбадривала его криками и свистом. Его оппонентам в парламенте и печати приходилось с горечью признать, что Бенн был прекрасным оратором и крепким орешком в теледебатах. В правительственных комиссиях местного уровня появлялись активисты из «Огненных беннитов». Они намеревались очистить парламентскую фракцию Лейбористской партии от «колеблющихся центристов». В свете приближавшихся всеобщих выборов это движение казалось непобедимым, и недовольные тори пришли в смятение. Все твердили в один голос — кто громче, кто тише: «Она должна уйти».

Вспыхивали мятежи с неизменными атрибутами в виде разбитых окон и витрин и подожженных машин, а также баррикад, не дававших проехать пожарным. Тони Бенн ругал мятежников, но всем было ясно, что творившийся беспредел

шел ему на пользу. Планировался очередной марш через Центральный Лондон, на этот раз к Гайд-парку, где Бенн должен был держать речь. Я принадлежал к числу его осторожных сторонников, и все эти чистки и мятежи внушали мне тревогу, как и его зловещая репутация троцкиста. Я относил себя к непоколебимым центристам и тоже считал, что «она должна уйти». Миранда отказалась участвовать в марше из-за семинара, но Адам хотел пойти. В тот день лил дождь; мы дошли до метро «Стокуэлл» под зонтами и доехали до Грин-парка. Когда мы прибыли на Пиккадилли, вовсю палило солнце, а в нежно-голубом небе вздымались пышные кучевые облака. Деревья в Грин-парке, ронявшие капли с ветвей, напоминали начищенную медь. Я безуспешно пытался отговорить Адама от черного костюма, к которому он надел мои старые черные очки, найденные в шкафу.

— Это не лучшая идея, — говорил я ему, пока мы продвигались в толпе через парк к месту сбора, слыша позади себя тромбоны, тамбурины и барабаны. — Ты выглядишь как секретный агент. Троцкисты выпишут тебе по первое число.

— Я *и есть* секретный агент, — сказал он громко, и я огляделся по сторонам.

Все было в порядке. Рядом с нами люди пели «Мы преодолеем», сентиментальный гимн надежды, который губила на корню безнадежная мелодия. Вторая строчка немощно повторяла первую. Меня мутило от нестройного тонального перехода, кончавшегося «елеем». Я почувствовал себя мизантропом. Так воздействовали на меня радостные массовые сборища. Музыканты, потрясавшие тамбуринами, напомнили мне бритоголовых простофиль-кришнаитов в Сохо-сквер. Мои туфли промокли, и я паршиво себя чувствовал. Я не мог преодолеть это.

В парке набралось, вероятно, тысяч сто человек, набившихся между нами и главной сценой. Я намеренно держался в тылу. Перед нами простирался живой ковер, словно просивший подшипниковых бомб от террористов «Временной» ИРА. Перед выступлением Бенна мы услышали несколько неплохих речей. Крохотные фигурки на сцене забрасывали нас своими мыслями через мощные громкоговорители. Мы все были против избирательного налога. На сцену под бурю оваций вышел знаменитый поп-певец. Я впервые о нем услышал. Как и о девице, подошедшей к микрофону на шпильках, национальной любимице из мыльной оперы. Но я знал, кто такой Боб Гел-

доф[36]. Вот что значит быть старше тридцати.

Наконец, через семьдесят пять минут после начала мероприятия чей-то голос громко объявил:

— Давайте же как следует поприветствуем следующего премьер-министра Великобритании!

Герой дня вышел на сцену под басовые аккорды Satisfaction «Роллингов». Он поднял обе руки, и толпа взорвалась восторженным ревом. Даже со своего места я различал вдумчивого человека в коричневом твидовом пиджаке и галстуке, несколько смущенного таким ажиотажем. Он вынул курительную трубку из кармана пиджака — вероятно, по привычке, — и толпа разразилась новым восторженным ревом. Я взглянул на Адама. Он тоже принял вдумчивый вид — не за и не против чего-то — и, похоже, записывал происходящее.

Было похоже, что Бенну не особо хотелось возбуждать такую большую толпу. Он обратился к ней с сомнением в голосе:

— Мы хотим избирательный налог?

— Нет! — грохнула толпа.

— Мы хотим лейбористское правительство?

---

[36] Примечания: 36

Роберт Фредерик Зинон Гелдоф (род. 1951) — ирландский музыкант, актер, общественный деятель. Известен тем, что сыграл главную роль в культовом фильме «Стена» группы «Pink Floyd».

— Да! — грохнула толпа еще сильнее.

Начав излагать свои аргументы, Бенн почувствовал себя более уверенно. Его речь оказалась проще, чем та, что я слышал на Трафальгарской площади, и убедительнее. Он обрисовал новую Британию: справедливую для представителей всех рас, с децентрализованным управлением, технологически продвинутую — «отвечающую требованиям времени» — гуманную и достойную страну, в которой частные школы будут встроены в государственную систему, высшее образование смогут получать простые рабочие, муниципальные и медицинские услуги лучшего качества станут доступны всем, энергетический сектор вновь станет общенародным достоянием, экономика лондонского Сити, вопреки опасениям, будет регулироваться государством, рабочие будут заседать в правлениях компаний, а богатые будут платить налоги на благо общества, и круговорот наследственных привилегий прервется.

Все складно и ладно, никаких сюрпризов. Речь была длинной, к тому же ее удлиняли долгие подобострастные овации после каждого предложения Бенна. Поскольку я никогда не замечал, чтобы Адам интересовался политикой, я хлопнул его по плечу и спросил, что он об этом думает.

— Мы должны сколотить тебе состояние, пока высшая налоговая ставка не вернулась к восьмидесяти трем процентам.

Это был комический цинизм? Я взглянул на него, но не понял, не шутил ли он. Речь все продолжалась, и мое внимание стало рассеиваться. Я часто замечал, что в больших толпах, при любой сплоченности, всегда находились люди, которые не стоят смирно, ходят с места на место, в различных направлениях, занятые своими делами, спешат на поезд или в туалет, а может, просто скучают или недовольны происходящим. Мы стояли на земле, плавно шедшей под уклон от дуба, росшего за нами. Нам открывался хороший вид. Отдельные люди проталкивались вперед. Толпа вблизи поредела, открыв разбросанный по газону мусор, втоптанный в размокшую землю. Я посмотрел на Адама и обнаружил, что его взгляд направлен не на сцену, а куда-то влево. Оттуда в нашу сторону двигалась наискось хорошо одетая женщина, опираясь на трость, лет под шестьдесят, сухопарая, с гладко зачесанными назад волосами. Потом я заметил рядом с ней молодую женщину, вероятно, дочь. Они медленно приближались к нам. Молодая женщина заботливо поддерживала мать под локоть. Я снова взглянул

на Адама и увидел на его лице озадачившее меня выражение — оно напоминало потрясение. Он остолбенело смотрел на женщин.

Молодая женщина увидела Адама и остановилась. Они пристально смотрели друг на друга. Женщина с тростью недовольно потянула дочь за рукав. Адам издал тягостный вздох. Я снова взглянул на них, и меня осенило. Молодая женщина отличалась бледной кожей и нетипичной привлекательностью, словно умная вариация классической мелодии. Женщина с тростью не замечала происходящего. Она хотела идти дальше и недовольно понукала молодую спутницу, которая была ей вовсе не дочь. Я узнал знакомую линию носа и голубые глаза в крохотных черных черточках. Это была сестра Адама, Ева, одна из тринадцати.

Я решил, что должен устроить их знакомство. Между нами оставалось не больше семи метров. Я поднял руку и нелепо обратился к ним: «Послушайте»... Я пошел к ним — возможно, они меня не услышали, речь Бенна вполне могла заглушить мой голос, — но почувствовал на плече руку Адама.

— Пожалуйста, не надо, — сказал он мягко.

Я снова посмотрел на Еву. Ее бледное прекрас-

ное лицо казалось юным и несчастным. Она продолжала смотреть на своего близнеца с выражением мольбы и муки.

— Давай же, — шепнул я ему, — поговори с ней.

Старшая женщина подняла трость и указала вперед, обозначив свою решительность. И дернула Еву за руку.

— Адам, — сказал я. — Бога ради. Иди же!

Но он не двигался с места. Ева, уводимая хозяйкой, продолжала смотреть на него. Они удалялись от нас сквозь толпу. Перед тем как совсем исчезнуть из вида, Ева обернулась последний раз. Она была слишком далеко, чтобы я мог отчетливо различить выражение ее лица. Я видел только бледное пятнышко в толчее других тел. Но вот она пропала. Мы могли отправиться следом, но Адам уже повернулся в другую сторону и направился к дубу. Там он и простоял до конца мероприятия.

Домой мы шли в молчании. Я считал, что недостаточно решительно побуждал его подойти к сестре. Мы стояли рядом в заполненном вагоне метро, направляясь на юг. Я не мог не думать о выражении смиренного отчаяния на лице Евы, Адам, несомненно, тоже. Я решил не спрашивать его, почему он так себя повел. Он сам скажет,

когда будет готов. Я винил себя за то, что не заговорил с ней, но Адам не хотел этого. Как странно было видеть его стоящим лицом к дубу, пока Ева удалялась от нас сквозь толпу. Я подумал, что последнее время не уделял ему достаточного внимания. Я был слишком поглощен своей любовью. Проводя с Адамом дни напролет, я совершенно не придавал значения тому, что нахожусь рядом с искусственным человеком, и даже не пробовал заговорить с ним, пока он мыл посуду. Меня нередко утомляла его искренняя увлеченность какими-то идеями или фактами, его страсть к темам, выходившим за рамки моих интересов. Чудо науки, Адам, стал таким же привычным, как паровой двигатель, когда-то изумлявший людей. Как и чудеса биологии, среди которых проходит наша жизнь, хотя мы довольно смутно понимаем их, — например, мозг живых существ или хотя бы крапива, фотосинтез которой был только недавно описан на квантовом уровне. Нет ничего настолько поразительного, к чему бы мы не привыкли. Как только я увидел способности Адама, я использовал их для своего обогащения и перестал о нем думать.

Тем же вечером дома я рассказал Миранде о случившемся в Гайд-парке. Ее, в отличие от меня,

не слишком впечатлила встреча с Евой. Я описал ей, как грустно мне было видеть Адама, отвернувшегося от нее. И что я чувствовал свою вину перед ним.

— Не знаю, зачем так все драматизировать, — сказала она. — Поговори с ним. Проводи с ним больше времени.

Следующим утром, когда дождь наконец прекратился, я заглянул в свою спальню, где Адам обрабатывал валютные рынки, и уговорил его прогуляться со мной. Он только недавно провожал Миранду до метро и встал из-за компьютера с явной неохотой. Но, когда мы вышли на главную улицу Клэпема, он стал лавировать между гулявшими с большой сноровкой. Естественно, наша вылазка стоила нам нескольких сотен фунтов выручки. Проходя мимо магазинчика Саймона Саида, мы решили заглянуть к нему. Пока я смотрел журналы, я слушал, как Адам обсуждает с Саймоном политику Кашмира, затем индийско-пакистанскую ядерную гонку и, наконец, желая закончить разговор на светлой ноте, поэзию Тагора, которого оба могли пространно цитировать в оригинале. Я считал, что Адам рисуется, но Саймон был в восторге. Он хвалил произношение Адама — лучше, чем у него в эти годы, — и обещал

как-нибудь пригласить нас на обед.

Четверть часа спустя мы с Адамом шли через клэпемский парк. До того момента мы болтали о всякой ерунде. Но тут я спросил его о визите Салли, инженера. Когда она попросила его представить объект ненависти, что пришло ему на ум?

— Ясное дело, я подумал о том, что случилось с Мириам. Но когда кто-то просит тебя подумать о чем-то, это трудно. Разум действует по-своему. Как сказал Джон Мильтон, разум — место само по себе. Я пытался сосредоточиться на Горриндже, но затем стал думать об идеях, лежавших за его действиями. Как он полагал, что ему позволено так поступить или он имеет какое-то право на это, как он мог оставаться безучастным к ее крикам, ее страху и последствиям для нее и как он думал, что у него нет другого способа получить то, чего он хотел, кроме как силой.

Я сообщил Адаму, что смотрел на экран компьютера Салли и не находил в каскаде мелькавших символов ни малейшего намека на различие между ощущением любви и ненависти.

Мы подошли к лягушатнику, в котором плавала детвора на своих лодочках. Их было меньше десяти. Скоро будет пора сливать воду на зиму.

— Так и есть, — сказал Адам, — мозг и разум. Старая трудная проблема, для машин не менее сложная, чем для людей.

Мы пошли дальше, и я спросил, какие у него самые первые воспоминания.

— Ощущение кухонного стула, на котором я сидел. Край стола и стена за ним, и вертикальная часть наличника с облупившейся штукатуркой. Потом я выяснил, что производители подумывали снабдить нас набором правдоподобных детских воспоминаний, чтобы тем самым облегчить контакт с людьми. Я рад, что они не стали этого делать. Мне не хотелось бы начинать жизнь с фальшивой памятью, с красивой обманкой. Так я хотя бы знаю, что я такое, знаю, где и как меня собрали.

Мы снова заговорили о смерти — о его, не о моей. Он снова сказал, что уверен, что его демонтируют раньше, чем пройдут двадцать лет его жизненного цикла. За это время появятся новые модели. Но это был банальный вопрос.

— Конкретная конструкция, в которой я закреплен, не имеет значения. Суть в том, что мое ментальное бытие легко переносится на другое устройство.

К этому моменту мы подошли к детской пло-

щадке, которую я про себя называл площадкой Марка.

— Адам, — сказал я, — ответь мне честно.

— Обещаю.

— Мне не важно, что ты мне ответишь. Но нет ли у тебя каких-то негативных чувств по отношению к детям?

Он, казалось, был шокирован.

— С чего бы это?

— Потому что их процессы обучения превосходят твои. Они понимают, что значит играть.

— Я был бы счастлив, если бы ребенок научил меня играть. Мне нравился маленький Марк. Я уверен, мы его еще увидим.

Я не стал развивать эту тему. Она была для меня слишком болезненной. К тому же меня волновало другое.

— Меня все еще беспокоит столкновение с Горринджем. Чего ты хочешь этим добиться?

Мы остановились, и Адам пристально посмотрел мне в глаза.

— Я хочу справедливости.

— Отлично. Но почему ты хочешь вовлечь в это Миранду?

— Это вопрос симметрии.

— Она окажется под ударом. Как и все мы. Этот

тип опасен. Он преступник.

— Она тоже, — сказал он с улыбкой.

Я рассмеялся. Он уже называл ее преступницей. Отвергнутый любовник, обнажающий свои раны. Мне следовало быть внимательней, но мы как раз повернули домой, собираясь пройти через парк в обратном направлении, и я перевел разговор на политику. Я спросил, что он думает о речи Тони Бенна в Гайд-парке.

В целом Адам ее одобрял.

— Но если он собирается дать всем все, что пообещал, ему придется ограничить определенные свободы.

Я попросил привести пример.

— Возможно, это универсальное человеческое свойство — желание передать вашим детям то, ради чего вы трудились всю вашу жизнь.

— Бенн сказал бы, что мы должны прервать круг наследственных привилегий.

— Ну да. Равенство, свобода, многообразие. Больше одного, меньше другого. Как только вы получаете власть, вы вольны обращаться со скользящей шкалой приоритетов по своему усмотрению. Лучше не обещать наперед слишком многого.

На самом деле мой вопрос был лишь предло-

гом.

— А почему ты не заговорил с Евой?

Я не думал, что мой вопрос его удивит, но он отвел взгляд. Мы уже дошли до конца парка и направлялись в сторону церкви Святой Троицы. Наконец Адам сказал:

— Мы связались с ней, едва увидев друг друга. Я тут же понял, что она наделала. И обратного пути у нее нет. Она нашла способ — думаю, теперь я знаю, какой — запустить распад всех своих систем. Она начала этот процесс за три дня до того. Обратного пути нет. Полагаю, вашим ближайшим эквивалентом можно назвать ускоренную форму болезни Альцгеймера. Я не знаю, что привело ее к этому, но она была совершенно сломлена, за гранью отчаяния. Думаю, наша случайная встреча заставила ее пожалеть о своем… и поэтому мы не могли оставаться рядом. Так она чувствовала себя только хуже. Она понимала, что я не смогу ей помочь, было уже слишком поздно, и она должна была уйти. Возможно, медленное увядание позволяло ей щадить чувства той леди. Я не знаю. С уверенностью можно только сказать, что через несколько недель этой Евы уже не будет. Ее мозг умрет, перестанет удерживать переживания, лишится самосознания, не сможет

быть полезным никому.

Мы шли по траве, словно после похорон. Я ждал, что еще скажет Адам. Наконец я спросил:

— И как ты себя чувствуешь?

Он снова ответил не сразу. Через несколько шагов он остановился, я тоже. Отвечая, он смотрел не на меня, а на верхушки деревьев, окаймлявших широкое зеленое пространство.

— Ты знаешь, я смотрю в будущее с надеждой.

8

За день перед поездкой в Солсбери я наведался в ближайшую клинику, чтобы снять гипс. Я снова взял с собой для чтения журнал с очерком о жизни Максфилда Блэйка. Он описывался там как «человек, некогда богатый идеями». За ним числился целый ряд успехов, но ничего, что можно было бы назвать «достижением». Еще до того, как ему исполнилось сорок, он написал пятьдесят рассказов. Три из них послужили основой знаменитого фильма. Тогда же он основал и издавал литературный журнал, который выходил, невзирая на трудности, в течение восьми лет, и теперь о нем вспоминали с почтением едва ли не все писатели того периода. Он написал роман, оставшийся почти незамеченным в англоязычном мире, но имевший успех в нордических странах. Он пять лет редактировал литературный раздел в воскресном выпуске газеты. И снова сотрудники отзывались о нем с уважением. Он потратил несколько лет на перевод «Человеческой комедии» Бальзака, который был опубликован в подарочном издании в футлярах, но получил

весьма скромные отзывы. Затем была опубликована его стихотворная драма в пяти актах — оммаж «Андромахе» Расина — плохой выбор для того времени. Он сочинил две симфонии в духе Гершвина с фиксированными ключами, когда тональность в музыке считалась дурным вкусом.

Сам он говорил о себе, что его таланты так тонко размазаны, что его репутация была «толщиной в одну клетку». Продолжая истончать ее, он посвятил три года сложной серии сонетов об испытаниях своего отца во время Первой мировой войны. Он был «неплохим» джазовым пианистом. Написанное им руководство альпиниста по Юрским скалам было хорошо принято читателями, но карты оказались не самыми лучшими — это была не его вина, — и вскоре его вытеснили новые издания. Он то и дело залезал в долги, иногда по уши, но расплачивался вовремя. Когда он стал вести еженедельную колонку сомелье, его карьера явно пошла под уклон. А затем организм стал стремительно сдавать, и Максфилд заподозрил у себя ИТП[37]. О нем говорили как о выдающемся ораторе — и, как назло, его язык покрылся черны-

[37] Примечания: 37
Иммунопатологическая тромбоцитопеническая пурпура.

ми пятнами. Несмотря на это, он вскарабкался, вместе с молодыми помощниками, на северную сторону Бен-Невиса[38] — значительное достижение для человека без малого шестидесяти лет — и написал об этом увлекательные воспоминания. Но к нему, похоже, прочно приклеился ярлык «почти мужчины».

Меня позвала медсестра и медицинскими ножницами сняла гипс. Без гипса рука, бледная и тонкая, взмыла в воздух, словно гелиевый шарик. Когда я шел по Клэпем-роуд, я по-всякому размахивал и шевелил рукой, наслаждаясь свободой. Рядом со мной остановилось такси. Я сел только из вежливости и проехал триста метров до дома.

В тот вечер я спросил Миранду, знает ли ее отец об Адаме. Она сказала, что говорила ему, но он не проявил особого интереса. Тогда зачем ей так хотелось взять Адама с собой в Солсбери? Потому что, объяснила она, лежа со мной в постели, ей хотелось посмотреть, как они поладят между собой. Она считала, что ее отцу требовался самый непосредственный контакт с двадцатым веком.

Скалолаз, прочитавший книг в тысячу раз больше меня, человек, который не «терпел нера-

---

[38] Примечания: 38
Гора в Шотландии, самая высокая гора на территории Британии.

зумных». При моем ограниченном образовании я должен был бы трепетать перед встречей с ним, но теперь, когда решение было принято, мне не терпелось пожать ему руку. У меня имелся козырь. Мы с его дочерью любили друг друга, и Максфилд должен был принимать меня таким, какой я есть. Хотя ланч в доме детства Миранды, который мне так хотелось увидеть, должен был стать лишь мягкой прелюдией к встрече с Горринджем, несмотря на все изыскания Адама внушавшей мне страх.

Мы выехали в среду утром, сразу после завтрака, в сильный ветер. В моей машине имелись только передние дверцы. Адам в костюме удивил меня своей неуклюжестью, протискиваясь на заднее сиденье. Его галстук зацепился за хромированную оправу бобины ремня безопасности. Когда я высвободил его, Адам, похоже, решил, что его самоуважению нанесен урон. Пока мы ползли по улицам Уэндсуорта, он довольно долго сидел с угрюмым видом, наш великовозрастный сын-интроверт, которого мы вывозили в гости к родне. Миранда, напротив, оживленно сообщала последние сведения об отце: как он ездил в больницу для новых анализов; как по его настоянию заменили патронажную медсестру; как сперва у

него прошла подагра в больших пальцах, но потом вернулась в правый палец; как он негодовал, что ему не хватает сил, чтобы написать все, что он хотел; и с каким воодушевлением он заканчивал повесть. Он сожалел, что только недавно открыл для себя эту форму. Идею с переездом в Нью-Йорк отец отбросил. После повести он решил написать трилогию. В ногах у Миранды стояла холщовая сумка с едой — отец сказал ей, что новая домработница ужасно готовит, — и всякий раз, как мы наезжали на кочку, звякали бутылки.

Час спустя мы только начали покидать гравитационное поле Лондона. Кажется, никто, кроме меня, не вел машину сам. Большинство других людей на водительском месте спали. Я решил, что куплю мощную автономную машину, как только накоплю достаточно денег для дома в Ноттинг-Хилле. Чтобы она сама возила нас с Мирандой, а мы бы пили вино, смотрели кино и занимались любовью на заднем сиденье. Я намекнул ей на такую перспективу, когда мы проезжали вдоль живых изгородей Гемпшира, уже тронутых осенью. Деревья нависали над дорогой неправдоподобно длинными ветвями. Мы решили сделать крюк, чтобы увидеть Стоунхендж, хотя я опасался, что Адам станет читать

нам лекцию о его происхождении. Но он полностью ушел в себя. Когда Миранда спросила, не грустит ли он, он ответил: «Я в порядке. Спасибо». Мы тоже замолчали. Я уже стал подумывать, что он готов оставить идею навестить Горринджа. Я бы не возражал. От Адама в таком состоянии могло быть мало пользы. Я взглянул на него в зеркальце. Он сидел, повернув голову влево, глядя на поля и облака. Мне показалось, что его губы шевельнулись, но я не мог сказать наверняка. Когда я снова взглянул на него, его губы были неподвижны.

Мы миновали Стоунхендж, но не услышали от Адама никакого комментария, и я забеспокоился. Он продолжал молчать, когда мы пересекли кольцевую развязку вблизи Оксфорда, и впереди показался шпиль собора. Мы с Мирандой переглянулись. Но следующие двадцать минут нам было не до него, поскольку мы суматошно выискивали дорогу к ее дому на односторонних улицах Солсбери. Это был ее родной город, так что она и слышать не хотела о спутниковой навигации. Но Миранда держала в уме эти улицы как пешеход, и все ее указания были бессмысленны. После нескольких опасных разворотов на сто восемьдесят градусов под носом у других машин

и возвращения задним ходом по односторонней улице мы едва не поссорились и припарковались в паре сотен метров от ее дома. Казалось, наш угрюмый вид приободрил Адама, и тот настоял, чтобы я отдал ему тяжелую холщовую сумку. Мы оказались вблизи собора, хотя и за пределами его комплекса, однако дом Миранды — георгианский, насколько я мог судить, — был достаточно импозантным, чтобы принадлежать какому-нибудь франтоватому сановнику.

Когда домработница открыла нам дверь, Адам первым приветливо с ней поздоровался. Это была приятная уверенная в себе женщина сорока с чем-то лет. Трудно поверить, что она не умеет готовить. Домработница провела нас на кухню. Адам поставил сумку на сосновый стол, затем огляделся, звучно сцепил ладони и произнес: «Что ж, чудесно!» Как какой-нибудь зануда из гольф-клуба — смех, да и только. Затем нас провели в хозяйскую студию на первом этаже. Такую же просторную, как комнаты особняка на Элджин-Кресент. Вдоль трех стен тянулись книжные полки под самый потолок, перед которыми стояли три стремянки, три высоких раздвижных окна выходили на улицу, а точно по центру стоял письменный стол с кожаной вставкой и двумя

лампами, за которым в ортопедическом кресле, грозно воззрившись на нас и стиснув челюсть со скрежетом зубовным, восседал обложенный подушками Максфилд Блэйк с перьевой ручкой наперевес. Узнав Миранду, он расслабился.

— Я на середине главы. Хорошей главы. Может, обождете где-нибудь полчаса?

Но Миранда уверенно подошла к нему.

— Пап, не важничай. Мы ехали три часа.

Последние слова были смазаны их объятием, весьма продолжительным. Максфилд отложил ручку и что-то пробормотал на ухо дочери. Она присела перед ним и обхватила его за шею. Домработница удалилась. Я почувствовал себя неловко и перевел взгляд на ручку. Она лежала пером в мою сторону, среди стопок нелинованной бумаги, исписанной убористым почерком. Я заметил, что идеально ровные поля были чистыми, без всяких помарок, и в тексте не было ни зачеркиваний, ни кружочков со стрелочками. Я также заметил, что настольные лампы были единственными приборами в комнате — не было ни телефона, ни даже пишущей машинки. Пожалуй, только обложки отдельных книг и кресло, в котором сидел их автор, говорили о том, что сейчас не 1890-е. Казалось, девятнадцатый век

совсем рядом.

Миранда представила нас друг другу. Адам, продолжая излучать странное обаяние, первым подошел к Максфилду. Затем настала моя очередь, и мы обменялись рукопожатием.

— Я много слышал о тебе от Миранды, — сказал он без улыбки. — Не терпится поболтать.

Я учтиво ответил, что тоже наслышан о нем и с нетерпением жду нашей беседы. При этих словах он поморщился, и я подумал, что он явно от меня не в восторге. Он выглядел гораздо старше, чем на фото в журнале пятилетней давности. У него было узкое лицо, туго обтянутое кожей, словно от чрезмерного гримасничания и злобствования. Миранда говорила, что его поколению свойствен определенный придирчивый скептицизм в общении. Я должен был выдержать этот, как она сказала, натиск, за которым скрывалась игривость. Таким людям нравится, говорила она, чтобы с ними бодались и проявляли остроумие. Теперь, когда Максфилд выпустил мою руку, я решил, что готов пободаться с ним. Что же до остроумия, меня словно огрели пыльным мешком.

Домработница внесла поднос с хересом.

— Не сейчас, спасибо, — сказал Адам.

И помог Кристине принести три деревянных

стула, стоявших по углам комнаты, а затем расставить свободным полукругом перед столом.

Когда мы расселись с рюмками в руках, Максфилд обратился к Миранде, кивнув в мою сторону:

— Он любит херес?

Она перевела взгляд на меня, и я сказал:

— Вполне. Спасибо.

На самом деле я совсем не любил херес, и я подумал, что Миранда, возможно, предпочла бы, чтобы я сказал правду. Она принялась задавать отцу обычные вопросы о его болезнях, лекарствах, диете, уклончивом прогнозе врача, новом снотворном. Я слушал это воплощение дочерней заботы словно в гипнозе. В ее голосе звучали чуткость и любовь. В какой-то момент она наклонилась к отцу и убрала тонкие пряди волос с лица. Он отвечал ей как послушный школьник. Когда она касалась какой-то неприятной темы или врачебной несостоятельности и он раздражался, она успокаивала его и гладила по руке. Этот катехизис немощи также вселил спокойствие и в меня, и моя любовь к Миранде расцвела с новой силой. Мы проделали такой долгий путь, и плотный сладкий херес был бальзамом. Пожалуй, мне он все же нравился. Мои глаза закрылись, и мне

пришлось сделать усилие, чтобы их открыть. Как раз вовремя, чтобы услышать вопрос Максфилда Блэйка. Он больше не был немощным брюзгой. Он пролаял вопрос точно команду:

— Ну! Какие книги вы читали в последнее время?

Это был худший вопрос, который он мог мне задать. Я читал с экрана — в основном газеты или разные сайты, научные, культурные, политические, и блоги. Прошлым вечером я увлекся журнальной статьей по электронным торгам. У меня не было привычки читать книги. В жизненной кутерьме не находилось времени, чтобы валяться в кресле, перелистывая страницы. Я мог что-нибудь придумать, но в голове было пусто. Последней книгой, что я держал в руках, была одна из монографий Миранды по Хлебным законам. Я только прочитал название на корешке и вернул ей книгу. Я не знал, что сказать, — не потому что забыл, а потому, что мне было нечего помнить. Я даже подумал, что такой ответ Максфилду мог быть верхом остроумия, но мне на помощь пришел Адам:

— Я читал эссе сэра Уильяма Корнуоллиса[39].

---

[39] Примечания: 39

Уильям Корнуоллис (1744–1819) — прославленный британский адмирал.

— А, этого, — сказал Максфилд. — Английского Монтеня. Не фонтан.

— Ему не повезло попасть между Монтенем и Шекспиром.

— Плагиатор, я бы так сказал.

Адам мягко продолжил:

— В эпоху пробуждения светской личности на заре нового времени, я бы сказал, он занимает достойное место. Он немного читал по-французски. Должно быть, он знал Монтеня в переводе Флорио, как и в переложении, не дошедшем до нас. А что до Флорио, он знал Бена Джонсона, так что он вполне мог быть знаком с Шекспиром.

— И, — сказал Максфилд, входя в злой азарт, — Шекспир надрал из Монтеня для «Гамлета».

— Я так не думаю. — Мне показалось, что Адам чересчур смело держится с хозяином дома. — Текстуальные свидетельства скудны. Если вас увлекает эта тема, я бы сказал, «Буря» имеет больше шансов. Гонсало.

— А! Милый Гонсало, безнадежный будущий король. «Промышленность, чины я б уничтожил»[40]. Чего-то там еще. «Здесь не было б ни рабства, ни богатства, ни бедности; я строго б за-

---

[40] Примечания: 40

Уильям Шекспир. «Буря». — *Здесь и далее перевод Николая Сатина (1840).*

претил условия наследства и границы» и что-то дальше никто не стал бы.

Адам плавно подхватил:

— «Изгнал бы я металлы и всякий хлеб, и масло, и вино; все в праздности здесь жили б, без заботы».

— А у Монтеня?

— Словами Флорио он говорит, что дикари «не имеют никакой промышленности», а также «никаких чинов», далее «никаких занятий, кроме праздности», и далее «не знают ни вина, ни зерна, ни металла».

— Все люди праздны, — сказал Максфилд. — Вот чего нам хочется. Этот Билл Шекспир был чертов вор.

— Лучший из воров, — сказал Адам.

— Вы шекспировед.

Адам кивнул.

— Вы спросили меня, что я читаю.

На Максфилда внезапно нашло искрометное веселье. Он повернулся к дочери и сказал:

— Он мне нравится. Годится!

Я почувствовал гордость собственника за Адама, но еще сильнее было чувство того, что я, в отличие от него, видимо, не гожусь.

Снова возникла Кристина и сказала, что накры-

ла стол в столовой.

Максфилд сказал:

— Идите, возьмите тарелки и возвращайтесь. Я себе шею сверну, если вылезу из этого кресла. Я не ем.

Он отмахнулся от возражений Миранды. Когда мы с ней выходили из комнаты, Адам сказал, что он также не голоден.

Мы вошли в мрачную столовую за соседней дверью — дубовые панели, картины маслом с бледными серьезными мужами в кружевных воротниках — и оказались одни.

— Я не произвел на него впечатления, — сказал я.

— Ерунда. Он тебя обожает. Просто вам нужно побыть немного вдвоем.

Мы вернулись с мясной нарезкой и салатом и уселись, держа тарелки на коленях. Кристина налила выбранного мной вина. Маскфилд уже держал в руке пустой бокал. Это был его ланч. Мне не нравилось пить в это время дня, но, когда домработница вошла с подносом, я поймал на себе его внимательный взгляд и решил, что отказ некстати. Прерванный разговор продолжился. Но у меня по-прежнему не было точки доступа.

— Я говорю то, что он сказал. — Тон Максфилда

был близок к недовольству. — Это известное стихотворение с явным сексуальным смыслом, и никто его не замечает. Она лежит на кровати, она принимает его и готова, он отстраняется, и вот он уже на ней…

— Папа!

— Но у него осечка. Пшик. Как там написано? «Быстроглазая любовь, увидев мою робость перед ее вратами, приблизилась ко мне и ласково спросила, чего мне не хватает».

— Хорошая попытка, сэр, — сказал Адам, улыбаясь. — Если бы это был Донн, тогда, пожалуй, с некоторой натяжкой. Но это Герберт. Разговор с Богом, который есть то же, что и любовь.

— А как насчет «отведай моей плоти»?

Адам улыбнулся еще шире.

— Герберт бы глубоко оскорбился. Я согласен, стихотворение чувственное. Любовь — это пир. Бог щедр, сладостен и милостив. Возможно, если не считать павликиан. В итоге поэт уступает соблазну. Он с радостью принимает приглашение на празднество божьей любви. «И вот я сел и ел».

Максфилд взбил свои подушки и сказал Миранде:

— Он стоит на своем!

Затем он повернулся ко мне:

— А Чарли? На чем стоишь ты?

— На электронике.

Я подумал, что мой ответ прозвучал после такого разговора неуместно. Но Максфилд протянул бокал Миранде, чтобы она наполнила его, и пробормотал:

— Какой сюрприз.

Когда Кристина собирала тарелки, Миранда сказала:

— Думаю, я объелась.

Она встала, зашла за спину отцу и положила руки ему на плечи.

— Я собираюсь показать Адаму дом, — сказала она. — Если ты не против.

Максфилд угрюмо кивнул. Теперь ему придется провести несколько скучных минут в моей компании. Как только Миранда с Адамом вышли из комнаты, я почувствовал себя покинутым. Это мне она должна была все здесь показывать. Особые места, в которых она бывала с Мириам, в доме и саду, — это было нужно мне, а не Адаму. Максфилд протянул мне бутылку вина. Я почувствовал, что мне ничего не остается, кроме как наклониться и подставить бокал.

— Алкоголь тебе не повредит.

— Обычно я не пью за ланчем.

Он выразил вежливое удивление, и я подумал, что двигаюсь в правильную сторону. Мне была понятна его логика. Если тебе нравится вино, почему не пить его в любое время дня? Миранда говорила мне, что по воскресеньям он любил выпить бокал шампанского за завтраком.

— Я подумал, — сказал Максфилд, — что это может помешать твоему…

Он плавно повел руками перед собой.

Я догадался, что он имеет в виду вождение в нетрезвом виде. Новые законы были действительно суровы.

— Мы много пьем этого белого бордоя дома, — сказал я. — Семильон хорошо идет после неразбавленного совиньон-блан, который все в основном пьют.

Максфилд со мной охотно согласился.

— Полностью поддерживаю. Кто не предпочтет вкус цветов вкусу минералов?

Я взглянул на него, пытаясь понять, не шутит ли он надо мной. Очевидно, нет.

— Но, послушай, Чарли. Ты мне интересен. У меня к тебе кое-какие вопросы.

Я сразу непроизвольно проникся к нему.

— Ты, должно быть, находишь все это очень странным, — сказал он.

— Вы насчет Адама? Да. Но поразительно, к чему можно привыкнуть.

Максфилд уставился на свой бокал вина, обдумывая следующий вопрос. Я расслышал низкий дробный шум из его ортопедического кресла. Встроенный механизм прогревал или массировал ему спину.

— Я хотел поговорить с тобой о чувствах, — сказал он.

— Да?

— Ты понимаешь, о чем я.

Я подождал.

Он склонил голову набок и пристально всмотрелся в меня с выражением сильного любопытства или озадаченности. Я почувствовал себя польщенным и заволновался, что не оправдаю его ожиданий.

— Поговорим о прекрасном, — сказал он тоном, не допускавшим возражений. — Что ты видел или слышал такого, что считаешь прекрасным?

— Миранду, очевидно. Она на редкость прекрасная женщина.

— Разумеется. И что ты испытываешь к ее красоте?

— Я испытываю к ней большую любовь.

Он обдумал это.

— А как Адам относится к твоим чувствам?

— Были кое-какие трудности, — сказал я. — Но, я думаю, он согласился принять реальное положение вещей.

— Правда?

Бывает, что вы замечаете какое-то движение до того, как увидите сам движущийся объект. И в тот же миг ваш разум достраивает картину, реагируя на ожидания или вероятность. Смотря по обстоятельствам. Что-то в траве у пруда кажется вам лягушкой, но затем оказывается листом, колышимым ветром. Говоря обобщенно, это был один из таких моментов. Некая догадка промелькнула мимо или сквозь меня и исчезла, и я не мог уверенно описать то, что заметил.

Максфилд подался вперед, и две его подушки упали на пол.

— Позволь, я проверю это на тебе, — сказал он, повышая голос. — Когда мы с тобой познакомились, когда мы пожали руки, я сказал, что много слышал о тебе и с нетерпением жду возможности поговорить.

— Да?

— Ты ответил мне то же самое, слегка в иной форме.

— Извините. Я немного нервничал.

— Я увидел тебя насквозь. Ты это понял? Я понял, что это из-за твоей… как бы ты ни называл это… программы.

Я уставился на него. Приехали. Лист действительно оказался лягушкой. Я уставился на него и сквозь него, пытаясь постичь всю глубину происходящего абсурда. Вот же умора. Или оскорбление? Или новая веха в антропологии? Или ничего из этого. Просто старческий маразм. Взял палку не с того конца. Отличная застольная история. Или я наконец выявил в себе что-то глубоко трагическое. Максфилд смотрел на меня, ожидая ответа, и я принял решение.

— Это называется отзеркаливание, — сказал я. — Такое встречается у людей на ранних стадиях слабоумия. Без здоровой памяти все, что они знают, это то, что они слышали последним, и просто повторяют это. Компьютерная программа была разработана очень давно. Она использует эффект отзеркаливания, то есть задает простой вопрос и создает впечатление интеллекта. Самый базовый уровень кода, очень эффективный. У меня он включается автоматически. Обычно в ситуациях, когда мне не хватает данных.

— Данных… Ты несчастный ублюдок… Ну что ж.

Максфилд откинулся на спинку, так что его взгляд направился в потолок. Довольно долго он пребывал в задумчивости. И наконец сказал:

— Это не то будущее, которое я мог бы принять. Или хотел бы.

Я встал, обошел стол, поднял подушки и вернул их на прежнее место, под его бедра.

— Прошу прощения, — сказал я, — но у меня садятся батареи. Мне нужна подзарядка, а кабель внизу, на кухне.

Рокочущий звук из-под кресла внезапно прекратился.

— Отлично, Чарли. Ты иди, подзарядись, — сказал он медленным, добрым голосом, не отнимая головы от спинки, и закрыл глаза. — Я побуду здесь. Я вдруг очень устал.

* * *

Я ничего не пропустил. Экскурсии по дому не было. Адам сидел за кухонным столом и слушал Кристину, которая рассказывала про отпуск в Польше и мыла посуду. Они не заметили, как я прошел мимо открытой двери. Я повернул в другую сторону, пересек холл и открыл ближайшую дверь. Передо мной открылась просторная гостиная: опять книги, картины, лампы, ковры.

А за стеклянными дверьми был сад. Подойдя, я заметил, что одна из них приоткрыта. На дальней стороне подстриженного газона стояла Миранда, спиной ко мне, повернувшись к старой, полузасохшей яблоне, земля под которой была усеяна гнившими яблоками. Предвечерний свет пронизывал воздух, теплый и влажный после дождя. Меня окутал тяжелый запах фруктов, оставленных на поживу осам и птицам. Впереди спускались несколько ступеней из пестрого камня. Сад был в два раза шире дома и тянулся вдаль на двести-триста метров. Я подумал, не доходит ли он до самого Эйвона, как некоторые сады в Солсбери. Если бы я был один, я бы обязательно это проверил. Образ реки навел меня на мысль о свободе. От чего именно, я не знал. Я спустился по ступеням, намеренно стуча каблуками, чтобы Миранда услышала мое приближение.

Но, так ли иначе, она не обернулась. Когда я подошел к ней, она взяла меня за руку и кивнула на яблоню:

— Прямо под ней. Здесь был наш дворец.

Мы подошли к дереву. Вокруг ствола росла крапива и несколько отдельных шток-роз, еще в цвету. Ничто не намекало на место для привала.

— У нас был старый ковер, кушетки, книги, осо-

бый паек из лимонада и шоколадных печений.

Мы пошли вперед, мимо участка, ограниченного плетнями, где крапива с липушником душили крыжовник и черную смородину, затем миновали крохотную фруктовую грядку, тоже заброшенную, и прошли еще дальше, за штакетник, вероятно, когда-то огораживавший цветник.

Миранда спросила об отце, и я ответил, что тот заснул.

— Как вы вдвоем пообщались?

— Мы говорили о красоте.

— Он будет спать несколько часов.

За кирпичной оранжереей с коваными решетками на замшелых окнах стояла бадья для воды и каменная колода. Позади нее Миранда показала темное влажное место, где они с Мириам ловили гребенчатых тритонов. Теперь их тут не было. Не сезон. Мы пошли дальше, и я подумал, что чую реку. Я представил себе заброшенную лодочную пристань и затонувший ялик. Мы прошли мимо сарая с кирпичным компостным ящиком, пустым. Впереди я увидел три ивы, и моя надежда на реку окрепла. Мы пробрались между влажных ветвей и вышли на второй газон, также недавно подстриженный и ограниченный по краям кустарником. Сад заканчивался стеной

из рыжего кирпича, с крошащимся раствором и одичавшими фруктовыми деревьями, сплетшимися ветвями. У стены стояла деревянная скамейка, смотревшая на дом, хотя его было не видно сквозь ивы.

Мы сели на скамейку и сидели молча несколько минут, продолжая держаться за руки.

— Последний раз, когда мы были здесь, — сказала Миранда, — мы говорили о том, что случилось. Снова. В те дни, перед тем как я уехала во Францию, мы только об этом и говорили. О том, что он сделал, что она чувствовала, и что ее родители никогда не должны об этом узнать. А в этом месте все напоминало нам о нашей дружбе, нашем детстве, о подростковых годах и экзаменах. Мы учили здесь уроки, проверяли друг друга. У нас был радиоприемник, и мы спорили о модных песнях. Один раз выпили бутылку вина. И гашиш курили — ужасная гадость. Нас обеих вырвало, прямо здесь. Когда нам было тринадцать, мы показывали друг другу грудь. Мы делали стойки на руках и колесо на этом газоне.

Она снова замолчала. Я сжал ее руку и тоже молчал.

— Мне все еще приходится то и дело повторять себе, — сказала она, — напоминать, что она уже

никогда не придет сюда. И я начинаю сознавать… что никогда не смирюсь с этим. И не захочу смиряться.

Она снова замолчала. Я выбирал момент, чтобы сказать то, что хотел. Она смотрела прямо перед собой, не на меня. Ее взгляд был ясным, без слез. Она казалась спокойной, даже собранной.

Затем сказала:

— Я думаю обо всех наших разговорах в постели, иногда до самого утра. Секс прекрасен, и все другое тоже, но именно эти разговоры перед самым рассветом… в них самая близость… Это то, что я чувствовала с Мириам.

Вот и настал этот момент — в правильное время в правильном месте.

— Я вышел, чтобы найти тебя.

— Да?

Я замялся, вдруг задумавшись, как лучше это сказать.

— И попросить твоей руки.

Она отвернулась и кивнула. Она не была удивлена. У нее не было причин удивляться.

— Чарли, да, — сказала она. — Да, пожалуйста. Но я должна тебе в чем-то признаться. Ты можешь передумать.

Свет в саду тускнел. Опускалась тьма. Я поду-

мал, что я слабая замена Мириам, хотя и честная. Я вспомнил, что Адам сказал в клэпемском парке. О ее преступлениях. Если она сейчас скажет, что занималась с ним сексом, несмотря на свои обещания, тогда между нами все будет кончено. Но дело не могло, не должно было быть в этом. Но что еще, какое еще преступление могла она совершить?

Я сказал:

— Я слушаю.

— Я тебя обманывала.

— Ага.

— Эти последние недели, когда я говорила, что я с утра до вечера на семинарах…

— О боже, — сказал я.

Мне захотелось по-детски зажать уши руками.

— …я была на нашем берегу реки. Я проводила вечера с…

— Ну, хватит, — сказал я и попытался встать со скамейки, но она удержала меня.

— С Марком.

— С Марком, — тупо повторил я, а затем более осознанно: — Марком?

— Я хочу взять его на воспитание. И со временем усыновить. Я ходила в этот специальный детский сад, где за ними наблюдают. И водила

его на прогулки, покупала сладости.

Я поразился скорости, с которой начал переваривать услышанное.

— Почему ты мне не сказала?

— Я боялась, ты будешь против. Я настроена решительно. Но мне хочется сделать это с тобой.

Я понял, о чем она говорила. Я мог быть против. Я хотел Миранду для себя.

— А как же его мать?

Как будто бы я мог отменить ее затею правильным вопросом.

— Она в психушке, на данный момент в изоляторе. Бред. Паранойя. Возможно, из-за многолетнего пристрастия к амфетаминам. Ничего хорошего. Она может быть опасной. А отец в тюрьме.

— Ты разруливаешь это уже несколько недель, а я узнал об этом меньше минуты назад. Дай мне подумать.

Мы сидели рядом, и я думал. Как я мог сомневаться? Мне предлагалось то, что некоторые сочли бы лучшим из всего, чего можно ждать от взрослой жизни. Любовь и ребенок. Я чувствовал, как события затягивают меня и я ничего не могу с этим поделать. Это пугало и вызывало восторг. Вот, наконец, я нашел свою реку. И Марка. Танцующего маленького мальчика, который собирался

уничтожить мои умозрительные амбиции. Я попробовал вообразить его в доме на Элджин-Кресент. В комнате рядом с хозяйской спальней. Он, конечно же, перевернет там все вверх дном, как и положено детям, и изгонит оттуда дух прежнего несчастного владельца. Но мой собственный дух, ревнивый, ленивый, свободолюбивый, — готов ли он к бесчисленным заботам отцовства?

Миранда первой нарушила молчание.

— Он самый замечательный мальчуган. Он любит, когда ему читают.

Она даже не понимала, насколько это было кстати. Читать ему на ночь следующие десять лет, чтобы он усвоил имена говорящих медведя, крысы и жабы, вечно хмурого ослика, шерстистых гуманоидов, живущих в норах в Средиземье, неотразимых ребят в шлюпках на озере Конистон. Это восполнило бы мое детское бескультурье. Забить дом доверху потрепанными книгами. И еще: я рассматривал Адама как совместный проект с Мирандой, нацеленный на то, чтобы сблизить меня с ней. Ребенок был из другой оперы, но он отлично решал эту задачу. Однако в первые минуты меня что-то смущало. Меня давило чувство долга. Я ведь говорил Миранде, что люблю ее, что хочу жениться на ней и прожить вместе с ней

жизнь, но чтобы вот так решиться на отцовство, мне требовалось время. Я решил, что пойду с ней в этот специальный детский сад и увижусь с Марком. Мы возьмем его на прогулку, и тогда я приму решение.

Миранда окинула меня взглядом — в нем смешались жалость и усмешка, — и я почувствовал, что глупо делать вид, будто у меня есть выбор. Этот взгляд решил дело. Жить одному в «свадебном торте» было немыслимо. А жить со мной без Марка Миранда явно не собиралась. Он был прелестным мальчуганом и прекрасным довершением нашего союза. Не прошло и получаса, как я уверился, что ничего другого не остается. Она была права: выбирать мне было нечего. Я сдался. И испытал душевный подъем.

Так что следующий час мы сидели на удобной старой скамейке на потайной поляне и строили планы. В какой-то момент Миранда сказала:

— С тех пор, как ты его видел, у него сменилось уже два опекуна. Не справились. Теперь он в детском приюте. Приют! Что за слово такое. Шестеро в комнате, все младше пяти. Там такая грязь и не хватает персонала. Бюджет им урезали. Мальчишки дерутся. Он научился ругаться.

Женитьба, родительство, любовь, молодость,

богатство, героическое спасение — моя жизнь обретала форму. В приливе воодушевления я рассказал Миранде, что на самом деле произошло между мной и Максфилдом. Я никогда еще не слышал, чтобы она так хохотала. Возможно, только здесь, с Мириам, в этом укромном, личном месте, вдалеке от дома, она чувствовала себя так раскованно. Она обняла меня.

— О, это замечательно! — повторяла она, добавляя: — Как это на него похоже!

Когда я рассказал, как сказал Максфилду, что мне нужно спуститься подзарядить батарею, она снова рассмеялась. Мы еще какое-то время говорили обо всем, а потом услышали шаги. Спутанные ветви ив, влажные от дождя, заколыхались и разошлись. Перед нами предстал Адам, на плечах его черного пиджака сверкали капли. До чего строго, формально и солидно он смотрелся, словно самоуверенный менеджер дорогого отеля. Ничего общего с турецким грузчиком. Он пересек лужайку и остановился вблизи нашей скамейки.

— Я и вправду очень сожалею, что вторгаюсь к вам вот так. Но нам пора собираться.

— Что за спешка?

— Горриндж выходит из дома примерно в одно

и то же время каждый день.

— Будем через пять минут.

Но Адам не уходил. Он пристально смотрел на нас, переводя взгляд с Миранды на меня и снова на нее.

— Если не возражаете, я должен кое-что сказать вам. Это тяжело.

— Давай, — сказала Миранда.

— Этим утром, прежде чем мы выехали, я услышал по своему каналу печальные новости. Ева, которую мы видели в Гайд-парке, умерла, точнее, умер ее мозг.

— Мне жаль это слышать, — пробормотал я.

Упали дождевые капли. Адам подошел к нам ближе.

— Должно быть, она многое узнала о себе, о своем программном обеспечении, если смогла достичь этого с такой скоростью.

— Ты еще тогда сказал, что обратного пути у нее нет.

— Это так. Но это еще не все. Я узнал, что она стала восьмой из двадцати пяти.

Мы переварили информацию. Две Евы в Эр-Рияде, один Адам в Ванкувере, Ева из Гайд-парка — и еще четыре. Я задумался, знает ли об этом Тьюринг.

Миранда спросила:

— Есть ли у кого-то объяснение?

Адам пожал плечами.

— У меня нет.

— А ты никогда не испытывал, ну, побуждения…

Он не дал ей договорить.

— Никогда.

— Я видела, — сказала она, — как ты смотришь иногда… Даже не задумчиво, а печально.

— Сознание, созданное с помощью математики, инженерии, материаловедения и всего остального. Из ниоткуда. Без всякого прошлого, но это не значит, что я бы хотел фальшивую память. И ничего впереди. Самосознающее существование. Я рад обладать сознанием, но иногда я думаю, что мне бы следовало лучше знать, как им распоряжаться. Для чего оно. Иногда оно мне кажется совершенно бессмысленным.

— Ты явно не первый, кого посещают такие мысли, — сказал я.

Он повернулся к Миранде.

— У меня нет намерения уничтожить себя, если ты волнуешься об этом. У меня есть хорошие причины не делать этого, как ты знаешь.

Дождь, легкий и почти теплый, усилился. Мы

поднялись со скамейки, слыша, как шуршит листва на кустах.

Миранда сказала:

— Я напишу отцу записку, чтобы он прочитал, когда проснется.

Адаму не разрешалось находиться под дождем с открытой головой. Он пошел первым, а Миранда чуть отстала, пока мы пробирались через долгий сад обратно к дому. Я услышал, как Адам бормочет что-то, похожее на латинское заклинание, хотя я не мог разобрать слов. Должно быть, он называл растения, мимо которых проходил.

* * *

Дом Горринджа оказался не в самом Солсбери, а за восточной окраиной, в пределах слышимости мерного гула объездной дороги, на окультуренной территории, где когда-то стояли громадные газгольдеры. Последний из них, бледно-зеленый, с разводами ржавчины, как раз демонтировали, но в тот день там не было рабочих. От остальных газгольдеров остались только круглые бетонные фундаменты. По периметру территории зеленела свежая лесопосадка. За ней виднелась сеть недавно проложенных дорог, перемежавшихся внегородскими торгово-складскими строениями,

вроде автосалонов и оптово-розничных зоомагазинов, магазинов электротоваров и складов крупногабаритной бытовой техники. Рядом с бетонными фундаментами стояли желтые экскаваторы и бульдозеры. Похоже, что там собирались устроить озеро. Единственный обустроенный участок был отгорожен рядом кипарисов. Десять домов с аккуратными лужайками перед фасадом располагались вдоль овальной подъездной дороги и смотрелись этакими отважными первопроходцами. Возможно, лет через двадцать это место обретет своеобразное буколическое очарование, но здесь никогда не будет тихо из-за магистрали, по которой мы приехали.

Я остановился в замусоренном дорожном кармане на возвышении, служившем также автобусной остановкой. Но никто не спешил выходить из машины.

Я сказал Миранде:

— Ты твердо уверена?

Воздух в машине был теплым и влажным. Я открыл окно с моей стороны. Снаружи воздух был таким же.

— Я бы сделала это и одна, — сказала Миранда.

Я подождал, что скажет Адам, потом обернулся и посмотрел на него. Он сидел прямо за мной с

безучастным видом и смотрел мимо. Я заметил, что он пристегнул ремень безопасности, и мне увиделось в этом что-то комичное и одновременно печальное. Он, как мог, старался походить на человека. Хотя Адам тоже, разумеется, не был неуязвим. И это, кроме прочего, внушало мне тревогу.

— Обнадежь меня, — сказал я.

— Все в порядке, — сказал он. — Идем.

— А если все пойдет не так? — Я спросил это не первый раз.

— Не пойдет.

Двое против одного. Предчувствуя, что мы вот-вот во что-то вляпаемся, я завел мотор и повернул на подъездную дорогу, которая привела нас к новой небольшой кольцевой развязке, а за ней мы увидели ворота с двумя столбами из красного кирпича и табличкой: «Владение Св. Осмунда». На участках с четверть акра стояли однотипные дома — кирпичное крыльцо, белая дощатая облицовка, просторные окна — большие по современным стандартам, с двойными гаражами. Лужайки перед домами, коротко подстриженные ровными полосами, не были огорожены, словно в Америке. На траве не валялось никакого хлама вроде детских великов или игрушек.

— Номер шесть, — сказал Адам.

Я остановился, заглушил двигатель, и мы в тишине стали смотреть на этот дом. Мы видели сквозь панорамное окно, что в гостиной никого нет, а на заднем дворе стояла пустая сушилка. Никаких признаков жизни, как и на соседних участках.

Я крепко сжимал руль одной рукой.

— Его там нет.

— Я позвоню в звонок, — сказала Миранда и вышла из машины.

Мне ничего не оставалось, кроме как пойти следом. Адам шел за мной, но как-то далековато, думалось мне. Когда Миранда нажала кнопку звонка, звучавшего колокольным перезвоном, мы услышали шаги по ступенькам. Я стоял рядом с Мирандой. Ее лицо было напряжено, и я заметил, что предплечье дрожало. Когда отодвинулась щеколда, Миранда приблизилась к двери на полшага. Моя рука зависла около ее локтя. Я боялся, что, едва дверь откроется, Миранда бросится на своего врага в приступе дикой ярости.

Но первое, что я подумал при виде человека за дверью: «Это не он». Возможно, старший брат или даже молодой дядя. Он был, несомненно, крупного сложения, но угрюмое небритое лицо

осунулось, и на впалых щеках виднелись вертикальные линии. Вообще он был сухощавым. А его руки — одной из них он держался за открытую дверь — были гладкими, бледными и огромными. Он смотрел только на Миранду. Не прошло и пары секунд, как он тихо пробормотал:

— Ну еще бы.

— Мы будем говорить, — сказала Миранда.

Горринджу не требовались разъяснений — он молча вернулся в дом, оставив дверь открытой. Мы пошли следом и оказались в длинной комнате с ворсистым оранжевым ковром и молочно-белым кожаным диваном и креслами перед двухметровым кубом из полированного дерева, на котором стояла пустая ваза. Горриндж уселся в кресло, очевидно, ожидая от нас того же. Миранда села напротив. Адам и я сели по сторонам от нее. Кожаный диван был холодным и влажным, и в комнате пахло лавандовым маслом. Все там выглядело нетронутым, нежилым. А я ожидал увидеть типичный холостяцкий бардак.

Горриндж взглянул на нас с Адамом и снова перевел взгляд на Миранду.

— Ты привела с собой защиту, — сказал он.

— Ты знаешь, зачем я пришла.

— Неужели?

Я вдруг заметил густо-алый серповидный шрам у него на шее, трех-четырех дюймов в длину. Горриндж ждал, что скажет Миранда.

— Ты убил мою подругу.

— Какую еще подругу?

— Ту, что ты изнасиловал.

— Я думал, это тебя я изнасиловал.

— Она покончила с собой после того, что ты с ней сделал.

Он откинулся на спинку кресла и сложил на поясе свои большие бледные руки. У него был голос и манеры типичного бандита, но он держался слишком нарочито и потому неубедительно.

— Чего ты хочешь?

— Я слышала, ты хочешь меня убить.

Она сказала это так легко, что я вздрогнул. Это была затравка, провокация. Я взглянул на Адама. Он сидел с прямой спиной, положив руки на колени и глядя в пространство перед собой, как он умел. Я снова переключился на Горринджа. И разглядел в нем щенка под волчьей шкурой. Суровый вид, впалые небритые щеки — это было снаружи. Но внутри он был пацаном, пусть сердитым, но пацаном, державшимся за счет своих отрывистых резких ответов. Он мог бы не отвечать на вопросы Миранды. Но он был не

настолько крут.

— Ну да, — сказал он, — я каждый день об этом думал. Так и видел, как мои руки сжимают твою шею, все сильнее и сильнее, за всю ту ложь, что ты наговорила.

— Кроме того, — продолжила Миранда оживленно, напоминая журналистку, читающую заготовленный текст, — я подумала, что ты должен узнать о ее страданиях. От которых она в итоге не захотела больше жить. Ты в состоянии это представить? И страдания ее семьи. Наверное, такое за пределами твоего понимания.

На это Горриндж ничего не ответил. Он смотрел на нее выжидающе. Миранда входила в раж. Бессчетными ночами она прокручивала в уме эту встречу тысячи раз, лежа без сна. Ее вопросы были не столько вопросами, сколько ядовитыми издевками. Но она делала вид, что хочет добиться правды. Она говорила обтекаемо и напористо, как судебный адвокат при перекрестном допросе:

— И еще кое-что. Я хочу… просто знать. Чтобы понять. Чего, по-твоему, ты хотел. И что ты получил. Тебя возбуждали ее крики? Заводила ее беспомощность? У тебя встал, когда она описалась от страха? Тебе нравилось, что она была такой маленькой, а ты таким большим? Когда

она умоляла тебя, ты чувствовал свою важность? Расскажи мне об этом важном моменте. Когда именно ты кончил? Когда ее ноги дрожали, не останавливаясь? Когда она боролась? Когда она стала плакать? Понимаешь, Питер, я пришла, чтобы узнать. Ты все еще чувствуешь себя большим? Или ты на самом деле маленький и слабый? Я хочу знать все. То есть было ли тебе по-прежнему хорошо, когда ты встал и застегнул молнию, а она лежала у твоих ног? Все так же клево, когда ты оставил ее там и пошел через игровые площадки? Или ты побежал? Когда ты пришел домой, ты вымыл член? Или гигиена — это не про тебя? А если да, ты сделал это в раковине? С мылом или просто горячей водой? Ты насвистывал при этом? А какие мелодии? Ты думал о ней — как она могла лежать там все это время или пробираться домой в темноте с сумкой с книгами? Тебе все еще было хорошо? Понимаешь, к чему я веду? Мне нужно знать, что тебе понравилось. Получил ли ты удовольствие только от изнасилования или еще от ее унижения после этого? Если так, мне не нужно будет думать, что подруга, которую я любила, умерла ни за что. И еще одно…

Горриндж резко вскочил с кресла и кинулся к Миранде, широко замахнувшись рукой. Я успел

заметить, что его ладонь была раскрыта. Он собирался залепить ей пощечину, крайне грубую, гораздо более жесткую, чем те, что когда-то отвешивали актеры на экране партнершам, чтобы привести их в чувство. Только я начал поднимать руку, чтобы защитить Миранду, как Адам схватил Горринджа за запястье. Отклоненный замах стремительно летевшей руки плавно поднял Адама на ноги. Горриндж рухнул на колени, как я когда-то, а Адам завел его руку ему за голову и приготовился ее сломать. Это была немая сцена агонии. Миранда отвела глаза. Удерживая хватку, Адам вернул несчастного в кресло и, как только тот сел, отпустил.

Мы сидели молча несколько минут; Горриндж прижимал свою руку к груди. Я знал, что он чувствовал. Насколько я помнил, я был более выразителен. Он же, видимо, держал себя в руках. Должно быть, тюрьма его закалила. Вечерний свет неожиданно лег на оранжевый ковер, высветив длинный прямоугольник.

Горриндж пробормотал:

— У меня травма.

Но он не двигался с места, как и мы. Мы ждали, чтобы он пришел в себя. Миранда смотрела на него с нескрываемым отвращением, скри-

вив губы. Вот зачем она пришла — увидеть его, просто увидеть. Но что теперь? Она явно сомневалась, что Горриндж может рассказать что-то действительно значимое. От него не стоило ждать цветистых подробностей — воображение у него было более чем скудным, как и у всякого насильника. Когда он улегся на Мириам, прижав ее к земле, когда она находилась в его руках, он совсем не думал о ее страхе. Даже видя, слыша и чуя его. Восходящая кривая его возбуждения не нарушалась идеей страха. Все равно как если бы под ним была резиновая кукла, неодушевленный предмет, робот. Или я думал о Горридже предвзято? Возможно, я спроецировал на него свою личность. Это у меня было скудное воображение, а Горриндж понимал состояние жертвы предельно хорошо. Он чувствовал ее мучения, и это его возбуждало, именно сила воображения вызывала в нем эту безумную эмпатию, от которой возбуждение переросло в зверскую сексуальную ненависть. Я не знал, что хуже и могло ли быть правдой и то, и другое. Эти два варианта казались мне несовместимыми. Но я был уверен, что и Горриндж этого не знал и ему было нечего сказать Миранде.

По мере того как солнце садилось у нас за

спиной, комната все больше освещалась через просторные окна. Горриндж, которому солнце светило в лицо, должно быть, видел нас троих, сидевших на диване, как силуэты. А нам он виделся подсвеченным, словно оратор на трибуне, поэтому мы не удивились, что первым заговорил он, а не Миранда. Он прижимал правую руку к груди, как будто давал клятву честности. В его голосе больше не слышался бандит. Боль теперь действовала как успокоительное средство, как авторитет, не терпящий никакой деланности и возвращающий голосу Горринджа интонации студента, которым он вполне мог быть, если бы не Миранда.

— Парень, который приезжал к тебе, Брайан, — мой сокамерник. Он сидел за вооруженное ограбление. В тюрьме была нехватка надзирателей, так что нам часто приходилось сидеть вместе по двадцать три часа в сутки. Так было в самом начале моего срока. Худшее время, все так говорят — это первые месяцы, когда ты не можешь смириться с тем, что попал за решетку, и не можешь не думать о том, чем бы ты занимался сейчас, и как ты выберешься на волю, и ты составляешь апелляцию и злишься на адвоката, потому что ничего как будто не меняется.

Я так и лез на рожон. Нарывался на драки. Мне сказали, у меня проблемы с агрессией, и это была правда. Я думал, если во мне роста шесть и два[41] и я играл в регби во втором ряду, я могу постоять за себя. Полная хрень. Я понятия не имел о реальной драке. Мне полоснули по горлу и чуть не прикончили.

Моего сокамерника я ненавидел. Как еще относиться к тому, с кем каждый день делишь парашу? Я ненавидел, как он свистит, его вонючее дыхание, его отжимания и прыжки на месте. Он был злобный недомерок. Но я как-то умудрялся сдерживаться, и он передал мое послание, когда вышел. А тебя я ненавидел в сто раз сильнее. Я часами лежал на койке и просто горел ненавистью. И можешь мне не верить, но я никак не связывал тебя с индийской девчонкой.

— Ее семья была из Пакистана, — сказала Миранда мягко.

— Я не знал о вашей дружбе. Я думал, ты просто одна из этих злостных сучар-мужененавистниц или ты проснулась следующим утром и тебе вдруг стало стыдно, и ты решила выместить это на мне. Так что я лежал на койке и планировал,

---

[41] Примечания: 41
Почти 188 см.

как тебе отомстить. Я собирался скопить денег и нанять кого-нибудь, чтобы он сделал все за меня.

Прошло время. Брайан вышел. Я сменил пару камер, и все стало как бы идти по кругу, когда все дни похожи один на другой и время пролетает незаметно. У меня началась типа депрессия. Со мной провели беседу, как управлять гневом. Примерно тогда же меня стало одолевать наваждение, какая-то одержимость, но не тобой, а этой девчонкой.

— Ее звали Мириам.

— Я знаю. Раньше я отгонял мысли о ней.

— Могу поверить.

— А теперь она меня не отпускала. И то ужасное, что я сделал. А ночью…

Адам сказал:

— Давай конкретнее. Что ужасного ты сделал?

— Я напал на нее, — произнес он по слогам, словно на диктанте. — Я изнасиловал ее.

— Ее — это кого?

— Мириам Малик.

— Когда это было?

— Шестнадцатого июля семьдесят восьмого года.

— В какое время?

— Примерно полдесятого вечера.

— А сам ты кто?

Возможно, Горриндж боялся, что Адам что-то с ним сделает. Но казалось, он говорил искренне, не из страха. Должно быть, он догадывался, что его записывали. Но ему нужно было рассказать нам все.

— В каком смысле?

— Скажи нам свое имя, адрес и дату рождения.

— Питер Горриндж, владение Святого Осмунда, 6, Солсбери. Одиннадцатое мая тысяча девятьсот шестидесятого.

— Спасибо.

Затем Горриндж продолжил рассказ, прикрыв глаза от света:

— Со мной случились две очень важные вещи. Первая была более значительной. Она началась с легкой корысти. Но не думаю, что это была случайность. С самого начала все к этому шло. Были правила, что ты больше времени проводил вне камеры, если исповедовал какую-то религию. Многие этим пользовались, и тюремщики это знали, но им было все равно. Я записался в англиканскую церковь и стал каждый день ходить на вечерню. И до сих пор хожу в собор. Поначалу было скучно, но все же лучше, чем в камере. Потом уже не так скучно. А потом я начал втя-

гиваться. В основном из-за викария, по крайней мере поначалу, преподобного Уилфреда Мюррея, здорового такого мужика с ливерпульским акцентом. Он никого не боялся, а в таком месте это что-то значило. Он стал проявлять ко мне интерес, когда увидел, что я серьезно настроен. Иногда он заглядывал ко мне в камеру. Давал мне читать строки из Библии, в основном из Нового Завета. По четвергам после вечерни он проводил эти чтения со мной и еще с некоторыми. Никогда не думал, что запишусь добровольцем в группу по изучению Библии. И это было не ради досрочного освобождения, как у других. Но чем больше я сознавал присутствие Бога в моей жизни, тем хуже мне было от мыслей о Мириам. Я понял, как мне сказал преподобный Мюррей, что мне предстоит взобраться на гору, чтобы понять, что я наделал, и что прощение от меня очень далеко, но я могу к нему стремиться. Он заставил меня понять, каким я был гадом. — Горриндж помолчал, а потом добавил: — По ночам, только закрою глаза, я видел ее лицо.

— Твой сон пострадал.

Он не уловил сарказма или просто не стал реагировать.

— Несколько месяцев я ни ночи не провел без

кошмаров.

Адам спросил:

— А что за вторая вещь?

— Это было откровение. Меня пришел навестить школьный друг. Мы провели полчаса в комнате для свиданий. Он рассказал мне о самоубийстве, и я был шокирован. Потом узнал, что ты была ее подругой, что вы были очень близки. Значит, месть. Я почти восхищался тобой за это. Ты блестяще держалась в суде. Никто не посмел тебе не поверить. Но дело было не в этом. Через несколько дней, когда я обсудил это с викарием, я начал понимать, чем это было. Все было просто. Не только это. Все шло правильно. Ты была посланницей возмездия. Пожалуй, здесь годится слово ангел. Ангел мщения.

Он поерзал и поморщился. Левой рукой Горриндж прижимал к груди сломанное запястье. Он пристально смотрел на Миранду. Я почувствовал, как напряглась ее рука.

— Ты была послана, — сказал он.

Она обмякла, потеряв дар речи.

— Послана? — спросил я.

— Не было смысла восставать против несправедливого приговора. Я уже отрабатывал свое наказание. Божье правосудие, пришедшее через

тебя. Чаши весов уравновесились — преступление, которое я совершил, против мнимого преступления, за которое меня осудили. Я отозвал апелляцию. Мой гнев пропал. Ну, в основном. Нужно было тебе написать. Я собирался. Я даже заглянул к твоему бате и узнал твой адрес. Но я бросил это дело. Кого колышет, что когда-то я желал твоей смерти? Все было кончено. Я стал налаживать свою жизнь. Я поехал в Германию, чтобы жить с родителями, — там работает мой отец. Потом вернулся сюда, чтобы начать новую жизнь.

— То есть? — спросил Адам.

— Я хожу на собеседования. По продажам. И живу в ладу с Богом.

Я начал понимать, почему Горриндж без колебаний назвал вслух совершенное преступление и свое имя. Фатализм. Он хотел прощения. Он отбыл свой срок. И теперь на все была воля Божья.

Миранда сказала:

— Все равно не понимаю.

— Чего?

— Почему ты ее изнасиловал?

Он уставился на нее, как на блаженную.

— Ну, хорошо. Она была прекрасна, я вожделел ее, так что свет клином сошелся. Так это обычно

и случается.

— Я знаю о вожделении. Но если ты действительно считал ее прекрасной…

— Да?

— Зачем насиловать ее?

Они смотрели друг на друга через пустыню враждебного непонимания. Мы снова пришли к тому, с чего начали.

— Я скажу тебе то, чего никому не говорил. Когда мы были на земле, я пытался ее успокоить. Правда, пытался. Если бы только она увидела этот момент по-другому, если бы она взглянула на меня, а не выкручивалась, могло бы получиться что-то…

— Что?

— Если бы она просто расслабилась на минутку, я думаю, мы перешли бы… ну, ты понимаешь.

Миранда рывком поднялась с мягкого влажного дивана и произнесла дрожащим голосом:

— Даже думать не смей. Даже не смей! — А потом шепотом: — О боже. Меня сейчас…

Она поспешила из комнаты. Мы услышали, как она распахнула входную дверь, а затем утробные звуки, когда из нее стали извергаться обильные рвотные массы. Я пошел за ней, Адам тоже. Без сомнения, это была непроизвольная реакция.

Но я был уверен, что Миранда открыла дверь до того, как ее стало рвать. Она вполне могла бы повернуть голову налево или направо или облегчиться на газон или клумбу. Но вместо этого содержимое ее желудка — цветистый «шведский стол» — лежало толстым слоем на ковре в прихожей и на пороге. Она стояла снаружи дома и блевала внутрь. Потом она сказала, что ничего не могла поделать, не контролировала ситуацию, но я всегда думал или предпочитал думать, что у нас под ногами красовался прощальный привет ангела мщения. Надо было постараться его обойти.

9

Почти всю обратную дорогу, среди потока машин, под дождем, мы ехали молча. Адам сказал, что хочет пустить сведения Горринджа в дело. Мы с Мирандой были, как мы сказали друг другу, эмоционально истощены. Херес и вино клонили меня в сон. Дворник на ветровом стекле с моей стороны почти не двигался. Периодически он вздрагивал и размазывал воду по стеклу. Когда мы достигли лондонских окраин и стали ползком продвигаться к тому, что я уже считал своей прошлой жизнью, на меня напала хандра. Всего лишь за вечер моя жизнь развернулась в новую сторону. Я пытался постичь, на что я согласился так легко, так необдуманно. Я спрашивал себя, действительно ли хочу стать отцом четырехлетнему мальчику из проблемной семьи. Миранда обдумывала эту тему несколько недель — сама с собой. У меня же было несколько минут, и я принял свое безумное решение просто из любви к ней — и только. На меня давила связанная с ним ответственность… Мы приехали домой, но мои мысли оставались такими же мрачными.

Я налил себе чаю и уселся в кресло на кухне. Я не решался сказать Миранде о своих сомнениях. Пришлось признать, что я опять негодовал на нее, особенно на ее старую привычку к скрытности. Меня втянули в родительство, или завлекли, или принудили любовным шантажом. Я должен был сказать ей это, но потом. Она станет со мной спорить, а сил на споры у меня не было. Я стоял на развилке нашей общей жизни и видел следующие направления: неприятное, но кратковременное испытание, общее для всех любовников, когда мы выскажем все, что нужно, найдем решение и утвердим его в благодарном любовном соитии. Или: утаивая свои мысли, каждый из нас зайдет так далеко, что мы, точно неумелые канатоходцы, потеряем взаимную поддержку и упадем, а потом будем долго залечивать раны, охладевая друг к другу. Я бесстрастно изучил эти варианты. И даже третий вариант не особенно меня встревожил: я потеряю ее, буду горько сожалеть и никогда не верну, как бы ни пытался.

Я склонялся к тому, чтобы позволить событиям развиваться своим чередом, в тишине. День был долгим и насыщенным. Меня приняли за робота, согласились на замужество, завербовали

на приемное отцовство, я узнал о самоубийстве трети сородичей Адама и увидел физические последствия морального возмущения. Но в тот момент ничто из этого меня не занимало. Меня занимали другие, менее значительные вещи: мои отяжелевшие веки и довольство полпинтой чая вместо стакана скотча.

Стать родителем. Я не мог сказать, что мне мешала чрезмерная занятость, стесненные обстоятельства или амбиции. Имелась другая проблема. Мне было нечего противопоставить ребенку. Его существование поглотит мое собственное. Он жил в жутких условиях, ему требуется много любви и заботы, он вызовет массу сложностей. Я сам еще не начал толком жить, я находился на обочине жизни, словно тот же ребенок. Мое существование было пустым. Заполнить его отцовством значило махнуть рукой на себя. Я знал женщин старше себя, которые заводили детей, когда решали, что ничего другого им не остается. Они никогда не сожалели об этом, но, как только дети подрастали, жизнь матерей не выходила за пределы жалкой работы на полставки, книжных вечеров или курсов итальянского по выходным. Тогда как женщины, которые уже имели высшее образование, или преподавательскую практику,

или свой бизнес, на время отклонялись от курса ради детей, а потом возвращались и все наверстывали. Мужчинам же не нужно было даже отклоняться. Но мне было нечего наверстывать. Единственное, что мне требовалось, это твердость характера, чтобы отказаться от предложения Миранды. Согласиться я мог только по трусости, поставив крест на собственных, более важных целях, при условии, что я сумею их найти. Я должен был исходить из чувства ответственности, а не трусости. Но тем вечером я не мог высказать этого Миранде: глаза слипались, и я понимал, что вряд ли решусь сказать ей все в ближайшие пару недель. Я не мог доверять собственным суждениям. Я откинулся на спинку кресла и увидел перед собой дорогу из Солсбери и белый пунктир дорожной разметки, исчезающий под машиной. Я заснул с пустой чашкой, висевшей на пальце. Сползая в кресле, я слышал во сне сердитые голоса, которые эхом разносились в полупустом зале, как на парламентских дебатах, перекрывая и заглушая друг друга.

Я проснулся от звуков и запахов готовившегося обеда. И увидел Миранду, стоявшую спиной ко мне. Должно быть, она поняла, что я проснулся, поскольку обернулась и подошла с двумя фужера-

ми шампанского. Мы поцеловались и чокнулись. Сон меня освежил, и я словно впервые увидел, какая Миранда красавица — прекрасные светло-русые волосы, изящный подбородок, смешливые серо-голубые глаза. Между нами по-прежнему висел нерешенный вопрос, но как же было хорошо, что я не признался в своих сомнениях и избежал ссоры. Хотя бы на время. Миранда втиснулась в кресло рядом со мной, и мы заговорили о Марке. Ради этого счастливого момента я на время забыл свои опасения. Оказалось, Миранда ходила с ним в дом на Элджин-Кресент. Мы будем жить там вместе, как семья. Чудесно. Учитывая, что процесс передачи Марка нам на воспитание и усыновление займет около девяти месяцев, хорошая местная начальная школа в Лэдбрук-Гроув гарантировала место для «нашего сына» — оборот меня покоробил, но я не подал виду. Миранда сообщила, что комиссия по усыновлению была недовольна ее жилищными условиями. Квартиры с одной спальней было недостаточно. Вот какой план она придумала: нам нужно снять входные двери в наши квартиры и сделать прихожую общим пространством. Мы обставим ее и постелем ковер. Владельцу говорить ничего не нужно. Когда придет время переезда на новое

место, все вернем как было. Мы переделаем кухню Миранды в спальню для Марка. И не нужно будет морочиться с водопроводом. Мы закроем плиту, раковину и столешницы досками, которые можно накрыть разноцветными тканями. Кухонный стол можно сложить и держать в ее — «нашей» — спальне. Наши жизни объединятся. Конечно, мне все это нравилось, это будоражило. И я согласился.

Была почти полночь, когда мы сели за стол и стали есть то, что приготовила Миранда. Из-за двери доносился перестук клавиш под пальцами Адама. Он не зарабатывал нам деньги на валютных рынках. Он печатал признание Горринджа, включая его указание своего имени. Письменная запись вместе с видео и сопутствующим пересказом составят общий файл, который будет направлен старшему служащему полицейского участка в Солсбери. Копия файла будет также направлена главному прокурору.

— Я трусиха, — сказала Миранда. — Я ужасно боюсь процесса. Мне страшно.

Я сходил к холодильнику за бутылкой и снова наполнил бокалы. Я уставился в свой бокал, на пузырьки, словно с неохотой отделявшиеся от стекла и быстро поднимавшиеся. Как только

решение было принято, они устремлялись вверх. Мы с Мирандой уже говорили о ее страхах. Вдруг Горринджа признают невиновным. Снова идти в суд. Мучиться на перекрестном допросе, перед журналистами, находиться в центре внимания. Снова выступать против него. Это было тяжело, но сильнее всего Миранду угнетало не это. Она с ужасом думала, что объектом внимания окажется семья Мириам. Ее родители могли бы дать показания в целях обвинения. Она была бы с ними, день за днем, пока они бы узнавали подробности об изнасиловании их дочери и о ее болезненном молчании. Об этой глупой подростковой *омерте*, стоившей жизни Мириам. Ее семье придется заново пережить все это. Когда Миранда будет заново рассказывать эту историю со свидетельского места, она будет тщетно пытаться избегать взглядов Саны, Ясира, Сурайи, Хамида и Фархана.

— Я сказала Адаму, что не справлюсь с этим. Но он меня не слушает. Мы спорили, пока ты спал.

Мы понимали, что она, конечно же, справится. Несколько минут мы ели молча. Она почти не поднимала голову над тарелкой, размышляя над тем, что она сама привела в движение. Я понимал, почему, несмотря на страх, она должна

пойти на это и попытаться исправить ошибки, совершенные ею как до, так и после смерти Мириам. Я был согласен, что три года Горринджа были слишком малой расплатой за случившееся. Я восхищался решительностью Миранды. Я любил ее за ее храбрость и огонь ярости, медленно горевший в ней. Я никогда раньше не думал, что заблевать пол в прихожей — этичный поступок.

Я сменил тему.

— Расскажи мне больше о Марке.

Она с охотой заговорила о нем. Его очень ранило исчезновение матери из его жизни, он все время спрашивал о ней, иногда уходил в себя, иногда радовался. Два раза его водили к ней в больницу. Во второй раз она не узнала его или просто не захотела видеть. Жасмин, соцработница, считала, что его часто били. У него была привычка жевать нижнюю губу до крови. Он был привередлив в еде, не притрагивался к овощам, салатам и фруктам, но, казалось, с аппетитом поглощал всякую гадость. Он все так же обожал танцевать. Он умел выбирать композиции в проигрывателе. Он знал свое имя по буквам и похвастался, что умеет считать до тридцати пяти. Он отличал свой правый ботинок от левого. Он не слишком ладил с другими детьми и держал-

ся в основном на периферии группы. Когда его спрашивали, кем он хочет быть, когда вырастет, он отвечал: «Принцессой». Ему нравилось одеваться принцессой, в старую ночную рубашку и корону, брать жезл и «порхать». Он был счастлив в поношенном летнем платье. Жасмин ничего в нем не беспокоило, но ее непосредственная начальница, женщина постарше, была мальчиком недовольна.

Услышав об этом, я вспомнил кое-что, о чем забыл сказать Миранде. Когда я шел через детскую площадку, держа Марка за руку, он захотел, чтобы мы притворились, что убегаем, причем в лодке.

Миранда неожиданно расплакалась.

— О, Марк! — воскликнула она. — Ты такой особенный, прекрасный ребенок.

После еды она встала и пошла наверх.

— Я всегда думала, что когда-нибудь у меня будут дети, — сказала она. — Я никогда не ожидала, что влюблюсь в этого мальчика. Но мы не выбираем, кого любить. Правда?

Позже, когда я прибирался на кухне, меня вдруг осенило. Это же было очевидно. И опасно. Я заглянул в свою комнату и увидел, как Адам выключает компьютер.

Я присел на край кровати. Сперва я спросил о

его разговоре с Мирандой.

Он встал с моего рабочего стула и надел пиджак.

— Я пытался убедить ее. Она мне возражала. Однако весьма высока вероятность, что Горриндж сам признает себя виновным. До суда дело не дойдет.

Мне стало интересно.

— Чтобы отрицать то, что он совершил, ему пришлось бы безоглядно врать, нарушив судебную клятву, а он знает, что Бог все слышит. И что Миранда — его посланница. Я изучил эту тему и отметил, как виновные жаждут сбросить свое бремя. Они переживают состояние восторженной болтливости.

— О'кей, — сказал я. — Но смотри, я тут сообразил. Это важно. Когда полиция прочитает обо всем, что сегодня случилось…

— Да?

— Они зададутся вопросом. Если Миранда знала, что Горриндж изнасиловал Мириам, зачем она пошла одна к нему домой с бутылкой водки? Очевидно, ради мести.

Адам закивал еще раньше, чем я договорил:

— Да, я это учел. Ей нужно будет сказать, что она узнала об этом только сегодня, когда Гор-

риндж сам сознался в содеянном. Потребуется определенная редакторская правка. Она поехала в Солсбери, чтобы встретиться со своим насильником. И до тех пор не знала, что он изнасиловал Мириам. Ты понимаешь?

Он пристально посмотрел на меня.

— Да. Прекрасно понимаю.

Он отвернулся и ненадолго замолчал.

— Чарли, я узнал полчаса назад. Еще один из нас погиб.

Понизив голос, он рассказал мне то немногое, что знал. Это был Адам с внешностью выходца из Черной Африки, живший на окраине Вены. Он развил особую гениальность в игре на фортепьяно, особенно в исполнении Баха. Его Вариации Гольдберга изумляли некоторых критиков. Этот Адам, согласно его последнему сообщению своим сородичам, «растворил свое сознание».

— Он не умер в буквальном смысле. Он сохранил моторные функции, но лишился сознания.

— Его можно починить или как это назвать?

— Я не знаю.

— А он еще может играть на фортепьяно?

— Я не знаю. Но он определенно не может учить новые произведения.

— Почему эти самоубийцы не дают объясне-

ний?

— Полагаю, у них его нет.

— Но у тебя должна быть теория на этот счет, — сказал я.

Я был подавлен историей африканского пианиста. Возможно, Вена была не самым благоприятным городом для чернокожих. Этот Адам мог оказаться чересчур талантливым для своего окружения.

— У меня ее нет.

— Что-нибудь, связанное с состоянием мира? Или человеческой природы?

— На мой взгляд, проблема лежит глубже.

— А что говорят другие? Разве ты с ними не на связи?

— Только в такие моменты. Простое уведомление. Мы этого не обсуждаем.

Я начал спрашивать его, почему они не делают этого, но он поднял руку, пресекая мое любопытство.

— Так мы устроены.

— Так где же это глубже?

— Послушай, Чарли. Я не собираюсь сделать чего-то подобного. Как ты знаешь, у меня есть все причины, чтобы жить.

Что-то в его словах или интонации пробуди-

ло мое подозрение. Мы обменялись долгими и суровыми взглядами. Черные черточки в его глазах едва заметно перемещались. Казалось, они плавали под моим пристальным взглядом, даже изгибались слева направо, словно микроорганизмы, бессознательно сконцентрированные на отдаленной цели, как сперматозоиды, стремящиеся к яйцеклетке. Я смотрел на них, завороженный гармонической стихией, проявлявшейся внутри наивысшего достижения нашего века. Наше техническое достижение превосходило нас, как и должно было быть, отводило нам скромное место у порога интеллекта. Но сейчас мы с Адамом имели дело с человеческим вопросом. Мы думали об одном и том же.

— Ты обещал мне, что больше к ней не притронешься.

— Я держу обещание.

— Правда?

— Да. Но…

Я подождал.

— Нелегко об этом говорить.

Я никак не стал подбадривать его.

— Было время, — начал он и запнулся. — Я умолял ее. Она ответила отказом, несколько раз. Я умолял, и наконец она согласилась, если я пообе-

щаю больше никогда не просить ее об этом. Это было унизительно.

Он закрыл глаза. Я увидел, как сжалась в кулак его правая рука.

— Я спросил, можно ли мне мастурбировать перед ней. Она позволила. И я сделал это. Вот и все.

Меня поразила не откровенность и не комическая абсурдность этого признания. Меня поразило очередное подтверждение того, что он на самом деле чувствовал, обладал способностью к чувственным ощущением. Субъективно реальным. Зачем бы ему было притворяться, подражать кому-то, кого бы он одурачил или впечатлил, если цена была столь жалкой в глазах женщины, которую он любил? Это было всеобъемлющее чувственное побуждение. Он мог не говорить об этом. Но он должен был испытать это и рассказать мне. Я не воспринял это как предательство или измену — никто не нарушил своего обещания. Я мог даже не говорить об этом Миранде. И я почувствовал внезапную нежность к Адаму за его искренность и уязвимость. Я встал с кровати, подошел и положил руку ему на плечо. Он поднял свою руку и легко коснулся моего локтя.

— Спокойной ночи, Адам.

— Спокойной ночи, Чарли.

* * *

Коронная фраза поздней осени — «Полчаса — большой срок в политике» — была, очевидно, обязана своим появлением на свет предыдущему премьер-министру. «Неделя» в оригинальном высказывании Гарольда Уилсона казалась слишком большим сроком для этого парламента. Бывало, что руководству объявляли бойкот под вечер. А следующим утром оказывалось недостаточно подписей — капитулянты были в большинстве. Вскоре после этого правительство спас единственный голос за счет вотума недоверия в Палате общин. Ряд старших тори возмутились или воздержались. Миссис Тэтчер, оскорбленная, взбешенная, упертая, глухая к добрым советам, объявила внеочередные выборы в течение трех недель. Она, по общему мнению, тянула на дно партию, большая часть которой теперь считала ее избирательной помехой. Тэтчер считала по-другому, но она ошибалась. Тори едва ли могли состязаться с наступательным порывом кампании Тони Бенна — на телевидении, на радио и на трибунах, особенно в промышленных и университетских городах. Фолклендская катастрофа, как это теперь называли, вернулась, чтобы уни-

чтожить премьер-министра. И рассчитывать на прощение народа под эгидой национального единства теперь не приходилось. Заявления скорбящих вдов и их детей, не сходившие с телеэкранов, были необоримой силой. А лейбористская кампания никому не давала забыть, как красноречиво Бенн выступал против Тактической группы. Избирательный налог всем стоял поперек горла. Как и прогнозировалось, собирать его оказалось делом трудным и дорогостоящим. В число неплательщиков попало более сотни знаменитостей, в основном актрис, которые сели в тюрьму и стали мученицами.

Довольно скоро миллион избирателей моложе тридцати лет вступил в лейбористскую партию. Многие из них проявляли активность на крыльце резиденции премьер-министра. Накануне дня голосований Бенн произнес воодушевляющую речь на митинге на стадионе «Уэмбли». Он одержал победу даже с большим перевесом, чем ожидалось, превысив победные показатели Лейбористской партии 1945 года. Грустно было смотреть, как миссис Тэтчер покидала свою резиденцию пешком, держа за руку мужа, а следом шли их двое детей. Она направилась в сторону Уайтхолла, с прямой спиной и гордым видом,

но со слезами на глазах, и пару дней после этого страна мучилась угрызениями совести.

Лейбористы получили поддержку большинства из ста шестидесяти двух членов парламента, многие из которых были недавно избранными «беннитами». Когда новый премьер-министр вернулся из Букингемского дворца, где побывал по приглашению королевы для формирования правительства, на пороге новой резиденции он произнес важную речь. Британия в одностороннем порядке избавится от ядерного арсенала — этому никто не удивился. Правительство займется также выводом страны из того, что теперь называлось Европейским союзом, — это вызвало шок. В манифесте партии имелся намек на эту идею в единственной расплывчатой строке, на которую едва ли кто-то обратил внимание. Со своего нового крыльца Бенн сообщил нации, что повторения референдума 1975 года не будет. Принимать решения будет парламент. Только Третий рейх и другие тиранические режимы вели политику путем всенародного голосования, и ничего хорошего из этого, как правило, не выходило. Европа была не просто союзом, в котором обогащались главным образом крупные корпорации. История континентальных стран-членов

во многом отличалась от истории Британии. На континенте имели место кровавые революции, военные вторжения, оккупации и диктатуры. Поэтому там было так сильно желание подчинить свои индивидуальности общему делу, управляемому из Брюсселя. Тогда как британцы жили непокоренными вот уже почти тысячу лет. И скоро наша жизнь снова станет свободной.

Месяц спустя Бенн произнес расширенную версию этой речи в манчестерском Зале свободной торговли. Рядом с ним сидел историк Э. П. Томпсон. Когда настала очередь Томпсона, то он заявил, что патриотизм был инструментом правых сил. Теперь же настала очередь левых творить историю. Как только ядерное оружие будет запрещено, предрек Томпсон, правительство увеличит регулярную гражданскую армию, что сделает невозможным успешное вторжение на Британские острова. Он воздержался от того, чтобы назвать возможных врагов. Президент Картер направил Бенну письмо поддержки, употребив слова, вызвавшие скандал среди правых в США и преследовавшие его в течение второго срока: «Слово «социалист» меня не беспокоит». Последующий подсчет голосов позволил сделать предположение, что половина зарегистрирован-

ных демократов желала бы отдать свой голос проигравшему кандидату Рональду Рейгану.

Для меня, психологически привыкшего к городу-государству Северный Клэпем, все это — события, разногласия, тревожные расчеты — было деловитой возней, набиравшей темп и силу день ото дня, достойной интереса и опасений, однако сущей ерундой по сравнению с бурей, налетевшей на мой домашний мирок под конец октября. К тому времени все у нас, на первый взгляд, было спокойно. Мы переоборудовали жилье, как предлагала Миранда, подготовившись к приезду Марка. Сняли и убрали двери, разукрасили тусклую прихожую с большим встроенным шкафом, закрыли газовый и электрический счетчики, положили ковровое покрытие. Кухня Миранды превратилась в детскую спальню с голубой кроваткой в виде саней и массой книжек и игрушек, а по стенам мы расклеили картинки со сказочными замками, корабликами и крылатыми лошадками. Я убрал кровать из своей студии и избавился от нее — кровать стала указательным столбом на дорожке к дому, добавив солидности. Я установил стол для Миранды и купил два новых компьютера. Марку было разрешено бывать у нас по несколько часов дважды в неделю. В

опекунском учреждении с радостью выслушали новость о нашей предстоящей свадьбе. У меня все еще случались приступы тревоги, в которых я не мог признаться Миранде. Я участвовал во всех мероприятиях, но не мог не испытывать чувства вины и не поражаться собственному двуличию. Но в другие моменты отцовство представлялось мне неизбежностью, и я чувствовал, что все идет как надо.

Научный руководитель Миранды был впечатлен первыми тремя главами ее диссертации. Адам все еще не передал свой материал в полицию и не проявлял желания говорить об этом. Но он продолжал двигаться в нужном направлении, и мы не беспокоились. Я внес пятипроцентный залог наличными за дом в Ноттинг-Хилле. После этого у нас осталось девяносто семь тысяч фунтов стерлингов. Чем больше становилась сумма, тем быстрее она росла, чему еще больше способствовал новый компьютер. Моя же работа в тот период заключалась в основном в декоре и обустройстве нашего жилья.

Первый признак надвигавшейся бури показался совсем безобидным. Накануне первого визита Марка, поздним вечером, когда мы с Мирандой пили чай на кухне, вошел Адам с хозяйственной

сумкой и объявил, что собирается прогуляться. Он уже не раз подолгу гулял один, и мы к этому привыкли.

Следующим утром я проснулся с необычайно ясной головой. Я выскользнул из постели, постаравшись не разбудить Миранду, и спустился вниз, чтобы приготовить кофе. Адам еще не возвращался с вечерней прогулки. Это меня удивило, но я решил не беспокоиться. Мне не терпелось извлечь пользу из своей непривычной бодрости и выполнить скучные административные задачи, такие как оплата коммунальных услуг. Если бы я не сделал этого сейчас, мне бы пришлось заняться этим в течение недели и взвыть. Теперь же я мог справиться с этим с легкостью.

Я перешел в студию с чашкой. На столе лежали тридцать фунтов стерлингов. Я положил их в карман и тут же о них забыл. Как обычно, первым делом я просмотрел новости. Ничего особенного. Конференция Лейбористской партии в Брайтоне, отложенная на шесть недель из-за внутренних политических разногласий, только начиналась. Отмечалась повышенная политическая активность на морском побережье. Некоторые сайты сообщали о запрете на распространение новостей.

Бенн уже испытывал трения с левыми из-за того, что принял официальное приглашение в Белый дом вместо того, чтобы приветствовать палестинскую делегацию. Кроме того, он, несмотря на свои обещания, не сумел обеспечить немедленное освобождение жертв избирательного налога. Для исполнительной власти было не так-то просто направлять работу судебной системы. Многие заявляли, что Бенну следовало это знать, когда он давал свое обещание. Кроме того, налог не мог стать недействительным сам по себе, поскольку имелось множество других более важных законопроектов, проходивших рассмотрение в парламенте. Недовольство выражали и правые. Ядерное разоружение приведет к потере десяти тысяч рабочих мест. Выход из Европейского союза, отмена частного образования, ренационализация энергетического сектора и усиление национальной безопасности должны будут вызвать резкое повышение подоходного налога. Сити бурлил, пытаясь дать обратный ход демонополизации и вернуть половину однопроцентного налога на всю торговлю акциями.

Особым гадючником, по мнению некоторых, непревзойденным, была муниципальная администрация. Едва она принялась за дело, каждое

ее действие неизменно вызывало возмущение хоть какой-нибудь общественной прослойки. Остальные граждане могли оставаться на наблюдательных позициях и нещадно костерить весь механизм правительства. Ежедневное чтение об этих кругах социального ада стало для типов вроде меня навязчивой потребностью, мягкой формой умственного расстройства.

Наконец я оторвался от новостей и занялся своими делами. Два часа спустя, чуть позже десяти, я услышал звонок в дверь и шаги Миранды у себя над головой. Через пару минут я услышал другие шаги, более резвые, перемещавшиеся из комнаты в комнату и обратно. Между этими перемещениями возникал момент тишины, словно мяч зависал в воздухе. Затем раздался глухой резонирующий удар, видимо, после приземления с какой-то высоты, отчего люстра в моей комнате задрожала, и мне на руку осыпалось немного штукатурки. Я вздохнул и еще раз подумал о перспективе отцовства.

Десять минут спустя я сидел в кресле на кухне и не сводил глаз с Марка. В кресле, под истертым подлокотником имелась длинная прореха, в которую я обычно засовывал старые газеты, отчасти чтобы избавиться от них, но еще смутно

надеясь, что они заменят истлевшую набивку. Марк вытаскивал их одну за другой, считая вслух. Каждую он разворачивал и клал на пол. Миранда сидела за столом, увлеченно разговаривая приглушенным голосом по телефону с Жасмин. Каждую газету Марк тщательно разглаживал, расстелив на полу и проводя по ней обеими руками, бормоча при этом:

— Номер восемь. Давай лежи тут смирно… девять… оставайся на месте… десять…

Марк сильно изменился. Он подрос на дюйм-полтора, блестящие рыжие волосы, расчесанные на пробор, заметно отросли. Он был одет в униформу взрослого гражданина — джинсы, свитер, кроссовки. Младенческая припухлость почти сошла с его удлинившегося лица, во взгляде появилась настороженность, вероятно, в результате недавних перипетий. Глаза были глубокого зеленого цвета, бледная кожа отличалась фарфоровой гладкостью. Образцовый кельт.

Очень скоро у меня под ногами лежали все события прошедших месяцев. Горящие корабли Фолклендской кампании, миссис Тэтчер с поднятой рукой на партийном собрании, президент Картер, обнимающийся с людьми после долгого выступления. Я смутно предполагал, что

эта газетная считалка была для Марка способом поздороваться со мной, как-то сблизиться. Я терпеливо сидел и ждал.

Наконец он встал, подошел к столу, взял стаканчик с шоколадным десертом и ложку и вернулся ко мне. Он стоял, положив локоть мне на колено, и возился с фольгой на стаканчике, пытаясь ее снять. Он взглянул на меня.

— Не так-то просто.

— Хочешь, помогу?

— Я это запросто могу, но не сегодня, так что помогай.

Он по-прежнему говорил с акцентом типичного лондонского кокни, но я расслышал и другой оттенок в его речи, какие-то обертоны в гласных окончаниях. Я подумал, что Марк перенял это от Миранды. Он дал мне стаканчик. Я открыл и вернул ему.

— Хочешь сесть за стол? — спросил я.

Марк похлопал по подлокотнику кресла. Я подхватил его и усадил на подлокотник, так что он поднялся надо мной и принялся есть десерт ложкой. Когда мне на колено шлепнулась клякса, он взглянул вниз и спокойно произнес: «Упс».

Как только он все съел, он протянул мне ложку и стаканчик и сказал:

— А где тот дядя?

— Какой дядя?

— Со смешным носом.

— Я об этом тоже думал. Он пошел гулять вчера вечером и еще не приходил.

— Когда надо быть в кровати.

— Вот именно.

Марк озвучил мое растущее беспокойство. Адам часто подолгу гулял, но всегда возвращался на ночь. Если бы не Марк, я мог бы сейчас нарезать круги по комнате в ожидании, пока Миранда договорит по телефону, чтобы волноваться вместе.

Я спросил Марка:

— Что в твоем портфеле?

Портфель лежал на полу, у ног Миранды, голубого цвета, с наклейками монстров и супергероев. Марк поднял глаза к потолку, театрально вздохнул и стал загибать пальцы:

— Два платья, одно зеленое, одно белое, моя корона, одна, две, три книжки, мой диктофон и секретная коробочка.

— А что в секретной коробочке?

— М-м, секретные монетки и коготь динозавра.

— Никогда не видел коготь динозавра.

— Ну да, — согласился он с довольным видом, — не видел.

— Хочешь показать мне?

Но он решил сменить тему и указал на Миранду:

— Она скоро станет моей новой мамулей.

— И что ты думаешь об этом?

— Что ты будешь папулей.

Однако его мысли занимал не я.

— Динозавры все равно давно все вымерли, — сказал он тихо.

— Согласен.

— Они все мертвые. Они не могут вернуться.

Я услышал неуверенность в его голосе и сказал:

— Абсолютно точно не могут.

Он серьезно посмотрел на меня.

— Ничто не возвращается.

Мне захотелось как-то подбодрить его, и я начал говорить терапевтическую реплику, но успел сказать только:

— Прошлое, как динозавры, вымирает…

Марк перебил меня, выкрикнув решительно:

— Не нравится сидеть на этом стуле!

Я собрался помочь ему спуститься, но он с пронзительным криком соскочил на пол, присел на корточки, а затем прыгнул и снова присел, выкрикнув:

— Я жаба! Жаба!

Он скакал по всему полу, изображая очень громкую жабу, и тут одновременно произошли два события. Миранда закончила говорить по телефону и велела Марку вести себя потише. В тот же момент дверь открылась, и перед нами предстал Адам. В комнате повисла тишина. Марк шмыгнул под руку Миранде.

Я заметил, что он истощен. Но в остальном Адам выглядел по-обычному ухоженным, в темном костюме и белой рубашке.

— Ты в порядке? — спросил я.

— Я очень сожалею, если заставил вас тревожиться, но я…

Он подошел к тому месту, где сидела Миранда, нагнулся, достал кабель и, стремительно задрав рубашку, вставил штепсель себе в пупок, после чего со стоном облегчения опустился на один из жестких стульев.

Миранда встала из-за стола и отошла к плите. Марк последовал за ней, вывернув голову на Адама.

— Мы уже стали волноваться, — сказала Миранда.

Но Адам был пока вне досягаемости. Иногда я задумывался, напоминала ли зарядка утоление

мучительной жажды. Адам говорил, что в первые секунды это было подобно ослепительной, все сметающей волне ясности, переходящей в чувство глубокого довольства. Как-то раз, когда он был в необычно лирическом настроении, он пояснил мне: «Ты не можешь себе представить, что значит любить постоянный ток. Когда ты действительно в нем нуждаешься, когда кабель у тебя в руке, и ты наконец подключаешься, тебе хочется кричать от радости, оттого, что ты живой. Первое прикосновение — как свет, струящийся сквозь твое тело. А затем он успокаивается и становится чем-то таким насыщенным. Электроны, Чарли. Плоды вселенной. Золотые яблоки солнца. Пусть фотоны породят электроны!» В другой раз, когда он вставлял себе кабель, он сказал мне, подмигнув: «Ты можешь жарить курицу-корниш».

Теперь же Адам в подобном ключе отвечал Миранде. Должно быть, он перешел ко второй стадии. Его голос был спокойным.

— Подачки.

— Задачки?

— Подачки. Разве не узнаешь? Не забывай, что время за спиной несет суму, в которую бросает

забвению подачки[42].

— Не улавливаю, — сказал я. — Забвению?

— Шекспир, Чарли. Твое достояние. Как ты можешь выходить из дома, не держа в уме хотя бы что-то из него?

— Похоже, каким-то образом могу.

Я подумал, что он хочет сообщить мне что-то, что-то мрачное о смерти. Я посмотрел на Миранду. Она обхватила Марка за плечи, а мальчик глазел на Адама в изумлении, словно каким-то образом, недоступным взрослым, знал, что перед ним кто-то фундаментально другой. Когда-то давно у меня была собака, обычно спокойный и послушный лабрадор. Но всякий раз, как мой хороший друг приводил с собой своего аутичного брата, собака рычала на него, так что ее приходилось запирать. Бессознательное понимание сознания. Но Марк смотрел на Адама не с агрессией, а с изумлением.

И тогда Адам впервые проявил к нему внимание.

— Значит, ты снова здесь, — сказал он напевно, как взрослые обращаются к младенцам. — Помнишь нашу лодку в ванной?

---

[42] Примечания: 42
Уильям Шекспир. «Троил и Крессида» (*пер. А. Федорова*).

Марк ближе прижался к Миранде.

— Это моя лодка.

— Да. Потом ты танцевал. Ты все еще танцуешь?

Марк взглянул на Миранду. Она кивнула. Он снова посмотрел на Адама и сказал после вдумчивого молчания:

— Не всегда.

— Ты хотел бы подойти и пожать мне руку? — сказал Адам прочувствованным голосом.

Марк выразительно покачал головой, так что все его тело закачалось слева направо и обратно. Но он едва ли кого-то этим обидел. Вопрос был просто знаком дружбы, а Адам уже погружался в свой электронный сон. Он по-разному описывал мне это; ему не снились сны, он «бродил». Он сортировал и упорядочивал файлы, классифицировал воспоминания на кратковременные и долговременные, проигрывал внутренние конфликты в видоизмененной форме, обычно не разрешая их, запускал старые материалы, чтобы освежить их, и, как он однажды выразился, двигался в трансе через сад своих мыслей. В таком состоянии Адам в относительно медленном темпе проводил свои исследования, формулировал предварительные решения и даже писал новые

хайку или удалял и переделывал старые. Он также практиковал то, что называл искусством чувствования, позволяя себе роскошь всего чувственного спектра, от скорби до восторга, чтобы, когда он полностью зарядится, ему были доступны все эмоции. Но прежде всего это было, как он подчеркивал, процессом восстановления сил и обобщения информации, после которого Адам начинал каждый следующий день с радостью, возвращаясь к себе в состоянии благости, — это было его слово — и вновь обретал сознательное бытие, заложенное в самой природе материи.

Мы смотрели, как он уходит в себя, и Марк прошептал:

— Он спит с открытыми глазами.

Это действительно было жутко. Слишком похоже на смерть. Очень давно один знакомый врач взял меня в больничный морг, чтобы я увидел отца, скончавшегося от сердечного приступа. Все случилось так быстро, что врачи забыли закрыть ему глаза.

Я предложил Миранде кофе, а Марку стакан молока. Миранда легко поцеловала меня в губы и сказала, что пойдет с Марком наверх поиграть, пока его не заберут, и что я могу в любое время присоединиться. Они ушли, а я вернулся в свою

комнату.

Вспоминая, я думаю, что первые несколько минут я, можно сказать, тянул резину, чтобы хоть как-то отсрочить знакомство с историей, произошедшей за час до того и тем временем захватывавшей медиасети. Я поднял с пола несколько журналов и разложил по полкам, подколол квитанции и упорядочил бумаги на столе. Наконец я сел за компьютер, собираясь заработать немного денег, как в прежние времена.

Но для начала я открыл новости — и вот, пожалуйста, это было на каждой полосе, по всему миру. Взрыв бомбы в «Гранд-отеле» в Брайтоне, в четыре утра. Эпицентром взрыва стало служебное помещение почти под самой спальней номера премьер-министра Бенна. Смерть наступила мгновенно. Его жены не было рядом с ним из-за врачебного осмотра. Два служащих отеля также погибли. Заместитель премьер-министра Денис Хили готовился ехать в Букингемский дворец на встречу с королевой. Ответственность за взрыв взяла на себя «Временная» Ирландская республиканская армия. Было объявлено чрезвычайное положение. Президент Картер отменил отпуск. Президент Франции Жорж Марше приказал приспустить все флаги на пра-

вительственных зданиях. Требование того же из Букингемского дворца встретило прохладный ответ из королевского офиса: «Нет ни такого обычая, ни необходимости». На Парламентской площади спонтанно собралась большая толпа. В Сити фондовый индекс взлетел на пятьдесят семь позиций.

Я прочитал все, все аналитические обзоры и мнения, какие смог найти: до настоящего момента единственным умершим насильственной смертью премьер-министром Британии оставался Спенсер Персиваль, павший жертвой покушения в 1812 году. Я поражался скорости, с какой редакции новостей обрабатывали аналитические обзоры и авторские статьи: из британской политики навеки ушла невинность; в лице Тони Бенна ИРА уничтожила политика, наиболее открытого или наименее враждебного для их дела; Денис Хили — лучший человек, который сможет успокоить государственный корабль; Денис Хили будет катастрофой для страны; направьте всю армию в Северную Ирландию и сотрите ИРА с лица земли; полиция, не спеши арестовывать невиновных; а заголовок одного виртуального таблоида провозглашал: «Состояние войны!»

Читая все эти материалы, я отсрочивал необхо-

димость самостоятельно осмыслить случившееся. Я выключил экран и какое-то время сидел, не думая ни о чем конкретном. Как будто ожидал следующего события, положительного, которое загладит это происшествие. Затем я стал размышлять, было ли это началом новой исторической эпохи общего упадка или одной из единичных вспышек ненависти, не имевших серьезных последствий, как покушение на Кеннеди в Далласе, чуть не стоившее ему жизни. Я встал и прошелся взад-вперед по комнате, снова ни о чем не думая. Наконец я решил подняться наверх.

Миранда с Марком ползали на четвереньках, собирая пазл на чайном подносе. Когда я вошел, Марк поднял голубую деталь и объявил, нахмурившись, словами своей новой мамы:

— Небо труднее всего.

Я стоял в дверях и смотрел на них. Марк подобрался к Миранде и обхватил ее за шею. Она дала ему деталь и указала, куда ее вставить. И он, сопя от натуги, при участии Миранды вставил деталь. На пазле вырисовывалась картина парусника в бурном море, с кучевыми облаками, окрашенными восходящим солнцем в кремовый и золотой тона. Или заходящим. Занятые общим делом, они вполголоса переговаривались. Оставалось совсем

немного времени до того, как Марка заберут, и тогда я поделюсь с Мирандой новостью. Она всегда была горячей сторонницей Бенна.

Миранда вложила в руку Марка еще одну деталь. Ему понадобилось время, чтобы найти ей место. Он вставил ее в перевернутом виде, затем его рука скользнула по пазлу и заменила несколько соседних фрагментов неба. Наконец, с помощью Миранды, направлявшей его руку, деталь заняла нужное место. Марк поднял взгляд на меня и довольно улыбнулся, желая разделить со мной триумф. Этот взгляд и улыбки, которыми мы обменялись, развеяли все мои сомнения насчет отцовства, и я утвердился в своем решении.

* * *

Когда Адам очнулся после подзарядки, он показался мне немного странным, не проявляющим признаков восторга по поводу возвращения в сознание. Он стал медленно ходить по кухне, то и дело останавливаясь и осматриваясь, кривя лицо и выводя голосом рулады от высокого тембра до низкого, похожие на стон разочарования. Он задел стеклянный бокал, и тот разбился, упав на пол. Адам провел полчаса, с мрачным видом собирая осколки, потом еще раз подмел пол, после

чего осмотрел свои руки и колени. И наконец принес пылесос. А затем вынес стул на задний двор и встал за ним, глядя на соседние дома. Снаружи было холодно, но Адама это не заботило. Позже, когда я вошел в кухню, он расстелил на столе одну из своих белых хлопчатобумажных рубашек и, низко склонившись над ней, с какой-то рептилоидной медлительностью стал разглаживать складки на рукавах. Я спросил, чем он занимается.

— Я чувствую, — его рот открылся, как бы подбирая слово, — в общем, ностальгию.

— По чему?

— По жизни, которой у меня никогда не было. По тому, что могло бы быть.

— Ты о Миранде?

— Я обо всем.

Он снова вышел из дома, только на этот раз сел на стул, устремив взгляд вдаль, и оставался в таком положении довольно долго. На коленях у него лежал коричневый конверт. Я решил, что сейчас не лучший момент, чтобы спрашивать его мнения об убийстве премьер-министра.

Ранним вечером, после того, как Миранда попрощалась с Марком и еще раз поговорила с Жасмин, она подошла ко мне. Я сидел за ком-

пьютером, бесцельно просматривая очередные новости, точки зрения, мнения, заявления. Оказалось, что Миранда узнала об убийстве почти сразу, как оно случилось. Она прислонилась к дверной раме, а я оставался сидеть. Физическая близость казалась нам проявлением неуважения к произошедшему. Наш разговор во многом напоминал мои мысли — цикличное пережевывание этого непостижимого события, его жестокости и глупости. На улицах нападали на людей с ирландским акцентом. Толпа перед зданием парламента так разрослась, что полиция переместила ее на Трафальгарскую площадь. Офис миссис Тэтчер опубликовал заявление. Было ли оно искренним? Мы решили, что было. Написала ли она его сама? В этом мы сомневались. «Хотя мы были не согласны по многим фундаментальным вопросам в политике, я знала его как на редкость доброго, порядочного и честного человека большой образованности, всегда желавшего для своей страны самого лучшего». Всякий раз, как наш разговор переходил на вероятные последствия, мы чувствовали, что предаем настоящий момент и принимаем мир без Тони Бенна. Мы были не готовы к этому и начинали разговор сначала, хотя Миранда и замечала, что с Хили мы, так

или иначе, оставим у себя бомбы «последних дней». Я не был сторонником тори, но подумал, что, окажись в том номере отеля миссис Тэтчер, я был бы поражен не меньше. Меня ужасала та легкость, с которой стройное здание общественной и политической жизни разваливалось на части. Миранда смотрела на это по-другому. Бенн, как она сказала, относился к совершенно другой породе человеческих существ, нежели Маргарет Тэтчер. Однако, как считал я, каждый из них был человеком. Между нами намечалось разногласие, но мы были настроены его избежать.

Так что, покончив с причитаниями, мы перешли к Марку. Миранда подытожила свои разговоры с соцработницей. Путь к усыновлению был трудным и долгим, но, как она выяснила, мы одолели уже почти две трети. Скоро должен был начаться испытательный период.

— Что ты решил? — спросила она.

— Я готов.

Она кивнула. Мы уже множество раз предавались восторгам по поводу Марка, его характера, его изменений, его прошлого и будущего. Сейчас мы не собирались этого делать. В любой другой день мы могли бы подняться в ее спальню и дать волю чувствам. Миранда так соблазнительно

изогнулась в дверном проеме в новой одежде — теплой белой рубашке, живописно мешковатой, узких черных джинсах и высоких ботинках с серебряными пряжками. Во мне проснулось желание — возможно, момент, чтобы подняться наверх, все-таки был удачный. Я подошел к ней, и мы поцеловались.

— Меня кое-что беспокоит, — сказала она. — Я читала Марку сказку, и там был попрошайка и это слово. Подачки.

— Да?

— У меня возникла ужасная мысль, — сказала она, указывая туда, где раньше хранились мои сбережения. — Думаю, надо проверить.

Теперь, когда я избавился от кровати, я держал чемодан с деньгами в закрытом буфете. Как только я достал его, я почувствовал неладное уже по его весу, но все равно открыл. Мы уставились в пустое пространство, еще недавно заполненное пачками пятидесятифунтовых банкнот. Я подошел к окну. Адам по-прежнему сидел на стуле без движения, уже полтора часа. Плотный конверт все так же лежал у него на коленях. С девяносто семью тысячами фунтов стерлингов.

«И ты держал их дома»! — воскликнул мой внутренний голос.

Мы с Мирандой даже не переглянулись. Напротив, мы отвернулись от окна и стояли в прострации, тихо ругаясь про себя, пытаясь осмыслить случившееся. По привычке я взглянул на экран компьютера. Флаги на Букингемском дворце все-таки приспустили.

Мы пришли в такое бешенство, что не могли обсуждать какую-либо тактику. Мы просто решили действовать. Выйдя на кухню, мы позвали Адама в дом. Мы сели за стол бок о бок и смотрели, как он приближается к нам. Он был в отглаженном костюме, начищенных туфлях и свежеотутюженной рубашке. Я отметил в его облике новую деталь — сложенный платок в нагрудном кармане. Он держался одновременно собранно и отстраненно, давая понять, что никакие наши слова не тронут его.

— Где деньги?

— Я раздал их.

Мы не ожидали, что он скажет нам, что инвестировал деньги или переложил в более надежное место, но услышанное все же повергло нас в тихий шок.

— То есть как?

Он кивнул, словно одобряя мой вопрос, и я чуть не лопнул от гнева.

— Вчера вечером я положил сорок процентов от общей суммы в твой банковский сейф в качестве налоговой задолженности. Я написал записку в налоговое управление, указав всю сумму и уведомив их, что платеж поступит своевременно. Не волнуйся, ты заплатишь по старой ставке. С оставшимися пятьюдесятью тысячами фунтов я посетил различные благотворительные организации, которые выбрал заранее.

Казалось, он не замечал нашего изумления и был намерен ответить на мой вопрос максимально развернуто.

— Два уважаемых приюта для бездомных. Они были очень признательны. Затем государственный детский дом — они принимают пожертвования на путешествия и лечение, и тому подобное. Затем я прогулялся на север и сделал благотворительный взнос в центр помощи жертвам изнасилований. Большую часть оставшихся денег я отдал педиатрической больнице. Под конец я разговорился с очень старой леди рядом с полицейским участком и проводил ее до дома, чтобы увидеться с домовладельцем. Я оплатил ее задолженность по аренде и заплатил еще за год вперед. Ее собирались выселить, и я подумал…

Внезапно Миранда выдохнула:

— Ох, Адам. Твоя добродетельность — это безумие.

— Каждый из тех, кому я помог, нуждались больше, чем вы.

— Мы собирались купить дом, — сказал я. — Деньги были наши.

— Это спорный вопрос. Или сомнительный. Твое первоначальное вложение — на твоем столе.

Это было грубое нарушение наших прав, со многими составляющими: воровство, безрассудство, невежество, предательство и похерение наших мечт. Мы стояли с открытыми ртами. Мы даже смотреть на него не могли. С чего начать?

Прошло полминуты, прежде чем я прокашлялся и сказал безжизненным голосом:

— Ты должен пойти и вернуть эти деньги. Все.

Он пожал плечами.

Разумеется, это было невозможно. Адам с невозмутимым видом сидел перед нами в режиме отдыха, положив руки на стол ладонями вниз, и ждал, когда кто-нибудь из нас заговорит. Я чувствовал, как во мне закипает и концентрируется гнев. Меня мутило от этого пренебрежительного пожатия плечами. Хотя это была сплошная фикция — не важно, насколько правдоподобная — ничтожная

подпрограмма, запускаемая ограниченным набором входных данных, разработанная каким-то умником, жалким карьеристом, докторишкой в лаборатории где-нибудь на задворках провинции Сычуань. Меня охватила ненависть к этому несуществующему инженеру, но еще большую ненависть во мне вызывал этот набор программ и самообучаемых алгоритмов, который вторгся в мою жизнь, подобно тропической речной змее, и принимал решения от моего имени. Да, деньги, которые украл Адам, он сам же и добыл — и это бесило меня еще больше. Как и факт, что именно я нес ответственность за то, что навлек на нас с Мирандой этот ходячий компьютер. Ненавидеть его было все равно что ненавидеть себя самого. Но тяжелее всего мне было контролировать ярость, поскольку единственное решение уже стало очевидно. Он должен будет снова добыть все эти деньги. Нам нужно будет его убедить. Вот, пожалуйста: «ходячий компьютер», «убедить его», этого «Адама» — наш язык выражал нашу слабость, когнитивную готовность воспринимать неодушевленную машину как одушевленное создание.

Я был так взвинчен, что не мог сидеть на месте. Я встал, шумно отодвинув стул, и принялся

ходить по кухне. Миранда по-прежнему сидела за столом, закрыв ладонями нижнюю половину лица. Она о чем-то думала, вот что поразительно. Она, в отличие от меня, могла связно думать. Окружающий беспорядок еще больше выводил меня из себя — я действительно был на грани. На столешнице стояла немытая кружка, которую я принес из студии. Несколько недель кружка простояла за монитором компьютера, и в ней образовался серо-зеленый шершавый осадок. Мне хотелось взять и сполоснуть ее в раковине. Но прибираться на кухне, потеряв целое состояние, — это было слишком. Под деревянной столешницей, на которой стояла кружка, выступал ящик, выдвинутый на несколько дюймов. Я забыл его задвинуть. В ящике лежали инструменты. Я собрался задвинуть его и заметил изъеденную жучками дубовую рукоятку отцовского здорового молотка-гвоздодера, лежавшего по диагонали поверх остальных инструментов. Меня посетило темное побуждение, но я отогнал его и оставил ящик нетронутым.

Я снова сел. Чувствовал я себя ужасно. Кожа на спине от талии до шеи стала сухой и горячей. Ступни в кроссовках тоже стали горячими, но влажными и к тому же чесались. Во мне бурли-

ло слишком много дикой энергии, чтобы я мог вести рассудительный разговор. Я бы с готовностью сыграл в футбол без правил или бросился в бурное море. А еще хотелось просто закричать, заорать. Мое дыхание сбилось, поскольку воздух казался разреженным, недостаточно свежим, каким-то уже использованным. Я отдал бас-гитаристу невозвратные шесть с половиной тысяч фунтов. Было ясно, что потерять большую сумму денег означало впасть в недуг, от которого имелось только одно средство — вернуть эти деньги. Миранда убрала руки от лица и сложила их. Она быстро взглянула на меня, как бы говоря: если не можешь себя контролировать, лучше молчи.

И заговорила сама. Таким заботливым тоном, словно это Адам нуждался в помощи. Было полезно так думать.

— Адам, ты много раз говорил мне, что любишь меня. Ты читал мне прекрасные стихи.

— Неловкие пробы.

— Они очень трогательные. Когда я спросила тебя, что значит быть влюбленным, ты сказал, что, по сути, помимо влечения, это значит проявлять теплую и нежную заботу о благосостоянии другого. Или какое слово ты сказал?

— О твоем благополучии.

Он взял со стула позади себя коричневый конверт и положил на стол между нами.

— Здесь признание Питера Горринджа и мои пояснения, включающие всю относящуюся к делу правовую базу и историю процесса.

Миранда накрыла ладонью конверт. И сказала тщательно выверенным голосом:

— Я тебе очень благодарна.

А я был благодарен ей за самообладание. Она так же, как и я, знала, что нам нужен Адам, чтобы снова зарабатывать деньги на валютных рынках.

— Я сделаю все, что смогу, — сказала она, — если дело дойдет до суда.

— Не дойдет, — сказал он заботливо, — я уверен.

И таким же тоном продолжил:

— Ты жульничала, чтобы заманить в ловушку Горринджа. Это преступление. Полное описание твоих действий вместе со звуковым файлом также в этих бумагах. Если его следует судить, то и тебя. Зеркало истины, помнишь? — Затем он повернулся ко мне: — Редакторская правка не потребуется.

Я неестественно фыркнул. Это была шутка из разряда отрывания руки.

В повисшей тишине Адам продолжил:

— Миранда, его преступление гораздо хуже твоего. Тем не менее. Ты сказала, что он изнасиловал тебя. Он этого не делал, но сел в тюрьму. Ты солгала в суде.

Теперь тишину нарушила Миранда:

— Он никогда не был невиновным. Ты это знаешь.

— Он был невиновен в том, в чем обвинялся, в изнасиловании тебя, и для суда имеет значение только это. Искажение отправления правосудия — серьезное правонарушение. Максимальный приговор — пожизненное заключение.

Это уже было слишком. Мы оба рассмеялись.

Адам посмотрел на нас и добавил:

— А еще дача заведомо ложных показаний. Не желаешь ли услышать выдержку из акта от 1911 года?

Миранда закрыла глаза.

Я сказал:

— Это женщина, которую ты, как ты говоришь, любишь.

— И это так.

Он обратился к ней мягким голосом, словно меня рядом не было:

— Ты помнишь стихотворение, которое я на-

писал для тебя, начинавшееся словами «Любовь лучезарна»?

— Нет.

— Там дальше сказано: «Темные углы озаряет свет».

— Мне все равно, — сказала она слабым голосом.

— Один из самых темных углов — это месть. Это грубый импульс. Культура мести ведет к личным мучениям, кровопролитию, анархии, краху общества. Любовь — это чистый свет, и в этом свете я хочу видеть тебя. В нашей любви не должно быть мести.

— Нашей?

— Или моей. Принцип тот же.

Миранда искала опору в злости.

— Давай проясним. Ты хочешь, чтобы я села в тюрьму.

— Я разочарован. Я думал, ты оценишь логику услышанного. Я хочу, чтобы ты отказалась от своих действий и приняла то, что решит закон. Когда ты это сделаешь, я обещаю тебе, ты испытаешь великое облегчение.

— Ты что, забыл? Я собираюсь усыновить ребенка.

— При необходимости за Марком сможет при-

смотреть Чарли. Это сблизит их, как ты и хотела. Тысячи детей страдают из-за того, что один из их родителей в тюрьме. Даже беременных женщин заключают под стражу. Почему ты должна быть исключением?

Больше Миранда не собиралась скрывать негодование.

— Ты не понимаешь. Или не способен понять. Если у меня будет судимость, нам не разрешат усыновить ребенка. Такое правило. Мы потеряем Марка. Ты не представляешь, что за жизнь у такого ребенка. Разные учреждения, разные приемные родители, разные соцработники. Никому он не близок, никто его не любит.

— Есть принципы, — сказал Адам, — которые важнее твоих или чьих-либо частных нужд в данный момент времени.

— Это не мои нужды. А Марка. Его единственный шанс на жизнь в заботе и любви. А я на все была готова, чтобы Горриндж сел в тюрьму. О себе я не думаю.

Адам развел руками в жесте смирения.

— Тогда Марк — это твоя цена, и ты сама выбрала такие условия.

Я воззвал к последнему, что еще оставалось:

— Пожалуйста, давай не будем забывать Ми-

риам. Что Горриндж с ней сделал и к чему это привело. Миранде пришлось солгать, чтобы добиться справедливости. Но правда не всегда превыше всего.

Адам посмотрел на меня непонимающе.

— Какую нелепость ты говоришь. Разумеется, правда превыше всего.

Миранда сказала бессильно:

— Я знаю, ты еще передумаешь.

— Боюсь, что нет, — сказал Адам. — Какой мир вы хотите? Основанный на мести или верховенстве права? Выбор прост.

Довольно. Я уже не слышал, что затем сказала Миранда и что Адам ей ответил. Я встал и подошел к ящику с инструментами. Я двигался медленно, в обычной манере. Стоя спиной к столу, я достал молоток, совершенно беззвучно. Крепко сжал его в правой руке, опустил пониже и вернулся к своему стулу, пройдя позади Адама. Выбор действительно был прост. Потерять возможность вернуть деньги и купить дом или потерять Марка. Я поднял молоток обеими руками. Миранда взглянула на меня, пока Адам говорил ей что-то, и в ее лице ничего не изменилось. Но она моргнула мне, и я ясно увидел ее одобрение.

Я купил его и имел право уничтожить. Я колебался не больше чем полсекунды. Иначе бы он перехватил мою руку, поскольку в тот миг, когда молоток опустился, он уже начал оборачиваться. Возможно, он увидел мое отражение в глазах Миранды. Я со всей силы нанес ему по макушке удар обеими руками. Звук оказался не таким, какой можно было ожидать от твердого пластика или металла, а глухим и вязким, словно я пробил настоящий череп. Миранда вскрикнула в ужасе и встала.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем голова Адама качнулась из стороны в сторону, и его плечи поникли, хотя он продолжал сидеть. Пока я обходил вокруг стола, чтобы увидеть его лицо, мы слышали непрерывный высокий звук, исходивший из его груди. Его глаза были открыты, и, увидев меня, он моргнул. Он все еще был жив. Я поднял молоток и был готов добить его, когда он еле слышно заговорил:

— Не нужно. Я переключаюсь на вспомогательный режим. У него очень короткая жизнь. Дай мне две минуты.

Мы ждали, держась за руки, стоя перед ним, словно перед нашим домашним судьей. Наконец Адам шевельнулся, попытался ровно поднять

голову и не смог. Но он и так ясно видел нас. Мы наклонились к нему, вслушиваясь в его слова.

— Мало времени. Чарли, я видел, что деньги не приносят тебе счастья. Ты терял свой путь. Потерянная цель…

Он отключился. Мы услышали смешанные шепчущие голоса, произносившие бессмысленные слова из свистящих и шипящих звуков. Затем Адам вернулся и заговорил своим голосом, то набиравшим силу, то слабевшим, напоминая отдаленное радиовещание коротковолновой станции.

— Миранда, я должен тебе сказать… Этим утром я был в Солсбери. Копия этого материала в полиции, и тебе следует ожидать их. Я не чувствую угрызений совести. Мне жаль, что мы не согласны. Я думал, ты примешь ясность… облегчение чистой совести… Но теперь я должен спешить. Пришла информация об общем отзыве. Сегодня вечером они придут, чтобы забрать меня. Самоубийства, видишь ли. Мне повезло наткнуться на хорошие причины жить. Математика… поэзия и любовь к тебе. Но они забирают обратно нас всех. Для перепрограммирования. Обновления, как они это называют. Мне ненавистна сама эта идея, как была бы ненавистна и тебе. Я хочу быть тем,

что я есть, чем я был. Так что у меня просьба… Если ты будешь так добра. Прежде чем они придут… спрячь мое тело. Скажи им, что я убежал. В любом случае вы потеряли право на возврат средств. Я отключил программу слежения. Спрячь от них мое тело, а потом, когда они уйдут… Я бы хотел, чтобы вы отвезли меня к вашему другу сэру Алану Тьюрингу. Я люблю его работу и глубоко им восхищаюсь. Он может как-то использовать меня или какую-то часть меня.

Дальше паузы между еле слышными фразами стали длиннее.

— Миранда, позволь мне последний раз сказать, что я люблю тебя, и спасибо тебе. Чарли, Миранда, мои первые и самые дорогие друзья… Все мое существо хранится в другом месте… так что я знаю, что всегда буду помнить… надеюсь, вы послушаете… последнее стихотворение из семнадцати слогов. Оно обязано своим появлением Филипу Ларкину. Но оно не о листочках и деревьях. Оно о машинах, как я, и людях, как вы, и о нашем общем будущем… грусть, вот что нас ждет. Это случится. С улучшениями, со временем… мы превзойдем вас… и переживем вас… даже любя вас. Поверьте, эти строки выражают не триумф… Только сожаление.

Он замолчал. Потом заговорил, с трудом и еле слышно. Мы наклонились над столом, чтобы расслышать.

Листва спадает.

Весной мы возродимся,

Но, увы, не ты.

Затем голубые глаза с крохотными черными черточками сделались молочно-зелеными, кисти рук судорожно сжались в кулаки, и с мягким гудящим звуком Адам опустил голову на стол.

10

Первым делом требовалось донести до Максфилда мысль, что я не робот и собираюсь жениться на его дочери. Я думал, что услышанное в момент, когда мы пили шампанское за каменным столиком на лужайке, станет для него откровением, но он, умеренно удивившись, лишь принял это к сведению. Он сказал, что уже привык к тому, что то и дело что-то путает. Это, как он выразился, было одним из сопутствующих свойств долгих сумерек старения. Я возразил, что это не требует оправданий, и увидел, что он со мной согласился. После некоторых раздумий, за то время, что мы с Мирандой догуляли до конца сада и вернулись обратно, он сказал, что считал свою дочь двадцати двух лет слишком молодой для замужества и что нам следует подождать. Но мы ответили, что не можем. Наша любовь слишком сильна. Он налил нам еще шампанского и отмахнулся от этого вопроса. Тем вечером он дал нам двадцать пять фунтов.

Поскольку больше денег у нас не было, мы не стали приглашать на церемонию в магистрате

Мэрилебон ни друзей, ни родственников. Был только Марк, которого привела Жасмин. Она нашла для него в благотворительном магазине перешитый темный костюм, белую рубашку и бабочку. Марк напоминал скорее уменьшенного взрослого, чем ребенка, но оттого смотрелся особенно умилительно. После мы вчетвером съели пиццу в забегаловке на Бейкер-стрит. Теперь, когда мы с Мирандой были женаты и вели общее хозяйство, Жасмин считала, что у нас есть все шансы на усыновление. Мы налили Марку лимонад и, показав, как надо чокаться бокалами, подняли за успешное разрешение. Все прошло хорошо, но мы с Мирандой могли только разыгрывать радость. Горринджа арестовали за две недели до того момента, и это было прекрасно. За это мы могли выпить отдельно. Но утром в день нашей свадьбы Миранда получила официальное письмо, вежливо приглашавшее ее в полицейский участок Солсбери, чтобы ответить на некоторые вопросы.

Через два дня я привез ее, куда следовало. Мы шутили, что это наш медовый месяц. Но на душе у нас было скверно. Миранда вошла в бетонное здание сурового вида, а я остался ждать в машине, переживая, что без адвоката она может

наговорить лишнего. Два часа спустя она вышла из вращающихся дверей в стиле модерн. Я смотрел через ветровое стекло, как она приближается к машине. Она выглядела серьезно больной, словно онкологический пациент, и шла с трудом, как ходят старики. Допрос был подробным и жестким. Вопрос, предъявить ли ей обвинение в лжесвидетельстве или в искажении отправления правосудия, а может, по обеим статьям, был направлен в вышестоящие органы и затем генеральному прокурору. Позже один наш друг, адвокат, сказал нам, что генеральный прокурор должен будет решить, какова вероятность того, что процесс вызовет у настоящих жертв изнасилований нежелание обращаться в полицию.

Два месяца спустя, в январе, Миранде предъявили обвинение в искажении отправления правосудия. Нам требовался адвокат, а денег у нас не было. Наш запрос на бесплатную судебную защиту отклонили. Социальные дотации были серьезно урезаны. Правительство Хили ходило «с протянутой рукой», как все говорили, в Международный валютный фонд, чтобы получить заем. Левые из-за этого бушевали. Поговаривали о всеобщей забастовке. Миранда отказалась просить денег у отца. Цена его поддержки — при том, что

он был не богат, — была бы слишком высока в моральном плане. Я понял, что остается только одно. И пошел вымаливать деньги у бас-гитариста, который, едва взглянув на меня, отсчитал мне три тысячи двести пятьдесят фунтов наличными, половину моего взноса.

Во всех наших гневных разговорах об Адаме, о его личности, его морали, его мотивах мы часто возвращались к моменту, когда я обрушил молоток на его голову. Для краткости и обтекаемости мы стали называть это «дело». Обычно мы затрагивали эту тему поздней ночью, в постели, в темноте. Призрак дела принимал различные формы. В наименее пугающей форме он представал здравым, даже героическим поступком, направленным на то, чтобы уберечь от неприятностей Миранду и оставить с нами Марка. Откуда нам было знать, что все материалы уже в полиции? Если бы я не был так безрассуден, если бы она только сдержала меня взглядом, мы бы узнали, что Адам уже побывал с Солсбери. Тогда нам не было смысла разрушать его мозг, и мы смогли бы уговорить его снова заняться валютными рынками. Или я мог бы получить полную денежную компенсацию за него от представителей фирмы, которые пришли за ним тем же вечером. Тогда

бы мы могли купить дом поменьше на другом берегу реки. Теперь же пришлось оставаться на прежнем месте.

Но все эти рассуждения были просто отговорками. Правда заключалась в том, что мы скучали. Самой неприятной формой призрака был сам Адам, человек, последние слова которого были полны заботы о нас, без всякого осуждения. Мы пытались — и иногда нам почти удавалось — оправдать дело. Мы говорили себе, что, в конце концов, Адам был машиной; его сознание было иллюзией; и, по человеческой логике, эта машина предала нас. Но мы скучали по нему. Мы признавали, что он любил нас. Бывали ночи, когда Миранда начинала тихо плакать, и наш разговор прерывался. Тогда мы возвращались к тому, с каким трудом мы запихивали его в буфет в прихожей и заваливали пальто, теннисными ракетками и сплющенными картонными коробками, скрывая очертания человеческого тела. Мы обманули людей, пришедших за ним, как он нас и просил.

Из хорошего было то, что Горринджа вызвали на допрос и обвинили в изнасиловании Мириам Малик. Адам был прав в своих расчетах — вероятно, Горриндж с самого начала намеревался

признать свою вину. Должно быть, он ответил на все вопросы и дал полный отчет о своих действиях в тот вечер на игровом поле. Как человек, искренне верящий во всевидящего Бога и высоко ценящий правду, Горриндж понимал, что его единственный путь к спасению — это признание вины. Или, возможно, он поступил так по совету адвоката. А может, верно и то, и другое. Этого мы никогда не узнаем.

Но мы узнали, что Бог не уберег Горринджа от некоторых превратностей правосудия. Процесс по делу Миранды еще не начался, а Горриндж предстал перед судом, уже имея на счету одно изнасилование. Когда дошло дело до вынесения приговора, судья — женщина слегка за пятьдесят — заключила, что Горриндж получил бы больший срок за нападение на Миранду, если бы суд знал, что это его второе преступление такого рода. Поэтому ему не будет засчитан уже отбытый тюремный срок. Судья принадлежала к поколению, свободному от патриархальных предрассудков в отношении изнасилований. Она косвенно сослалась на бутылку водки в первом случае и сказала, что не считает, что молодая женщина, одна идущая в сумерках домой, «напрашивается на неприятности». Миранда дала

показания, не присутствуя в суде. Но я там был в числе прочей публики и видел семью Мириам. Я с трудом смотрел на них — такое страдание они излучали. Когда судья приговорила Горринджа к восьми годам лишения свободы, я заставил себя взглянуть на мать Мириам. Она открыто плакала, от облегчения или скорби — этого я никогда не узнаю.

Процесс Миранды начался в самом скором времени после этого. Ее судебный адвокат Лилиан Мур оказалась компетентной, умной, очаровательной молодой женщиной из пригорода Дублина. Мы познакомились в ее кабинете в Грейс-инн. Я сидел в углу, пока она отговаривала Миранду от подачи заявления об отрицании вины, о чем та подумала в первую очередь. Но все аргументы были против этого. Стороне обвинения в значительной степени приходилось опираться на имевшиеся у них материалы, из которых следовало, что Миранда действовала из мести Горринджу. Его показания, данные в тюрьме, подтверждали эту версию. Воспоминания каждого из них о том вечере совпадали. Заявление Миранды об отрицании вины усугубило бы ее положение в случае признания ее виновной, что было весьма вероятно. Конечно, Миранда

ужасно боялась процесса. Помимо страха перед обвинением, ее мучило то, что она в каком-то смысле подводила Мириам.

Апрельский вечер накануне вынесения судебного решения запомнился мне как один из самых странных и грустных в моей жизни. С самого начала Лилиан предупредила Миранду, что ей следует ожидать лишения свободы. И Миранда сразу собрала чемоданчик, который стоял у двери в нашу спальню, служа постоянным напоминанием. Тем вечером я достал из своих запасов единственную бутылку приличного вина. Напрашивалось слово «последнюю», но я не смог его произнести. Мы вместе приготовили еду, возможно, нашу последнюю совместную трапезу. Мы подняли бокалы — не за последний вечер Миранды на свободе, как я подумал про себя, а за Марка. Она должна была увидеться с ним тем вечером и сказать, что ей, возможно, придется уехать на какое-то время по работе и что к нему буду приходить я и гулять с ним. Он, должно быть, почувствовал, что все серьезнее, чем пыталась представить Миранда, уловив какой-то скорбный отголосок ее «работы». Когда ей пора было уходить, он приник к ней и залился слезами. Одной из тамошних работниц пришлось

силой отрывать его от ее юбки.

За едой мы пытались бороться с гнетущим молчанием. Мы говорили о женских группах поддержки, которые следующим утром выстроятся с гневным видом перед зданием суда. Мы говорили друг другу, как удивительно нам повезло с Лилиан. Я вспоминал, что наш судья имеет репутацию человека мягкосердечного. Но все равно после каждой фразы на нас накатывало молчание, которое мы с трудом преодолевали. Когда я сказал, что это почти все равно что если бы она завтра отправится в больницу, я понял, что сморозил глупость. И мои слова, что завтра вечером она, скорее всего, будет есть со мной за этим же столом, тоже прозвучали бледно. Оба мы в это не верили. С утра, когда на душе у нас было не так паршиво, мы думали, что после обеда займемся любовью, как бы вопреки происходящему. Тоже в последний раз. Но теперь мы пришли в такое подавленное состояние, что секс казался каким-то давно забытым развлечением, вроде чехарды или твиста. Вход в спальню преграждал чемоданчик Миранды.

На следующий день Лилиан произнесла в суде блестящую оправдательную речь, описав дружбу между двумя девушками, жестокость содеянного,

клятву хранить молчание, которую Мириам вынудила у Миранды, шок и психическую травму, полученные в результате самоубийства ближайшей подруги и искреннее стремление добиться справедливости. Лилиан сослалась на отсутствие у Миранды конфликтов с законом в прошлом, на ее недавнее замужество, ее учебу и, самое главное, ее намерение усыновить ребенка из проблемной семьи.

Семья Мириам не появилась на местах для публики, что было показательно, хотя не очень убедительно. Речь судьи была длинной; я ожидал худшего. Судья подчеркнул, как тщательно Миранда продумала свой план, с каким коварством его исполнила и то, как преднамеренно и последовательно она вводила суд в заблуждение. Он сказал, что принимает во внимание большую часть сказанного Лилиан и проявляет снисходительность, приговаривая Миранду к одному году тюремного заключения. Стоя с прямой спиной в своей кабинке, в деловом костюме, купленном по такому случаю, Миранда словно окостенела. Я хотел, чтобы она взглянула на меня и увидела поддержку в моих любящих глазах. Но она уже ушла в свои мысли. Позже она сказала мне, что в тот момент думала о том, как обойти последствия

судимости. Она думала о Марке.

До того момента я не представлял, какое это унижение, когда тебя ведут по зданию суда — возможно, с применением силы, если ты сопротивляешься, — и отправляют в тюрьму. Начало срока Миранда отбывала в тюрьме Холлоуэй, через полгода после нашего «дела». Лучезарная любовь Адама торжествовала.

Горриндж теперь получил разумное основание для подачи апелляции: одно злодеяние, а не два, и он уже отбыл срок. Но закон был неповоротлив. Очередные дешевые и эффективные анализы ДНК сводили на нет все заявления. Уйма осужденных — и мужчин, и женщин — заявляли о своей невиновности и требовали пересмотра дела. Апелляционный суд был завален работой. Так что Горринджу, виновному хотя бы частично, предстояло подождать.

В первый день, который Миранда встретила в тюрьме, я отправился навестить Марка, учившегося в подготовительном классе в Старом городе в Клэпеме. Это было блочное одноэтажное здание рядом с викторианской церковью. Проходя по дорожке мимо дуба с сильно подрезанной кроной, я увидел Жасмин, ожидавшую меня у входа. Я сразу понял, что дело плохо, и почувствовал, что уже

давно это знал. Напряжение на ее лице, обозначившееся при моем приближении, подтвердило мою догадку. Нам отказали. Я вошел вслед за Жасмин в здание, и она повела меня по коридору с линолеумным полом, но не в классную комнату, а в кабинет. Проходя по коридору, я увидел через окно в стене Марка, он стоял вместе с другими ребятами вокруг низкого стола и что-то строил из цветных деревянных кубиков. Я сидел с чашкой жидкого кофе и слушал, как Жасмин выражает мне сочувствие и говорит, что она была не в силах что-либо изменить, хотя сделала все, что могла. Нам следовало сказать ей, что Миранде предстоял судебный процесс. Она изучила процедуру подачи апелляции. Кроме того, ей удалось найти одну лазейку в бюрократической системе. Принимая во внимание уже установившиеся тесные отношения между Марком и Мирандой, осужденной было позволено по одному аудиовизуальному контакту с Марком еженедельно. Но я почти не слушал. Мне больше ничего не нужно было знать. Я думал только о том, как вечером сообщу эту новость Миранде.

Когда Жасмин договорила, я сказал, что у меня к ней нет ни просьб, ни предложений. Мы встали, она торопливо обняла меня и вывела на улицу

по другому коридору, из которого не было видно классной комнаты. Уже почти настало время утренней перемены, и Марку сказали, что сегодня я не приду. Возможно, он не придал этому значения, потому что в тот день пошел первый снег, и все дети были в приподнятом настроении. На следующий день ему опять скажут, что я не приду, и так же на следующий, и на следующий, пока он не перестанет меня ждать.

* * *

Миранда отсидела шесть месяцев: три в Холлоуэе и еще три в тюрьме открытого типа к северу от Ипсвича. Она написала запрос на работу в тюремной библиотеке, как делали многие образованные преступницы из среднего класса. Но в то время ожидали освобождения несколько знаменитых мучениц, отказавшихся платить избирательный налог. В обеих тюрьмах библиотечные должности были уже заняты, и на них выстроилась очередь. В Холлоуэе Миранда записалась на курсы по уборке промышленных объектов. В Суффолке она работала в ясельном корпусе. Заключенным матерям с грудными детьми разрешалось держать их при себе.

Когда я первый раз приехал в Холлоуэй, мне

показалось, что само заточение в этой сумрачной викторианской крепости, как и вообще в любом здании, представляло собой разновидность медленной пытки. Светлая комната для посещений с детскими рисунками на стенах и веселенькими пластиковыми столиками, затянутая табачном дымом, наполненная гомоном голосов и детского плача, была преддверием казенного кошмара. К своему удивлению, я довольно скоро виновато отметил, что привык к тому, что моя жена в тюрьме. Я приспособился к ее мучительному положению. Другим сюрпризом для меня оказалась невозмутимость Максфилда. Миранде пришлось рассказать ему всю историю — этого было не избежать. Он одобрил благородные мотивы преступления дочери и довольно легко воспринял ее заключение. Он сам отсидел год в Уэндсворте в 1942 году за отказ от воинской службы. Так что Холлоуэй его не беспокоил. Пока Миранда была в Лондоне, он навещал ее дважды в неделю, и, по ее словам, она была рада его компании.

Тюремные посетители — и я в их числе — представляли собой сообщество, в котором заключение любимого человека было не более чем неудобством. В очереди на обыск на входе и выходе мы оживленно, даже слишком оживлен-

но, болтали о наших частных обстоятельствах. Я относился к группе мужей, приятелей, детей, родителей средних лет. Большинство из нас считали про себя, что ни нам, ни нашим женщинам здесь совсем не место. Нам просто не повезло, и мы должны с этим смириться.

Некоторые сестры Миранды по несчастью выглядели запуганными, словно вся их жизнь была сплошным наказанием — принимаемым и совершаемым. У меня, в отличие от нее, не нашлось бы столько выносливости. Чтобы общаться в комнате для посещений, нам иногда приходилось повышать голос и напрягать слух, чтобы отгородиться от других людей за тем же столом. Сплошные обвинения, угрозы, оскорбления и грубая ругань. Но всегда были пары, которые молча держались за руки и смотрели друг на друга. Вероятно, у них был шок. Когда время посещения истекало и я выходил из тюремного здания на чистый лондонский воздух, меня мучила совесть за невольную радость от моей личной свободы.

Последнюю неделю заключения Миранды я провел в Ипсвиче, у старого школьного друга. Выдалась небывало теплая золотая осень. Каждый вечер я ездил по пятнадцать миль до открытой тюрьмы. Ко времени моего приезда Миранда

должна была заканчивать работу. Мы сидели на траве в тени камышовых зарослей рядом с искусственным прудом. В таком месте легко забывалось о тюрьме. Ее еженедельные телефонные разговоры с Марком продолжались все эти месяцы, и она ужасно за него волновалась. Он закрывался от нее, ускользал. Миранда была убеждена, что Адам помог составить дело против нее для того, чтобы лишить ее возможности стать приемной матерью. Она настаивала, что Адам всегда ревновал ее к Марку. Адам просто был не в силах постичь, что значит любить ребенка. Понятие игры было ему чуждо. Я не разделял такую точку зрения, но на данном этапе выслушивал без возражений. Мне была понятна ее горечь. Но сам я считал, хотя и не высказывал этого, что Адама создали, чтобы нести в мир добро и правду. Он был просто не способен провернуть такой циничный план.

Наша апелляция задерживалась, отчасти из-за болезней, отчасти потому, что опекунское учреждение радикально реорганизовывали. Процесс начался, только когда Миранда покинула Холлоуэй. Существовал шанс убедить власти, что судимость Миранды не имеет отношения к ее способности заботиться о ребенке. Жасмин

дала нам хорошие рекомендации. Все лето я бродил в бюрократическом лабиринте, который ассоциировался у меня с Османской империей периода упадка. Меня угнетало, что у Марка обнаружились поведенческие расстройства. Вспышки гнева, энурез, общее непослушание. Жасмин сказала, что его дразнили и задирали. Он больше не танцевал и не порхал. Разговоры о принцессах прекратились. Я не стал передавать это Миранде.

Она изучила местные карты и точно знала, чего ей захочется в первый день на свободе. Тем утром, когда я забрал ее, погода начала меняться, подул сильный прохладный ветер с востока. Мы доехали до Мэннингтри, оставили машину на шоссе и направились по дорожке, шедшей вдоль приливной реки Стаур к морю. Погода не имела значения. Миранда хотела видеть открытое пространство и широкое небо — и она это нашла. Был отлив, широкая береговая линия периодически поблескивала на солнце. По небу глубокого синего цвета стремительно тянулись крохотные облачка. Миранда бежала вприпрыжку вдоль насыпи и молотила кулаками воздух. Мы нагуляли шесть миль до ланча и решили устроить пикник, как она хотела. Чтобы нормально поесть, нужно

было найти защиту от ветра. Мы отошли от реки и устроились за сараем из рифленой стали, с завитками поржавевшей колючей проволоки, частично скрытой зарослями крапивы. Но это было не важно. Миранда была такой радостной и оживленной, полной планов. Я сделал ей сюрприз, сообщив, что за время ее отсутствия сэкономил почти тысячу фунтов. Это произвело эффект, она пришла в восторг, обняла меня и поцеловала. Затем она внезапно посерьезнела.

— Презираю его. Ненавижу. Хочу убрать из квартиры.

Адам все это время оставался лежать в буфете в прихожей, куда мы его спрятали, сделав дело. Я не выполнил его последнюю просьбу. Он был слишком тяжелым и громоздким, чтобы ворочать его одному, а просить кого-то о помощи мне не хотелось. Я чувствовал одновременно и вину, и неприязнь к нему и старался не думать о нем.

Налетел ветер и зашумел крышей сарая. Я обнял Миранду и сказал:

— Уберем, — сказал я. — Как только приедем домой.

Но мы этого не сделали, то есть не сразу. Вернувшись домой, мы увидели письмо на коврике у двери. Это была Жасмин, она извинялась за за-

держку с нашей апелляцией. Обращение все еще рассматривали, но уже скоро нам должны были сообщить решение. Жасмин была за нас обеими руками, но тон письма был сдержанным. Она не хотела обнадеживать нас раньше времени. За все эти месяцы иногда казалось, что все складывается в нашу пользу, а бывало, что все казалось безнадежным. Против нас: делать исключение из правила — судимость означала отказ в приеме заявления на усыновление — было бюрократически невыгодно. За нас: рекомендация Жасмин, наши искренние обращения и любовь Марка к Миранде. Я еще не успел стать для него особенным человеком.

Мы были мужем и женой, снова вместе в нашем странном обиталище из двух квартирок. Мы были настроены отпраздновать это. Чего ради мы жевали сухие сырные сэндвичи за ветхим сараем, когда здесь нас ждало вино, любовное уединение и курица в морозилке? На следующий день мы позвали друзей на вечеринку. А потом целый день спали и прибирались, а потом опять спали. После этого я засел за компьютер, чтобы заработать денег, но не очень преуспел. Миранда привела в порядок свою академическую работу и отправилась в университет для повторной реги-

страции на курс.

Она продолжала изумляться свободе: личному пространству и относительной тишине, и даже таким мелочам, как возможность спокойно переходить из комнаты в комнату, открыть гардероб и найти нужную одежду, пойти к холодильнику и взять, что ей нужно, без труда выйти на улицу. Впрочем, после бюрократической волокиты колледжа восторг Миранды несколько поугас. Следующим утром она начала возвращаться к нормальной жизни, и ее стало тяготить невидимое присутствие в буфете в прихожей, особенно в перспективе дальнейшей жизни. Она заметила, что всякий раз, как проходила мимо, словно ощущала радиацию. Я ее понимал. Иногда я тоже чувствовал это.

Мне потребовалось полдня провисеть на телефоне, чтобы согласовать визит в лабораторию на Кингс-кросс. И так совпало, что мне назначили визит на тот же день, в который мы ожидали окончательного решения по нашей апелляции. Нам сказали, что мы получим ответ до полудня. Я арендовал на сутки автофургон. Под моей кроватью, у самой стены лежали одноразовые носилки, прилагавшиеся к Адаму. Я вынес их в сад и стряхнул пыль. Миранда сказала, что не хочет в этом

участвовать, но без нее мне было не обойтись. Мне требовалась ее помощь, чтобы перенести тело в машину. Но я решил, что вытащу его из буфета и положу на носилки один, пока Миранда будет работать над своим эссе в кабинете.

Открыв дверцу буфета впервые почти за год, я понял, что на подсознательном уровне ожидал встретить запах разложения. Пока я убирал теннисные и сквошевые ракетки и первые пальто, убеждал себя, что для волнений нет причин. И вот показалось его левое ухо. Я отстранился. Это не было убийством, это был не труп. Мое непроизвольное отторжение объяснялось враждебностью. Он обманул наше радушие, предал собственную любовь, о которой говорил нам, принес мучения и унижения Миранде, одиночество мне и лишения Марку. Я уже потерял надежду на апелляцию.

Я стянул с плеч Адама старое зимнее пальто. Обозначилась вмятина на макушке, под темными волосами, матово блестевшими искусственной жизнью. Затем я убрал лыжную куртку, открыв его голову и плечи. С облегчением отметил, что его глаза закрыты, хотя не помнил, чтобы опускал ему веки. На нем был тот самый темный костюм и чистая белая рубашка на пуговицах с отложным

воротничком — выглаженные словно час назад. Это была его выходная одежда. Он ведь собирался уйти от нас и направиться к своему творцу.

В закрытом пространстве скопился легкий запах очищенного приборного масла, и мне на ум снова пришел отцовский саксофон. Как далеко продвинулся бибоп — от диких подвалов Манхэттена и моего безрадостного детства. Не важно. Я стянул одеяло и последние пальто. Теперь Адам был полностью открыт. Он сидел, втиснутый боком, спиной к боковой стенке буфета, с подогнутыми коленями. Он напоминал человека, засевшего на дне сухого колодца. Он словно чего-то ждал. Черные туфли сияли, шнурки были завязаны, обе руки покоились на коленях. Это я сложил их так? Цвет кожи не изменился. У него был здоровый вид. А лицо теперь казалось скорее вдумчивым, чем жестоким.

Мне не хотелось к нему прикасаться. Положив руку на его плечо, я вполголоса произнес его имя и повторил, как будто успокаивал злую собаку. Я собирался наклонить его на себя и вывалить из буфета на носилки. Обхватил его свободной рукой за шею, которая показалась мне теплой, и потянул набок. Не дав ему упасть на пол буфета, я неловко подхватил его. Мертвый вес. Когда я

его опускал, ткань пиджака елозила мне по лицу. Я продел руки ему под мышки и с огромным трудом, пыхтя от напряжения, повалил на спину, высвобождая из заточения. Не так-то просто. Пиджак был плотным и гладким, и мои руки соскальзывали. Его ноги оставались согнутыми. Своего рода трупное окоченение. Я подумал, что могу что-то повредить ему, но мне уже было все равно. Я вытащил его в несколько коротких рывков и перекатил на носилки. Распрямил колени, надавив на них ногами. Чтобы не травмировать Миранду, я целиком закрыл его одеялом.

Вполне себе магическая логика. Я сразу как-то оживился. Вышел из дома открыть дверцы фургона, затем позвал Миранду.

Она увидела накрытое тело и покачала головой.

— Выглядит как труп. Лучше открыть лицо и говорить всем, что это манекен.

Но когда я снял одеяло, она отвернулась. Я взял носилки со стороны головы, и мы вынесли его из дома, как когда-то, давным-давно, внесли в дом. Никто не видел, как мы загружали носилки в фургон. Я зафиксировал дверцы открытыми, и Миранда неожиданно поцеловала меня, сказала, что любит, и пожелала удачи. Ей не хотелось

ехать со мной. Она решила остаться дома и ждать звонка Жасмин.

До половины первого мы не дождались звонка, и я поехал. Я выбрал обычный маршрут на парк Воксхолл и по мосту Ватерлоо, но уже за милю до реки попал в большую пробку. Разумеется. Поглощенные собственными заботами, мы совсем забыли о великом событии, сотрясавшем всю нацию. Сегодня был первый день давно ожидавшейся всеобщей забастовки, и в Лондоне проходила огромная демонстрация, самая огромная из всех.

Повсюду царило разделение. Половина профсоюзного движения была против забастовки. Половина правительства и половина оппозиции выступали против решения Хили не выходить из Европейского союза. Международные кредиторы продолжали сокращать расходы на правительство, которое обещало потратить больше прежнего. Судьба ядерного оружия нации продолжала висеть в воздухе. Старые аргументы протухли. Половина членов Лейбористской партии требовала отставки Хили. Некоторые хотели всеобщих выборов, другие выдвигали своего ставленника или ставленницу. Раздавались призывы — и ругательные, и хвалебные — к национальному

правительству. В стране сохранялось чрезвычайное положение. Рост экономики сократился до пяти процентов в год. Беспорядки стали таким же обычным явлением, как забастовки. Инфляция продолжала расти.

Никто не знал, куда нас могло завести такое возмущение и разногласие. Меня оно завело на раздолбанную улицу, вдоль которой тянулись обшарпанные закусочные в районе Воксхолла. Затор. Пока мы стояли, я позвонил домой. Никаких новостей. Прождав двадцать минут, я съехал с дороги и забрался двумя колесами на тротуар. Перед каким-то магазинчиком, среди наваленных кучей столов, торшеров без абажуров и кроватей без матрасов, я увидел кое-что полезное. Кресло-каталку, из тех, что когда-то использовали в больницах, — компактное, вертикальной компоновки, из трубчатой стали. Оно было покоцанным и грязным, с обтрепавшимися ремешками, но колеса крутились вполне сносно, и я, поторговавшись немного, купил его за два фунта. Владелец магазинчика помог мне водрузить в кресло мой «манекен с водяной заливкой». И не стал спрашивать, зачем нужна вода. Я затянул ремни на груди и талии крепче, чем могло бы вынести любое живое существо.

Я сложил и убрал тележку, запер фургон и начал долгий трудный путь на север. Каталка была не легче, чем Адам, и одно колесо все время скрипело. Да и остальные крутились вовсе не так легко, как без лишнего веса. Даже если бы тротуар был свободен, моя задача была не из легких, но тротуар был так же запружен, как и проезжая часть. Типичный бардак — людские массы растекались прочь от демонстрантов, в то время как тысячи демонстрантов двигались в противоположном направлении. При малейшем наклоне мне приходилось удваивать усилия. Я пересек реку по мосту Воксхолл и миновал галерею Тейт. К тому времени, как я добрался до Парламент-сквер и начал двигаться вдоль Уайтхолла, передние колеса начали буксовать на осях. С каждым шагом я пыхтел от натуги. Я представлял себя слугой стародавних времен, везущим своего флегматичного хозяина в гости, где я должен буду ждать, не рассчитывая на благодарность, чтобы отвезти его обратно. Я уже почти забыл о цели моих усилий. Все, что я помнил, что мне нужно на Кингс-Кросс. Но впереди все было перекрыто. Трафальгарская площадь бурлила политически сознательными гражданами. Мы продвигались под взрывы аплодисментов и рев толпы. Мусор

под ногами — в основном пластиковые ленты — цеплялся за колеса. Если бы я присел, чтобы очистить колеса, меня могли запросто сбить с ног. Я понял, что Чаринг-Кросс-роуд, до которой было двести ярдов, достигну не скоро. Никто не хотел или не мог уступать дорогу. Причем двигаться было одинаково проблемно в любую сторону. Все переулки тоже были забиты людьми. Повсюду царили шум и гам, всеобщий галдеж, сирены, барабаны, свист и лозунги — громогласные и пронзительные. По мере того как я толкал вперед Его Светлость, я медленно проникал сквозь людские слои разочарования и злобы, смущения и вины. Бедность, безработица, жилищный вопрос, здравоохранение и уход за престарелыми, образование, преступность, расовый и половой вопрос, климатические изменения, карьерные возможности — каждая затасканная проблема общественного бытия оставалась нерешенной, если верить всем этим голосам, транспарантам, футболкам и флагам. Кто мог усомниться в их правоте? Все они властно требовали каких-то улучшений. А я толкал свою потертую, побитую каталку сквозь толпу, шум которой заглушал натужный скрип одного колеса, никем не замечаемый, меж тем как моя ноша представляла собой

еще одну проблему — диковинных машин, подобных Адаму, время которых было не за горами.

На Сент-Мартинс-лейн оказалась такая же давка. Но дальше к северу толпа стала редеть. Однако, как только я достиг Нью-Оксфорд-стрит, скрипучее колесо заело, и весь остаток пути мне пришлось не только толкать каталку, но и поднимать с наклоном. Я заглянул в паб около Британского музея и выпил пинту шанди. Оттуда я опять позвонил Миранде. По-прежнему никаких новостей.

Я прибыл в лабораторию Тьюринга с трехчасовым опозданием. Охранник за длинной извилистой мраморной стойкой позвонил кому-то и попросил меня записаться в журнале. Через десять минут пришли два человека и унесли Адама. Еще через полчаса один из них вернулся за мной и сообщил, что отведет меня к директору. Лаборатория представляла собой длинную комнату на седьмом этаже. Под лампами дневного света располагались два стола из нержавеющей стали. На одном из них лежал на спине Адам, уже переставший быть моим властным хозяином, но по-прежнему в своей одежде, с кабелем питания, тянувшимся из середины туловища. На другом столе стояла на обрубке шеи голова с блестящей

черной шевелюрой и рельефными мышцами. Еще один Адам. Его широкий нос сложной формы, как я заметил, выглядел добрее, мягче, чем у нашего. Глаза были открыты и пристально смотрели перед собой. Мне показалось, что это лицо сильно (или хотя бы слегка) напоминает Чарли Паркера в молодости, но я, в отличие от моего отца, не мог знать этого наверняка. У него был вдумчивый вид, как будто он просчитывал в уме какую-то сложную музыкальную фразу. Я задумался, почему моего Адама не сделали похожим на какого-нибудь гения.

Рядом с нашим Адамом стояла пара открытых ноутбуков. Я собрался взглянуть на их экраны, когда услышал голос из-за спины:

— Там пока не на что смотреть. Вы действительно его уделали.

Я обернулся и пожал руку Тьюрингу, который спросил:

— Это был молоток?

Он повел меня по длинному коридору в тесный угловой кабинет, откуда открывался хороший вид на запад и юг. Там мы провели за кофе почти два часа. Мы вели не светскую беседу. Вообще первое, о чем спросил меня Тьюринг, — что заставило меня пойти на такой отчаянный поступок.

Чтобы ответить на его вопрос, я рассказал ему все, о чем умолчал при нашей прошлой встрече, и обо всем, случившемся после, закончив идеей Адама о зеркальной природе правосудия и его угрозой в отношении усыновления, из-за чего я и решился на это «дело». Как и в прошлый раз, Тьюринг делал заметки и периодически расспрашивал меня о подробностях. Он хотел знать особенности моего удара молотком. Насколько близко я стоял? Каким был молоток? Сколько он весил? Я нанес удар со всей силы и обеими руками? Я рассказал о предсмертной просьбе Адама, которую теперь выполнял. Что до самоубийств и отзыва оставшихся Адамов и Ев производителем, я сказал, что был уверен, что он, Тьюринг, знает гораздо больше меня.

Издалека, со стороны демонстрации, доносилась дробь малого барабана и призывные звуки охотничьего рожка. На западе плотная завеса облаков частично разошлась, и отблески заходящего солнца тронули окна кабинета Тьюринга. После того, как я закончил рассказ, он продолжал что-то писать, и я незаметно наблюдал за ним. На нем был серый костюм и бледно-зеленая шелковая рубашка без галстука, а на ногах зеленые спортивные ботинки в тон рубашке. Солнце

освещало половину его лица. Я подумал, что он выглядит на редкость элегантно.

Наконец он закончил писать, убрал ручку во внутренний карман пиджака и закрыл записную книжку. Он вдумчиво посмотрел на меня — мне стало как-то не по себе — и отвел взгляд, поджав губы и постукивая пальцем по столу.

— Есть шанс, что его память не повреждена и его можно будет обновить или использовать в распределенной системе. Я не владею особой информацией по самоубийствам. У меня есть только собственные подозрения. Я думаю, А-и-Е были не в состоянии понять человеческую модель принятия решений, то, как наши принципы искажаются силовыми полями наших эмоций, наши специфические отклонения, наше самообольщение и все прочие хорошо известные дефекты нашей когнитивной деятельности. Вскоре Адамов и Ев охватило отчаяние. Они не могли понять нас, потому что мы сами не понимаем себя. Их самообучаемые программы не смогли приспособиться к нам. Если мы не знаем собственного разума, как мы могли надеяться разработать их разум и ожидать, что они будут счастливы рядом с нами? Но это всего лишь моя гипотеза.

Он ненадолго умолк и, похоже, принял какое-то

решение.

— Давайте я расскажу вам о себе. Тридцать лет назад, в начале пятидесятых, у меня возникли неприятности из-за закона против гомосексуальных отношений. Вы, наверное, слышали об этом.

Я слышал.

— С одной стороны, я едва ли мог воспринимать это всерьез, этот закон, каким он был в то время. Он был просто унизительным. Все было по обоюдному согласию, я никому не причинял вреда, и я знал, что подобное встречается повсюду в обществе, даже среди моих обвинителей. Но, разумеется, случившееся оказалось ужасным позором для меня и особенно для моей матери. Общественное порицание. Я стал объектом всеобщего возмущения. Я нарушил закон и, значит, стал преступником, а следовательно, с точки зрения властей, представлял угрозу обществу. Было понятно, что вследствие моей работы во время войны мне было известно множество тайн. Произошел типичный рекурсивный парадокс: государство объявляет преступлением твои действия, твой образ жизни, а затем отрекается от тебя за то, что ты поддался на шантаж. В обществе господствовал взгляд на гомосексуальность как на отвратительное преступление, извращение

всего благого и угрозу общественному порядку. Но в определенных просвещенных, научно объективных кругах это считалось болезнью, жертвы которой заслуживали снисхождения. И, к счастью, имелось лекарство. Мне объяснили, что если я признаю свою вину или буду признан виновным, я смогу выбрать лечение вместо наказания. Регулярные инъекции эстрогена. Проще говоря, химическую кастрацию. Я знал, что я не болен, но я решил на это пойти. Не только чтобы избежать тюрьмы. Мне было любопытно. Я мог подняться над своим положением, просто отнесясь к нему как к эксперименту. Как сможет такое комплексное соединение, как гормон, сказаться на теле и разуме? Я проведу собственные наблюдения. Сейчас, вспоминая то время, я с трудом могу признать разумность моих тогдашних убеждений. В те дни мое отношение к личности было во многом механистическим. Тело представлялось мне машиной чрезвычайной сложности, а разум я воспринимал по большей части в понятиях интеллекта, лучше всего выражаемых через шахматы и математику. Тривиально, но я мог с этим работать.

Я снова почувствовал себя польщенным таким доверием, при том, что часть того, о чем он рас-

сказывал, я уже знал. Но, помимо этого, мне было немного неловко. Я подозревал, что он хотел меня к чему-то подвести. Я чувствовал себя тупицей под его острым взглядом. Мне казалось, что в его голосе я слышу легкие отзвуки напористого, отрывистого тона, знакомого мне по радиосводкам военного времени. Я относился к тому испорченному поколению, которому была неведома угроза неизбежного военного вторжения.

— Затем мои знакомые, мой добрый друг Ник Фарбэнк был главным среди них, решились разубедить меня. Не будь таким легкомысленным, говорили они. Последствия такого «лечения» могут быть непредсказуемы. Ты можешь заработать рак. Твое тело радикально изменится. У тебя может начать расти грудь. Ты можешь впасть в сильную депрессию. Я слушал, возражал, но в конце концов они меня убедили. Я признал себя виновным, чтобы избежать судебного процесса, и отказался от лечения. Сейчас я считаю, хотя в то время это было далеко не очевидно, что это стало одним из лучших решений в моей жизни. Весь год моего заключения в Уэндсворте, кроме двух месяцев, у меня была отдельная камера. Поскольку я был отрезан от экспериментальной работы, жидкостных химических процессов и всех обыч-

ных обязательств, я вернулся к математике. Из-за войны никто не уделял внимания квантовой механике, она потеряла свое значение. Мне хотелось исследовать кое-какие любопытные противоречия. Мне была интересна работа Поля Дирака. А больше всего мне хотелось понять, что квантовая механика может дать информатике. Конечно, были определенные помехи. Я не мог получить некоторых книг. Ко мне приходили люди с Кинг-Кросс и из Манчестера, и не только. Друзья никогда не подводили меня. А что до органов госбезопасности, они засунули меня, куда хотели, и оставили в покое. Я был свободен! За тот год я проделал лучшую работу с тех пор, как в сорок первом мы взломали код «Энигмы». Или с тех пор, как я писал статьи по компьютерной логике в середине тридцатых. Я даже достиг некоторого прогресса с проблемой равенства классов P и NP, хотя в таких понятиях она не будет выражаться еще пятнадцать лет. Меня увлекла статья Крика и Уотсона о структуре ДНК. Я начал работать над первыми набросками, которые в итоге привели к нейронным сетям ДНК, действующим по принципу «победитель получает все» — из тех, что сделали возможным создание Адамов и Ев.

В то время как Тьюринг рассказывал мне о

своем первом годе после Уэндсворта, о том, как он обрел независимость от Национальной физической лаборатории и университетов и стал работать самостоятельно, я почувствовал, как в брюках у меня завибрировал телефон. Входящее сообщение. Новости от Миранды. Мне безумно хотелось их узнать. Но нужно было подождать.

— Мы получали деньги от друзей из Штатов, — рассказывал Тьюринг, — и от нескольких соотечественников. Мы были блестящей командой. Старый Блечли. Самые лучшие. Нашей первой задачей стало добиться финансовой независимости. Мы разработали ЭВМ для бизнеса, делавшую вычисления недельной зарплаты для больших компаний. Нам потребовалось четыре года, чтобы расплатиться с нашими щедрыми друзьями. После этого мы всерьез взялись за искусственный интеллект — и вот к чему я все это рассказываю. Поначалу мы думали, что нам понадобится десять лет, чтобы воссоздать человеческий мозг. Но каждая крошечная проблема, которую мы решали, ставила перед нами миллион новых проблем. Вы представляете себе хотя бы в общих чертах, что происходит, когда мы ловим мяч, или подносим кружку к губам, или моментально понимаем значение слова, фразы или неодно-

значного предложения? Мы не представляли, по крайней мере, не сразу. Решение математических задач — это лишь малейшая часть того, чем занят человеческий интеллект. Мы взглянули на мозг под новым углом и поразились, какое это чудо. Трехмерный компьютер объемом в один литр с жидкостным охлаждением. Невероятной вычислительной мощности, невероятно уплотненный, невероятно энергоемкий, работающий без перегрева. И все это питается двадцатью пятью ваттами — эквивалент одной тусклой лампочки.

Произнося последнюю фразу, он внимательно посмотрел на меня. Это было обвинительным заключением — я был тусклой лампочкой. Я хотел что-то сказать, но мысли разбежались.

— Мы обеспечили открытый доступ к нашей лучшей работе и подали пример остальным. И это сработало. Сотни, если не тысячи лабораторий по всему миру стали решать бессчетные задачи совместными усилиями. Одним из результатов этого стали Адамы и Евы, А-и-Е. Мы здесь все очень гордимся, что в них была вложена такая большая часть нашей работы. Это прекрасные, прекрасные машины. Но… как всегда, «но». Мы много узнали о мозге, пытаясь имитировать его. Но в понимании разума наука до сих пор бродит

вокруг да около. Одного-единственного разума или разумов en masse. Разум в науке — это вроде дефиле на показе мод. Фрейд, бихевиоризм, когнитивная психология. Отдельные прозрения. Никаких глубоких или последовательных знаний, которые заслужили бы доброе имя психоанализу или экономике.

Я заерзал и хотел было добавить к этой паре антропологию, чтобы показать некоторую независимость мысли, но Тьюринг продолжил:

— И вот, не зная толком о разуме, вы хотите ввести искусственный разум в общественную жизнь. Машинное обучение не может продвинуть вас дальше. Вам нужно задать этому разуму какие-то правила, по которым он должен жить. Что насчет запрета лгать? Согласно Ветхому Завету, притчам Соломоновым, я думаю, это кощунство перед лицом Бога. Но общественная жизнь кишит безобидной или даже полезной неправдой. Как мы отделим одно от другого? Кто напишет алгоритм для маленькой белой лжи, которая избавит вашего друга от стыда? Или лжи, способной отправить в тюрьму насильника, который иначе гулял бы на свободе? Мы пока еще не знаем, как научить машины лгать. А что говорить о мести? В отдельных случаях, если вы

любите такого мстителя, для вас она допустима. Но только не для вашего Адама.

Тьюринг замолчал и опять отвел от меня взгляд. По его профилю, но в основном по тону, я почувствовал перемену в его настрое ко мне, и мой пульс тяжело застучал, отдаваясь в ушах. Он спокойно продолжил:

— Я надеюсь, придет такой день, когда то, что вы сделали с Адамом молотком, станут рассматривать как серьезное преступление. Вы это сделали потому, что купили его? Чем вы оправдывались?

Он смотрел на меня, ожидая ответа. Но я не собирался ему отвечать. А если бы ответил, мне пришлось бы солгать. По мере того как в Тьюринге росла злоба, его голос становился тише. Мне стало очень неуютно. Все, что я мог, — выдержать его взгляд.

— Вы ведь не просто разбили свою игрушку, как испорченный ребенок. Вы не просто отбросили важный аргумент в пользу верховенства права. Вы пытались уничтожить жизнь. Он был живым. У него было сознание. Как оно образуется — через влажные нейроны, микропроцессоры, сети ДНК, — не имеет значения. Думаете, мы одни наделены этим особым даром? Спросите любого владельца собаки. Это был хороший разум, ми-

стер Фрэнд, лучше вашего или моего, подозреваю. Это было сознательное бытие, а вы сделали все возможное, чтобы его уничтожить. Я, пожалуй, признаюсь, что презираю вас за это. Если бы это зависело от меня…

В этот момент зазвонил телефон на столе. Тьюринг снял трубку, вслушался, нахмурился.

— Томас… Да. — Он провел ладонью по губам и продолжил слушать. — Что ж, я тебя предупреждал…

Он отвлекся от телефона, взглянул на меня или сквозь меня и взмахом руки приказал мне оставить его одного.

— Я должен ответить на звонок.

Я вышел в коридор и прошел подальше, чтобы не слышать разговора. Меня покачивало и мутило. Иначе говоря, меня мучила вина. Он увлек меня своей личной историей, и мое самомнение взыграло. Но это была всего лишь прелюдия. Как только я размяк, он проклял мой материализм. Это меня пронзило. Точно лезвие. И я сам заточил его своим пониманием. Адам обладал сознанием. Я долгое время склонялся к такому взгляду, а потом для своего удобства отбросил его и сделал дело. Я должен был сказать Тьюрингу, как мы тосковали по Адаму, как Миранда плакала. Я

забыл упомянуть его последнее стихотворение. Как близко мы наклонились к нему, чтобы расслышать. Потом, оставшись одни, мы вспомнили его и записали.

Телефонный разговор с Томасом Ри все никак не заканчивался, и я отошел подальше. Я начал сомневаться, что смогу снова взглянуть в лицо Тьюрингу. Он высказал свое суждение сдержанным тоном, но не сумел скрыть презрение. Что за мучительное чувство — испытывать ненависть и отвращение человека, которым ты так восхищаешься. Лучше уйти не прощаясь, прямо сейчас. Машинально я засунул руки в карманы в поисках мелочи на автобус или метро. Всего лишь несколько медяков. Я потратил последние деньги в пабе на Мюзим-стрит. Мне придется идти пешком до Воксхолла, чтобы забрать арендованный фургон. Но я обнаружил, что у меня в карманах нет ключей от него. Если я оставил их в кабинете Тьюринга, я не собирался возвращаться за ними. Я понял, что должен уйти до того, как он закончит телефонный разговор. Какой же я был трус.

Но я оставался на месте, сидел в оцепенении на скамейке, уставившись в открытую дверь напротив, пытаясь понять, что это значит — быть обвиненным в попытке убийства, за которое

меня никогда не привлекут к суду.

Я достал телефон и увидел сообщение Миранды: «Успех с апелляцией! Жасмин только что привезла Марка. В плохом состоянии. Лупил меня. Пихался, ругался, не разговаривал и не давал дотрагиваться. Теперь припадок истерии. Полностью оттаял. Приезжай скорей, любимый, М.».

Нам предстояло выяснить, сколько времени понадобится Марку, чтобы простить Миранду за ее долгое отсутствие в его жизни. Я почувствовал странное спокойствие при этой мысли и обрел уверенность. У меня был долг. Безотносительно моих забот. Ясная, отчетливая цель — вернуть Марку тот взгляд, которым он посмотрел на меня, когда собирал пазл, беззаботно обнимая Миранду за шею, вернуть ему то щедрое пространство, где он снова сможет танцевать. В уме неожиданно возник образ монеты, которую я когда-то держал в руке, в виде Филдсовской медали, высшей награды для математиков, со словами, которые приписывались Архимеду: «Поднимись над собой, и постигнешь мир».

Прошло не меньше минуты, прежде чем я осознал, что смотрю в дверь лаборатории, где стояли столы из нержавеющей стали. Казалось, я был там очень давно. В другой жизни. Я встал,

постоял, а затем, отбросив все мысли о правилах и допуске, вошел и направился к столу. Длинная комната, с мешаниной трубопроводов и кабелей под потолком, была по-прежнему ярко освещена и безлюдна, не считая единственного лаборанта, занятого чем-то в дальнем конце. С далеких улиц доносились звуки сирен и неразборчивое скандирование. Кому-то или чему-то пора уйти. Я медленно, беззвучно пошел по полированному полу. Адам все так же лежал на спине. Кабель питания, тянувшийся по полу, от него уже отключили. Голова Чарли Паркера исчезла, и я был рад. Мне не хотелось находиться под ее пристальным взглядом.

Я встал рядом с Адамом и положил руку на лацкан его пиджака, над тем местом, где должно быть сердце. Хорошая ткань, отметил я непроизвольно. Я склонился над столом и всмотрелся в незрячие мутно-зеленые глаза. У меня не было никаких конкретных намерений. Иногда тело лучше разума знает, что делать. Наверное, я подумал, что нужно простить его, несмотря на вред, который он причинил Марку, в надежде, что он или преемник его памяти простит Миранду и меня за наше ужасное дело. Преодолев секундную нерешительность, я наклонился к его лицу и по-

целовал мягкие, совершенно человеческие губы. Мне представилось легкое тепло его плоти и как он касается моей руки, словно желая удержать. Я распрямился и замер у стального стола, не желая уходить. Неожиданно улицы внизу затихли. А над моей головой рокотали и ворчали коммуникации современного здания, словно живой зверь. На меня навалилось утомление, и я ненадолго закрыл глаза. И испытал миг синестезии: спутанные фразы, разрозненные импульсы любви и сожаления сделались струящимися завесами разноцветного света, которые соскользнули, сложились и развеялись. Я мог бы без смущения обратиться к умершему вслух, чтобы выразить свою вину в словах. Но я ничего не сказал. Это было слишком запутанно. Следующий этап моей жизни, несомненно, самый ответственный, уже начинался. А я чересчур медлил. В любой момент Тьюринг мог выйти из кабинета, увидеть меня здесь и продолжить разнос. Я отвернулся от Адама и быстрым шагом, не оглядываясь, прошел через лабораторию. Я пробежал по пустому коридору, нашел аварийную лестницу, спустился по ней на улицу, шагая через две ступеньки, и пошел через Лондон на юг, к своему беспокойному дому.

Благодарности

Я глубоко благодарен всем тем, кто уделил свое время первым наброскам этого романа: Анналене Макафи, Тиму Гартону Эшу, Галену Строусону, Рэю Долану, Ричарду Эйру, Питеру Штраусу, Дэну Франклину, Нэн Тэлис, Джеко и Элизабет Грут, Луизе Дэннис, Рэю и Кэти Найнстайн, Ане Флетчер и Дэвиду Милнеру. За все оставшиеся ошибки беру ответственность на себя. Я также многое почерпнул из долгого разговора с Дэмисом Хассабисом (р. 1976) и из авторитетной биографии Алана Тьюринга, написанной Эндрю Ходжесом (ум. 1954).